

Из истории африканского средневековья

Из истории африканского средневековья

(статьи британских ученых)

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва 1986

The Cambridge History of Africa,
vol. 2

Перевод с английского
Л. С. КЛЕЙНА

Ответственный редактор
Л. Е. КУББЕЛЬ

В сборник входят статьи ведущих африканистов Великобритании, опубликованные во втором томе «Кембриджской истории Африки». В статьях на основе богатого археологического, этнографического, лингвистического материала, а также данных письменных источников реконструируется историческое развитие Северо-Восточной Африки (VII—XVII вв.), Экваториальной и Южной Африки (середина I тысячелетия до н. э.—середина I тысячелетия н. э.). Анализируются проблемы суданского характера мероитской цивилизации, связей Мероэ и Аксума, путей распространения железной металлургии к югу от суданского пояса, распространения народов языковой семьи банту.

И 0504020000-129 128-86
013(02)-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Распад колониальной системы империализма, последовавший за окончанием второй мировой войны, сопровождался в сфере исторической науки небывалым по масштабам и по темпам расширением интереса к прошлому народов бывших колоний, в частности африканских народов. Этот интерес обнаруживали в первую очередь сами африканцы, для которых восстановление истинной картины того, что происходило на их земле до колониального порабощения, было одной из главных сторон подготовки и проведения антиколониальной революции, а после достижения независимости — и национального строительства в независимых молодых государствах континента.

Но и для западной науки изменения в политической обстановке на Африканском континенте тоже оказались в определенном смысле поворотной вехой. Они требовали отказа от привычных и закреплённых постоянным употреблением в течение десятилетий стереотипов, в первую очередь от манеры делить народы мира на исторические и «неисторические» (к последним, естественно, относили народы колоний). Старый подход уже не мог «работать» в новой Африке по вполне очевидным мотивам практической политики.

Вот почему период с конца 40-х до конца 60-х годов оказался временем быстрого роста числа исследований по истории Африки, строившихся как на совершенно новых фактах, добытых наукой, так и на пересмотре традиционных концепций, сложившихся еще в колониальное время. Но по мере того как увеличивалось число таких работ, все острее ощущалась надобность в обобщении их результатов.

Именно поэтому почти одновременно, в 1964 и 1968 гг., вопрос о таком обобщении приобрел практическое воплощение в виде планов создания двух многотомных «Историй Африки». Одна из них подготавливалась под руководством ЮНЕСКО, вторая — как одно из серийных изданий Кембриджского университета в Великобритании, где к тому времени уже существовала традиция публикации «Кембриджских историй» тех или иных регионов или стран. Сейчас, в середине 80-х годов, мы располагаем четырьмя вышедшими томами издания ЮНЕСКО и всеми восемью томами, из которых планировалось составить «Кембриджскую историю Африки» и которые увидели свет в 1975—1982 гг.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, содержит три главы II тома «Кембриджской истории Африки», увидевшего свет в 1978 г. При отборе материалов для публикации на русском языке данные главы были признаны заслуживающими наибольшего внимания. Они посвящены, с одной стороны, региону, история которого довольно слабо освещалась в отечественной литературе, — Нубии, тем государ-

ствам, которые существовали в этом уголке африканской земли до арабского завоевания территории нынешнего Судана в конце XIII в., — Кушу, Мероз, Напате, Алве, Мукурре, а с другой — важнейшей проблеме этнокультурной истории континента — возникновению к югу от экватора обширной области, заселенной народами, говорящими на родственных языках банту. История миграций этих народов в результате складывания у них производящего хозяйства и перехода к производству железных орудий тоже не избалована вниманием наших историков.

При чтении публикуемых глав не найти сколько-нибудь широких теоретических построений. Больше того, советский читатель сразу же заметит, что авторы этих глав практически вовсе не оперируют хорошо знакомой нам терминологией, такими понятиями, скажем, как общественно-экономическая формация или первобытнообщинный строй. Но если последнее обстоятельство объясняется тем понятным фактом, что авторы — не марксисты и потому марксистский понятийный аппарат не применяют, то отсутствие попыток осмыслить исторические события в каких-то обобщающих категориях заслуживает специального объяснения (хотя в конечном счете она, по существу, вытекает из того же самого немарксистского мировоззрения авторов публикуемых глав).

«Кембриджская история Африки», как уже сказано, создавалась в русле прочно сложившейся традиции аналогичных изданий. А эта традиция требовала от авторов и редакторов подготовок и строгого выдерживания стиля практически справочного труда, построенного на последних достижениях науки, но не стремящегося в какой-то мере обобщить эти достижения в более широком общен историческом и общесоциологическом контексте. Методологической основой подобного подхода служило убеждение, что никаких общих закономерностей в историческом процессе не существует, а история развивается как последовательная цепь индивидуальных событий.

Эти взгляды в полной мере отразились и при подготовке того труда, с которым мы сейчас имеем дело. Редакторы томов — а ими были крупные британские историки-африканисты — откровенно излагали их в своих предельно кратких введениях к «своим» томам. Соответствующим образом определялись и их требования к авторам отдельных разделов.

Но в то же время эта же самая традиция «Кембриджских историй» требовала, чтобы как справочное издание очередной труд находился на самом высоком научном уровне. И при рассмотрении Африки и ее прошлого этот принцип был выдержан очень последовательно. В качестве авторов привлекались самые авторитетные в изучении того или иного региона или периода ученые. Их тексты основывались на самых последних и самых надежных фактических данных.

Здесь надо иметь в виду еще одно обстоятельство. По сути дела, «Кембриджская история Африки» — международное издание, в том что касается состава ее авторов. Среди них помимо британских ученых представлены специалисты из других стран Европы, из африканских государств, из США.

В результате всего этого «Кембриджская история Африки» в нынешнем ее виде — действительно совершенно первоклассное справочное издание. Чтение его обеспечивает максимально полное на современном уровне наших знаний представление об историческом развитии африканских народов и их культур. Но искать в его томах философского и социологического осмысления этих фактов, во вся-

ком случае в том что касается их места во всемирно-историческом процессе, обычно не приходится (хотя степень самоотстранения авторов от такого осмысления и оказывается разной в зависимости от личного подхода того или иного исследователя).

Главы, вошедшие в настоящий сборник, принадлежат трем авторам — и все трое принадлежат к числу самых крупных зарубежных историков-африканистов. Пол Шинни, британский археолог, работавший в момент издания II тома «Кембриджской истории Африки» в университете канадского города Калгари, многие годы вел раскопки древней Нубии. Для археологического изучения этого района он сделал, пожалуй, больше, чем кто-либо другой за послевоенные десятилетия. Советскому читателю фамилия Шинни может быть известна не только по этим его работам: под общей редакцией учебного была подготовлена в 1971 г. сводная археологическая работа «Железный век Африки», переведенная в 1982 г. на русский язык (М., 1982). Написанные им главы — «Восточный Судан и Эфиопия, 600 г. до н. э.—600 г.» и «Христианская Нубия» — являют собой подробную и всестороннюю сводку археологических и письменных материалов, освещающих историю Нубии — политическую (точнее, династичную), культурную, идеологическую — в том виде, в каком она была известна науке к середине 70-х годов. Прошедшие десять лет не внесли сколько-нибудь заметных изменений в наши знания, и материалы Шинни вполне сохраняют свое значение сводки и сегодня.

Глава «Рождение бантуязычной Африки» принадлежит перу таких авторитетных историков и археологов, как Раймонд Оливер и Брайан Фэган. Оба они широко известны своими археологическими исследованиями на обширных пространствах Восточной и Центральной Африки, а также как авторы сводного труда «Африка в железном веке, 500 г. до н. э.—1400 г.», вышедшего в свет в 1974 г. Собственно говоря, глава, включенная в «Кембриджскую историю», представляет собой сжатое изложение соответствующих разделов этой книги, дополненное сведениями о раскопках, проведенных за годы, прошедшие между публикацией обоих трудов.

Ценность главы Оливера и Фэгана заключена в том, что они впервые столь тщательно и подробно проанализировали как сам ход миграций бантуязычных народов из района к северу от бассейна Конго на юг и юго-восток, так и связь таких миграций с производящим хозяйством и появлением железных орудий. Однако легко заметить, что социально-экономический аспект этих процессов практически вовсе не рассматривается. В результате вся история огромного региона и множества этнических общностей, его населявших (и населяющих по сей день), оказывается определена чисто технологическими причинами: появлением железа и его использованием в расчистке леса, в земледелии и охоте. Но ведь техника и технология воздействуют на исторический процесс только опосредованно, через их использование в рамках определенной системы общественных отношений.

Не во всем можно согласиться с Оливером и Фэганом, когда речь идет о путях возникновения производящего хозяйства, в частности о таких важнейших его предпосылках, как окультуривание пищевых растений. Если при анализе происхождения африканской металлургии железа проявляемая ими сдержанность в отношении гипотезы О. Дэвиса о существовании железа в культуре кинтампо (на территории нынешней Ганы) еще во II тысячелетии до н. э. вполне оправдана, то скептицизм в отношении степени самостоятель-

ности освоения культурогенов и вытекающая из этого гипотеза об азиатском происхождении последних в Восточной Африке едва ли правомерны. Как показали исследования последних двух десятилетий, в частности работы французского ученого Р. Портера и некоторых других специалистов, степень самостоятельности африканцев в окультуривании таких растений, как ямс, была значительно большей, чем принято было считать ранее.

В то же время нельзя не подчеркнуть важность фундаментального вывода авторов главы «Рождение бантуязычной Африки» о том, что «к концу I тысячелетия н. э. говорившие на языках банту люди более или менее негроидного физического типа, жившие производящим хозяйством, давно уже утвердились на большей части территории, занимаемой ныне их потомками» (с. 140). Притом, как можно судить из текстов, Оливер и Фэган прекрасно отдавали себе отчет в политическом звучании этого заключения. В другом месте они иронически отмечают, что «до недавнего времени большинству белых южноафриканцев, включая археологов, было удобно полагать, что народы, говорившие на языках банту, пересекли Лимпопо примерно в то же самое время, когда голландские поселенцы прибыли на мыс Доброй Надежды» (с. 125). Так научная объективность при анализе, казалось бы, достаточно далекого от современности археологического материала — ибо выводы английских ученых строятся в первую очередь на его основе — сразу обнаруживает полную несостоятельность тезиса расистской пропаганды ЮАР о якобы «пришлом», а не автохтонном происхождении бантуязычного населения Южной Африки. Это ли не подтверждение известного тезиса А. Эйнштейна, гласящего, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория!

Таким образом, публикация на русском языке предлагаемых вниманию читателя трех глав «Кембриджской истории Африки» позволяет как специалистам, так и более широкой аудитории представить себе картину двух крупных регионов Африканского континента и их место в древнем мире и раннем средневековье; увидеть важнейшие стороны их культурного развития в самом широком понимании последнего термина — от материальной культуры до идеологии; еще раз убедиться в том, насколько остро актуальными могут быть исторические исследования в современном мире. Конечно, методологические слабости, во многом типичные для западной немарксистской науки, в немалой мере ослабляют полноту и последовательность авторской аргументации, заставляя читателя домысливать многое за авторов. И все же как сводка фактического материала эти главы имеют несомненную (и немалую!) ценность и заслуживают того, чтобы познакомить с ними советского читателя.

Л. Е. Кубель

П. Л. Шинни

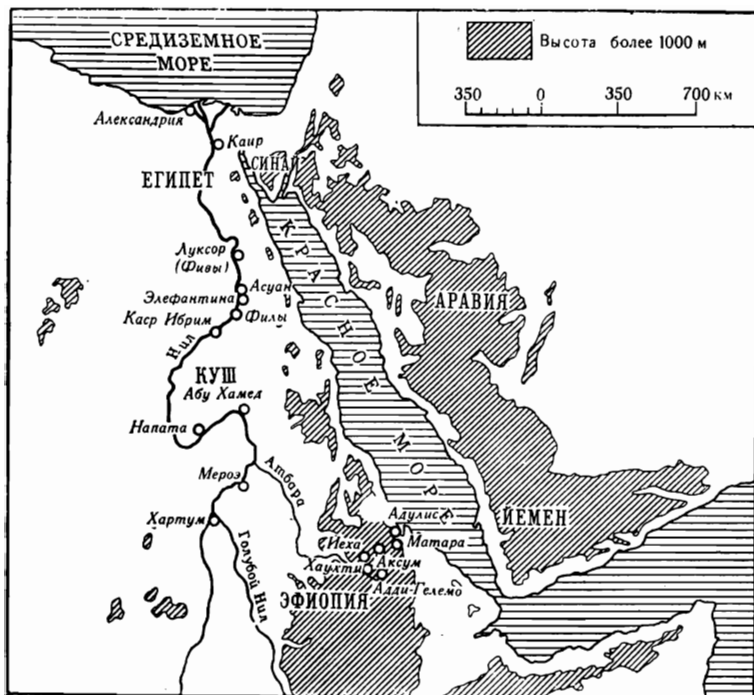
ВОСТОЧНЫЙ СУДАН И ЭФИОПИЯ

(600 г. до н. э.— 600 г.)

Происхождение цивилизации Мероэ. Около 1500 г. до н. э. древние египтяне вторглись в область, известную им как Куш (название, возможно, местное),— ныне это Северный Судан. Продвигаясь вверх по Нилу, они быстро заняли эту территорию вплоть до Кургуса (близ современного Абу Хамеда). Примерно за пять веков своего правления они изменили жизнь страны, построили города и храмы и ввели эффективную администрацию наподобие египетской. Трудно точно определить степень влияния этих событий на жизнь местной деревни, поскольку данный интересный вопрос еще не освещен археологическими исследованиями. Однако едва ли можно сомневаться в том, что воздействие сильно сказалось на семьях вождей, и весьма вероятно, что многие богатые кушиты переселились в города и усвоили немало из египетских обычаев и образа жизни.

Характер последнего периода египетского правления в Куше остается очень неясным, хотя известно, что при последних царях XX династии египетские войска и администрация покинули страну, а примерно к 750 г. до н. э. относятся первые свидетельства существования независимого Кушитского государства. Об этом и о последующих вторжениях кушитов в Египет при Пианхи (или Пии, как его, возможно, следует именовать) и Тахарке, которые вместе с их преемниками известны в истории Египта как XXV династия, говорится в I томе «Кембриджской истории Африки» (гл. 12). Там приводятся некоторые данные о кушитском влиянии в Египте и о кушитском происхождении царской семьи.

Период кушитского правления в Египте закончился в 654 г. до н. э., когда царь Танутамон покинул Египет

Карта 1. Нубия, Египет и Эфиопия

перед угрозой военного вторжения ассирийцев и вернулся в свою страну. С тех пор ни он, ни его преемники больше в Египте не появлялись.

Считается, что первые независимые кушитские правители жили в Напате близ храмов, построенных рядом с большими песчаниковыми холмами, известными ныне как Джебель Баркал. Основанный некогда египтянами город Напата, с его храмами, стал религиозным и, возможно, политическим центром важного автохтонного государства со столицей либо в Напате, либо в Мерозе, просуществовавшего тысячу или более лет. Несмотря на то что своей культурой это государство во многом было обязано Египту, оно развивалось самостоятельно, независимо от него.

Хотя сведения о первых кушитских правителях и культуре кушитов скудны, царские погребения в Курру

и Нури дают все же некоторую информацию и позволяют составить список кушитских царей. Вот те, кто был похоронен в Курру (с датами царствования и указанием мест погребения) [царские захоронения кушитов перенумерованы и обозначаются как Ку (Курру), Ну (Нури), Бар (Баркал) и Бег (Бегравия, Мероэ). Эта нумерация, общепринятая в настоящее время, была предложена Дж. Рейснером ¹⁾:

1. Кашта	Ку 8	ок. 760—751 гг. до н. э.
2. Пианхи	Ку 7	751—716 гг. до н. э.
3. Шабака	Ку 15	716—701 гг. до н. э.
4. Шабатака	Ку 18	701—690 гг. до н. э.
5. Тахарка	Ну 1	690—664 гг. до н. э.
6. Танутамон	Ку 16	664—653 гг. до н. э.

Имеется также материал из раскопок храмов и большого нецарского могильника в Санаме, состоящего из более чем 1500 захоронений. Местоположение Напаты, жители которой похоронены в этом могильнике, а также место царской резиденции не установлены. Возможно, они располагались возле современного города Мерове или на противоположной стороне реки близ храмов Джебель Баркала и нынешнего Карима. Несмотря на то что царские погребения являются хорошим свидетельством по крайней мере религиозного значения Напаты, нельзя с уверенностью сказать, что она была административным центром или царской резиденцией. Вполне возможно, что Пианхи и его преемники были выходцами из Мероэ. Сохранилось немало свидетельств деятельности царей в Мероэ, начиная с середины VII в. до н. э. Не исключено, что и много раньше этот город уже служил резиденцией царей. В то же время то, что Курру и Нури близ Напаты служили местами царских погребений примерно в течение 450 лет, указывает на очень тесную связь царского дома с этим районом. Несмотря на вряд ли случайное сходство названий, современный Мерове нельзя отождествлять с древним Мероэ: последний находился значительно южнее и будет описан далее.

Безуспешность попыток найти местоположение Напаты или обнаружить какое-либо современное ей поселение к северу от Мероэ оставляет серьезный пробел в наших знаниях о культуре того времени. Эти знания практически полностью сводятся к описаниям инвентаря захоронений и руин храмов. Вещи, как показывает их изучение, почти не отличаются от египетских того же

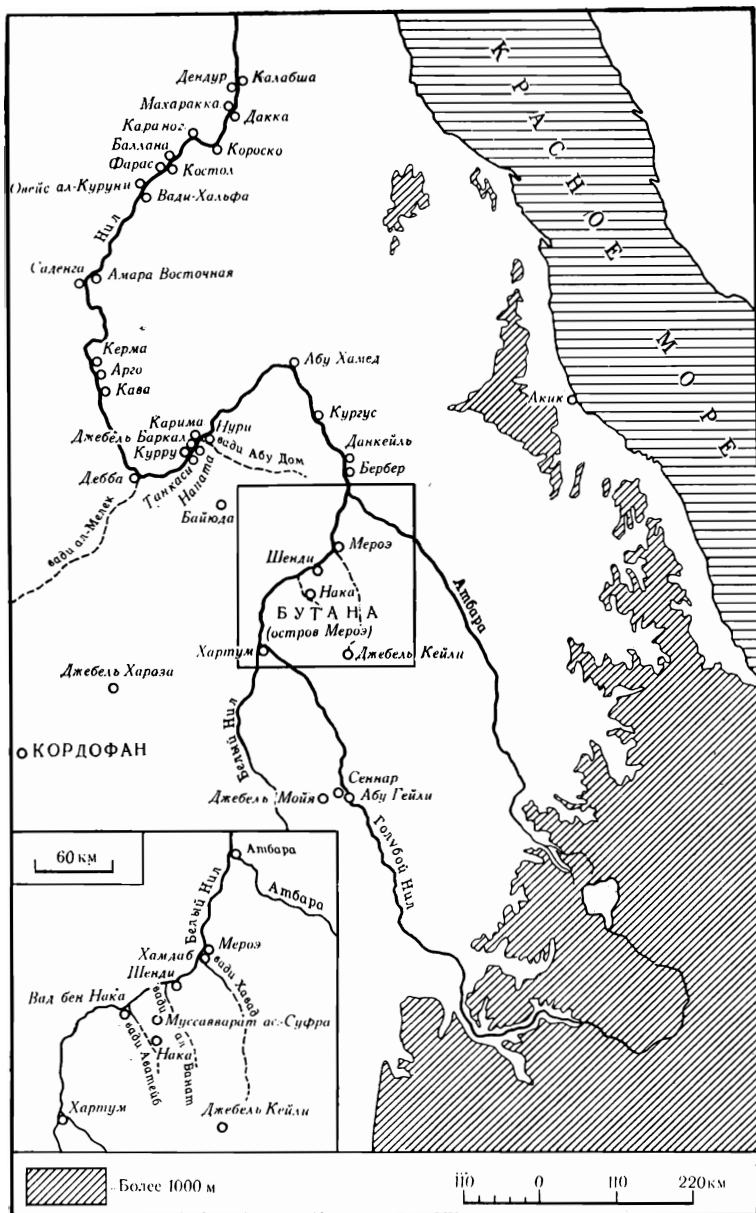
времени, а это позволяет понять, сколь глубоко внедрили в этой стране египетские техника и вкусы.

Лишь два — три горшка неегипетского стиля, обнаруженные в Санамском могильнике, указывают на присутствие местного компонента. Пусть эти черноглиняные со штампованным орнаментом горшки немногочисленны, они свидетельствуют об устойчивости керамической традиции, восходящей к 200 г. до н. э. и сохраняющейся вплоть до мероитского времени, т. е. до первых веков н. э.

Уход Танутамона из Египта сыграл решающую роль в истории Куша, ибо начиная с этого времени все ресурсы, бывшие в распоряжении царской и религиозной властей, использовались внутри страны. При этом прослеживается, хотя и смутно, некое развитие, которое становилось все более самобытным по мере все большего отделения Куша от Египта. Однако египетское культурное влияние оставалось здесь значительным на протяжении нескольких веков, вплоть до конца мероитского времени. Даже когда пали каноны искусства фараонов и перестали соблюдаться их религиозные предписания, пришедшие им на смену коптские и византийские культурные феномены Египта все еще находили на юге свое отражение.

Несмотря на сильное египетское влияние, характерное для Куша того времени, есть данные о присутствии совершенно иного, предположительно местного, элемента, особенно в социальной сфере. Хорошими примерами этого могут послужить приглашение, посланное Тахаркой своей матери в Куш с просьбой посетить его в Египте, и абсолютно неегипетская система престолонаследия, по которой власть переходила не от отца к сыну, как в Египте, а к братьям покойного правителя. Еще более разителен тот факт, что родство по линии матери имело важное значение для обоснования претензий на царский трон².

Последним кушитским царем, похороненным на родовом кладбище в Курру, был Танутамон. Еще для его предшественника, Тахарки, была построена пирамида, которая, вероятно, явилась первой пирамидой кушитского царя. Она была возведена в Нури на левом берегу Нила, выше Джебель Баркала. С пирамидой Тахарки связана какая-то загадка: похоже, что эта пирамида (Ну 1) была построена в два приема. Первоначальная, сравнительно небольшого размера, пирамида была впо-

Карта 2. Нубия в меропитское время

следствии включена в другую, более крупную, как будто царь решил, что первая недостаточно величественна для него — ведь он пользовался чрезвычайно высокой репутацией, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания его имени на постройках от Карнака до Сама.

Непонятен также тот факт, что его имя обнаружено на порталном косяке скромной кирпичной пирамиды значительно севернее — у Саденги, где не так давно был исследован некрополь, состоящий из такого рода пирамид. Результаты первоначального исследования этой пирамиды наводят на мысль, что Тахарка похоронен здесь, а пирамида в Нури — кенотаф. Данную идею подкрепляет отсутствие тела в погребальной камере нурийской пирамиды, хотя это вполне могло быть и результатом более позднего ограбления, поскольку все пирамиды Нури были опустошены, в основном в период средневековья. Скорее всего, обнаруженный в Саденге каменный блок с именем Тахарки перенесен туда из ничем более не известного храма, находившегося где-то поблизости.

В период между 640 и 300 г. до н. э., т. е. начиная с правления Атланерсы, преемника Танутамона, в Нури было похоронено двадцать правителей. Известны имена царей этого приблизительно 350-летнего периода, и мы можем с определенной долей уверенности сказать, в какой из пирамид каждый из них похоронен. Изучение могильного инвентаря и конструкции пирамид и погребальных камер, врезанных в скалу под ними, дает основание полагать, что принятая последовательность правления этих царей верна.

Ниже перечислены имена царей, похороненных в некрополе, с указанием дат их правления:

5. Тахарка	Ну 1	690—664 гг. до н. э.
6. Танутамон	Ку 16	664—653 гг. до н. э.
7. Атланерса	Ну 20	653—643 гг. до н. э.
8. Сенкаманискен	Ну 5	643—623 гг. до н. э.
9. Анламани	Ну 6	623—593 гг. до н. э.
10. Аспелта	Ну 8	593—568 гг. до н. э.
11. Амталка	Ну 9	568—555 гг. до н. э.
12. Маленакен	Ну 5	555—542 гг. до н. э.
13. Аналмайе	Ну 18	542—538 гг. до н. э.
14. Амани-натаки- лебте	Ну 10	538—519 гг. до н. э.
15. Каркамани	Ну 7	519—510 гг. до н. э.
16. Аманиаста- борка	Ну 2	510—487 гг. до н. э.
17. Сиаспика	Ну 4	487—486 гг. до н. э.

18. Насамха	Ну 19	468—463 гг. до н. э.
19. Малевизба- мани	Ну 11	463—435 гг. до н. э.
20. Талакамани	Ну 16	435—431 гг. до н. э.
21. Аман-нете- нерике	Ну 12	431—405 гг. до н. э.
22. Баскакарен	Ну 17	405—404 гг. до н. э.
23. Харсиотеф	Ну 13	404—369 гг. до н. э.
24. неизвестный?	Ку 1	369—350 гг. до н. э.
25. Ахратан	Ну 14	350—335 гг. до н. э.
26. Настасен	Ну 15	333—310 гг. до н. э.
27. Аманибахи	Ну ?	310—295 гг. до н. э.

Даты приведены по Ф. Хинце³, однако следует иметь в виду, что они не могут считаться точными. Скорее, это приблизительные вехи. Время правления ранних царей — тех, что похоронены в Курру, — было нетрудно установить по датам событий в Египте, и для точного датирования этих событий есть немало документов. Последовательность более поздних царей такова, как она указана, что же касается дат их правления, то эти даты вычислены исходя из гипотетической средней продолжительности царствования с поправками соответственно размеру пирамид и богатству обнаруженного там инвентаря. На протяжении всей мероитской эпохи вплоть до самого ее конца есть всего несколько твердо фиксированных дат, которые далее будут рассмотрены. Что же касается этого раннего периода, то время правления Аспелты удастся определить довольно точно: ведь он царствовал, по-видимому, во время вторжения Псамтика II в Напату, которое, как известно, имело место в 593 г. до н. э.

Наши знания истории того времени очень скудны. Сенкаманискен построил храм в Напате; его имя было известно и в Мероэ. Это первый царь, о котором точно известно, что он занимался строительством в Напате. Правда, не исключен и такой вариант: упоминание в надписи Танутамона о том, что он прибыл «с того места, где он был», указывает на существование его резиденции в южном городе. Судя по стеле Анламани из Кабы, он обладал пророческим даром и назначил своих сестер жрицами главных храмов, а также призвал свою мать в Куву, чтобы она увидела его на троне. Однако, кроме этих ритуальных актов, нам ничего о нем не известно.

Несколько больше знаем мы о времени Аспелты — возможно, брата Анламани. Его «Стела Избрания» дает великолепную информацию о том, как он унаследовал

трон. Стела весьма детально описывает сугубо неегипетский способ наследования. В надписи говорится о том, как народ был созван в Джебель Баркале, дабы избрать себе царя, но было решено, что его должен выбрать Амон-Ра — главный и, возможно, официальный бог государства Напаты. Все братья царя предстали перед богом, но были им отвергнуты. Тогда в святилище вошел сам Аспелта, и бог выразил свое одобрение. Это выглядит, как некий ритуал, исполняемый в угоду старому порядку. Похоже, что первоначальный выбор был сделан влиятельными жителями Напаты в соответствии с общеафриканским обычаем предварительного обсуждения перед обращением к богу.

Сохранились и другие документы времен этого царствования. Так называемая «Стела Изгнания» рассказывает о том, как царь раскрыл заговор, возможно жрецов храма в Джебель Баркале, и казнил заговорщиков. «Стела Посвящения» содержит гарантии того, что храм в Санаме будет предоставлять определенное содержание госпоже Мадикен — вероятно, жене Аспелты.

Стела Халиюта, очевидно созданная в более поздний период царствования Аспелты, является, как полагает Хейкок⁴, попыткой реабилитировать Аспелту в глазах его народа после того, как он был опозорен в результате успешного нападения египтян в 593 г. до н. э. В этой надписи повествуется, как Халиют, сын правившего ранее Пианхи, наверняка умершего, стало быть, ко времени создания стелы, молится богам Осирису и Ра-Характе за Аспелту «как за царя достойного и благочестивого, который возводил храмы, заботился о дарах для них, следил за почитанием мертвых и обеспечивал гробницы для тех, у кого их не было, уважал право жрецов на наследование должностей, принадлежавших их отцам».

Египетское вторжение 590 г. до н. э., очевидно, сыграло очень большую роль в истории Куша. Оно засвидетельствовано надписью, в которой сообщается, что в третий год своего царствования египетский фараон Псамметих II вторгся в Куш и дошел до Напаты. Подтверждение (сказанному) мы находим у Геродота, сообщающего, что в указанное время египтяне напали на Эфиопию. Об этом же говорят граффиты, сделанные в Абу Симбеле и Бухене войсками египетской армии, в числе которых были иностранные наемники из Греции и Карики. Главное граффито, в Абу Симбеле, дает имена двух руководителей этой экспедиции — Потасимо, воз-

главлявшего иностранных наемников, и Амасиса, руководившего египтянами. Кроме того, в надписи говорится о том, что они дошли до Керкиса. Это место нельзя с уверенностью локализовать, но если, как было предположено⁵, это то же самое, что современный Кургус, а он выше по течению, чем Абу Хамед, то, значит, египтяне проникли очень глубоко в страну кушитов. Фрагменты статуй правителей Напаты, найденные в большом количестве в храмах Джебель Баркала, возможно, свидетельствуют о разграблении Напаты. Вероятно, не лишено значения то, что последний из этих фрагментов датируется временем Аспелты.

Рассмотрим теперь вопрос о перемещении важнейшего политического и культурного центра Куша из Напаты в Мероэ. У этой гипотезы были активные сторонники, и предлагались различные даты для переноса царской резиденции из Напаты в южный центр. Существовала, однако, и другая гипотеза: что такого переноса не было и что с первых веков правления династии именно Мероэ было и царской резиденцией, и политическим центром. Пока все еще мало фактов в поддержку этого взгляда, хотя наверняка и до времени около 700 г. до н. э. в Мероэ был город, а некоторые погребения в Западном могильнике вполне могут относиться к этой ранней поре. Где бы ни жили ранние цари, они наверняка были захоронены в Курру и Нури, но примерно с 300 г. до н. э. установился обычай захоронения царей в могильнике Мероэ, сначала под пирамидами той группы, которая известна как Южный могильник, а позже — в Северном могильнике. Что остается неопределенным, так это стало ли Мероэ в предшествующий период главной царской резиденцией или нет.

Есть основания полагать, что в Мероэ уже с раннего напатского времени существовали здания, храмы и, возможно, дворцы. Как уже сказано, там было найдено имя Сенкаманискена, а также имена Аспелты, Маленакена и Аналмайе. В Западном могильнике некоторые погребения, судя по их инвентарю, восходят ко времени Пианхи; найден там и предмет с именем Капшты. Особенно же показательна керамика, найденная в результате недавних раскопок автора — она побуждает предположить наличие постоянных жилищ уже в VII в. до н. э., если не более ранних. Правда, всего этого недостаточно, чтобы доказать перемещение царской резиденции, а царские погребения в Нури продолжают встречаться по

крайней мере до правления Настасена в конце IV в. до н. э.

Представляется вероятным, что перемещение не было столь внезапным и драматическим, как предполагали раньше. Возможно, есть доля истины в предположении, высказанном много лет назад Рейснером, что во времена Пианхи какая-то ветвь царской фамилии переселилась на юг, чтобы править южным Кушем. Как бы то ни было, мы знаем, как уже говорилось, что ранние цари строили храмы по крайней мере в Мероэ, а Тану-тамон, быть может, и жил там.

Твердое свидетельство существования царской резиденции в Мероэ можно видеть в надписи Амани-нетейерике из Кабы. В этой надписи он сообщает, что жил в Мероэ и что его предшественник Талакамани там умер (около 430 г. до н. э.). Налицо первое упоминание этого города под тем именем, под которым он теперь и известен. Хотя Талакамани и умер в Мероэ, он наверняка похоронен в Нури, в Ну 16, так что факт погребения в Нури не исключает возможности того, что какое-то время цари использовали как резиденции оба города. Однако представляется чрезвычайно вероятным, что Мероэ получило преобладание по крайней мере во время Харсиотефа, потому что под 35-м годом его правления дворец в Напате описывается как занесенный песком и, стало быть, он тогда вряд ли был пригоден для обитания. Тут уместно отметить, что Геродот, писавший около 430 г. до н. э., упоминает Мероэ и приводит некоторые подробности о нем, но не упоминает вовсе Напаты.

Если попытаться определить время, в которое произошел основной сдвиг центра тяжести с одного очага на другой, то похоже, что это было в царствование Аспелты. Такое предположение, видимо, соответствует фактам, как они известны на сегодняшний день, но все это не внушает уверенности, пока не обнаружена царская резиденция в Напате. Военный успех египетского вторжения должен был и впрямь послужить побудительной причиной к перенесению главного центра государства куда-нибудь подальше на юг.

Какою бы ни была дата этого изменения, оно привело к очень важным для развития кушитской цивилизации результатам. Только после перемещения центра в Мероэ (причем лишь немного позже самого перемещения, если дата около 590 г. до н. э., предлагаемая здесь, верна) в культуре стали проявляться местные элементы,

так что с этого времени можно говорить о собственно мероитской цивилизации. Здесь термин «цивилизация» используется для обозначения периода, начинающегося с Аспелты.

Расположение Мероэ было выбрано удачно — оно имело много преимуществ перед Напатай не только в плане военной безопасности. Что бы ни привело к основанию города на песчаной гряде между двумя небольшими вади, основатели города отлично видели его стратегическую позицию. Раскопки показывают, что до основания города на этом месте был поселок из хижин, и новые элементы, которые можно видеть в мероитской культуре позднейших веков, быть может, отражают влияние народа, отличающегося от населения региона Напаты, возможно даже народа с другим языком. Имеются в виду обитатели района между Нилом и Атбарой, который теперь называется Бутана, а древним авторам был известен как «остров Мероэ».

Мероэ лежит настолько южнее Напаты, что попадает в район, где ныне почти каждый год идут летние дожди. Если верно суждение автора этих строк, что в I тысячелетии до н. э. осадков было несколько больше, а край области их распространения проходил несколько севернее, чем сейчас, район Мероэ должен был оказаться гораздо более плодородным, чем район Напаты. В наши дни контраст между этими двумя районами очень отчетлив: ниже по течению от излучины реки после Четвертого порога страна в основном представляет собой пустыню, за исключением орошаемых участков вдоль берегов реки, и только в этой узкой полосе удается, и то с большим трудом, поднимать воду для орошения земли под посевы.

Есть лишь небольшие участки, где, как только спадает ежегодный разлив Нила, можно сеять зерновые и другие культуры, так как необходимая влага содержится в свежееосевшем и плодородном речном иле. Эти участки известны сегодня как земли селука. Очень похоже, что в древности обработка земли была здесь такую же, как теперь. Особой палкой — селукой, по которой и названы эти почвы, делались ямки в грязи, и туда опускались семена. Чтобы обрабатывать более возвышенные земли, необходимо было поднимать воду. Вплоть до некоторого времени после 300 г. до н. э. это можно было делать только одним способом — простым и эффективным, но трудоемким — с помощью шадуфа. Шадуф —

это большое бревно на оси с противовесом на одном конце и бадьей на другом. Даже если сутки напролет не прекращать перекачку им воды, работая посменно, удастся оросить лишь очень маленький участок. Из птолемеевского Египта сюда проникла сакия — водяное колесо, приводимое в движение волами. Но и после этого нововведения, приведшего в Нижней Нубии к большому росту населения, количество выращиваемой здесь пищи оставалось все же сугубо ограниченным, а по опыту недавних лет известно, что сами волы, приставленные крутить колесо, пожирают огромное количество пищевых запасов.

Все это было существенным препятствием для распространения населения к северу, особенно учитывая, что Напата, затерянная за Четвертым порогом, была не столь удобно расположена, чтобы функционировать в качестве торгового центра и таким образом получать продовольствие в обмен на разнообразные изделия. Она фактически не имела собственных продуктов, кроме уже упомянутых ограниченных пищевых ресурсов. К тому же, хоть она и стояла у места впадения в Нил ряда крупных вад, текущих на юг и на запад (Вади Абу Дом, ведущего в Баюду, и Вади ал-Мелик, служащего путем на запад), все товары, направлявшиеся в Египет, который всегда оставался главным потребителем предметов роскоши с юга, должны были доставляться на север речным путем, со всеми трудностями прохождения через пороги, включая и особенно трудный проход через Второй Порог.

Надо сказать несколько слов и о самих этих товарах. Хотя наша информация о них относится большей частью к более раннему времени, кажется весьма вероятным, что товары, ценившиеся египтянами Среднего и Нового царств и известные по многим росписям гробниц, все еще оставались главными предметами торговли. Это были слоновая кость, шкуры (особенно леопардовые), страусовые перья, черное дерево и, главное, золото. Такой набор товаров предполагает, что они доставлялись из областей, расположенных на значительном расстоянии к югу от главных районов египетского и даже напатского влияния, хотя, за исключением разве что черного дерева, все эти товары, похоже, хорошо доступны вблизи Мероэ, где надежно засвидетельствовано наличие слонов. Всего лишь 150 лет назад там встречали львов, так что и наличие леопарда вполне вероятно, а за истекшее

двадцатилетие автор сам видел страусов не далее 100 км от Мероэ. С золотом, пожалуй, иное дело. Хотя известно, что главные источники его добычи располагались в холмах вдоль Красного моря, в древности золото добывалось и в ряде мест вдоль Нила, в частности близ Второго порога.

Удобно было расположение Мероэ и для торговой деятельности, а также и для земледелия. Что касается торговли, то оно контролировало пути на восток, к Красному морю, и на север, к Египту. Значение путей на восток, к Красному морю, возросло с развитием торговли Птолемеев по морским и по столь же важным сухопутным дорогам, уходившим на аравийскую сторону Красного моря к торговым центрам Сирии, из которых самым важным была Пальмира. Путь на север, в Египет, вел вдоль Нила к излучине у современного города Абу Хамед, а оттуда дальше на север по пустыне, чтобы снова выйти к реке возле Короско. Благодаря этому пути через пустыню, использовавшемуся вплоть до XIX в., Мероэ, хотя и более отдаленное от египетских рынков, легче устанавливало контакт с ними, чем Напата, по крайней мере после начала использования верблюда.

Что же касается сельского хозяйства, то тут превосходство Мероэ было даже более заметным. Вдобавок к приречным землям обоих видов — «селука» и «сакия» — имелись еще и широкие участки в руслах вади, такие, как Хавад и Аватейб, на которых в пору дождей можно было выращивать большое количество зерновых, главным образом сорго. После того как спадал кратковременный разлив, вызванный дождями, в этих руслах оставалось достаточно влаги для выращивания зерновых, и земли тут было достаточно, чтобы прокормить такие города, как Мероэ, и города, существование которых предполагается у Нака и Вад бен Нака. После дождей здесь также оказывались обширные пастбища для скота. В мероитском искусстве, особенно на настенных рельефах в пределах пирамид, есть достаточно изображений скота, чтобы можно было прийти к выводу о значительном месте скота в жизни мероитов. Автор этих строк обнаружил, что значительный процент костей в отбросах, залегающих в жилищах города Мероэ, принадлежал домашнему скоту. Это поддерживает предположение о значении скота в жизни и рационе мероитов. Аналогия со многими современными народами Судана приводит к

мысли, что в мероитское время скот был одним из главных источников власти и богатства. Если так, то возможность содержать большие стада на «острове Мероэ», разумеется, должна была привлечь к этому району внимание правителей, которые, надо полагать, уже владельцами стадами и ранее, постоянно перемещая свою резиденцию с места на место.

Непосредственные преемники Аспелты не оставили подробных сведений о событиях своего времени. Нет никакой информации из письменных источников вплоть до времени Амани-нете-йерике, т. е. до последней трети V в. до н. э. Есть четыре надписи этого царя на стенах храма Тахарки в Кабе; они сообщают много интересных подробностей. Хотя они и написаны на древнеегипетском языке (как все кушитские тексты в течение многих веков), по ним видно, что знание этого языка уже утрачивалось и влияние местного языка приводило к ошибочному употреблению египетских языковых форм. В разных текстах выступает разная степень владения египетским языком, что, видимо, отражает различия в уровне образованности конкретных писцов. А это говорит о том, что египетский язык уже не был в разговорном употреблении, даже если это и имело место в прежние времена.

Особенно важна главная надпись упомянутого царя, известная под обозначением Каба IX, ибо, как говорилось выше, в ней содержится первое упоминание Мероэ и информация о том, что там жил царь. Она также свидетельствует, что Талакамани был предшественником Амани-нете-йерике. Тем самым она подтверждает вывод Рейснера, сделанный по чисто археологическим данным до того, как эта надпись стала известна, а это, конечно, укрепляет доверие к его схеме последовательности царей, похороненных в Нури. Упомянут и Малевизбамани, но его соотношения с Амани-нете-йерике остаются неясными: первый — то ли отец второго, то ли брат.

Очень интересны переданные этой надписью подробности деятельности царя, потому что они показывают, что, хотя царь и жил теперь в Мероэ, он все же по-прежнему вынужден был отправляться в Напату за признанием от бога Амона-Ра в Джебельбаркальском храме — точно так же как должен был поступать Аспелта. Рассказав, что царю сорок один год и что он живет в Мероэ, надпись повествует, как после смерти Талакамани новый правитель прежде всего подавил мятеж

нского народа рехрехов, вероятно неподалеку от слияния Нила с Атбарой. После этого он отправился по суше через Баюду в Напату, и на это путешествие у него ушло девять дней. Может быть, он взял с собой мумифицированное тело Талакамани для погребения под нурийской пирамидой 16? В Напате он со многими церемониями вошел во дворец и в храм Амона-Ра, где бог обратился к нему с речью и вручил ему царство. После этого торжественного утверждения в своем статусе царь отправился в поездку, которую можно рассматривать как инспекционную. Возможно, такая поездка по некоторым из самых важных мест царства была обязательна для каждого царя. Но сначала царь предпринял военный поход вниз по реке Напаты против народа, именуемого «медед», — об этом народе говорится, что он обитает в пустыне. Местом битвы с медед был «Кртн», который не поддается идентификации.

После этого царь посетил важнейшие храмы в Кабе и Арго (Пнубс). В Арго храму был принесен в дар земельный участок, в Кабе был, видимо, очищен подход к храму Тахарки, за сорок два года занесенный песком, и проведены ремонтные работы. Во время пребывания царя в Кабе к нему прибыла с визитом царица-мать, и это (вместе с давним приглашением Тахаркой своей матери) показывает, что такие события считались достаточно важными для занесения в официальные сообщения. Этим подчеркивается роль женщин в царской семье. Одна из прочих надписей Кабы упоминает 25-й год правления Аmani-нете-йерике, значит, он должен был царствовать по крайней мере это количество лет.

Этим временем и датировано древнейшее описание Мероэ иностранцем. Оно сделано греческим писателем Геродотом. Геродот побывал в Египте около 450 г. до н. э., т. е. в царствование Малевизбамани. Южнее Элефантины (Асуана) он не заходил, но там, как можно предположить, он встретил мероитов и получил от них свою информацию. Его описание довольно расплывчато, и зачастую его географические сведения нелегко согласовать с фактами, но нет сомнения, что у него были какие-то информаторы, непосредственно знавшие Мероэ, а главное — что он знал о Мероэ и о том, что Мероэ расположено выше Четвертого порога, тогда как Напата не упомянута. Он знал о походе Псамметиха и описал, как некоторые из египетских отрядов отступили и обосновались к югу от Мероэ. Неясно, какого доверия

заслуживает этот рассказ — он ведь может быть и совершенно сказочным, но Уэйнрайт считает, что рассказ в основе своей точен и что отступавшие поднялись вверх по Белому Нилу на судах и обосновались в Кордофане⁶. Археологических данных о таком поселении нет, но ведь район-то фактически не исследован.

Геродот также описывает деятельность персидского царя Камбиза, который, по словам Геродота, попытался осуществить вторжение около 525 г. до н. э., т. е. в период, не освещенный в местных документах; вероятно, это было во время Амани-натаки-лебте. Персидская кампания в пустыне окончилась плачевно, но перед тем Камбиз послал лазутчиков в Мероэ, дабы, согласно Геродоту, выведать, есть ли в стране Эфиопии «стол Солнца»⁷. Об этом «столе» рассказывали, что он находится на лугу возле города эфиопов (вероятно, Мероэ) и что жрецы каждую ночь наполняют его мясом, так что каждый, кто придет, может есть. Лазутчикам были показаны «стол» и другие чудеса, и они возвратились. Если рассказ верен, то их задачей было, вероятно, обеспечить Камбизу возможность оценить реальность запланированного им вторжения.

Трудно соотнести эту, возможно мифическую, историю с известными фактами, но высказано предположение, что раскопанный Гарстэнгом в 1910 г. храм, лежащий менее чем в 2 км к востоку от г. Мероэ, можно идентифицировать со «столом»⁸. Ныне его принято считать храмом Солнца, но нет гарантий, что сказанное верно. Более вероятно, что это храм, посвященный богу-лугу Апедемаку.

Остальная информация Геродота имеет мало ценности. Он говорит, что лазутчики принесли подарки царю Мероэ; тот ответил на это, вручив им лук, который, по его уверению, Камбиз не сможет натянуть. Повидав разные чудеса, они вернулись домой. Согласно рассказу Геродота, неудачное вторжение Камбиза последовало за их возвращением.

Для истории Мероэ мало что можно извлечь отсюда, но упоминание лука, возможно, является достоверным, если учесть устойчивую ассоциацию Куша с лучниками: первоначально Куш был известен египтянам под именем «Девять Луков». Есть много находок наконечников стрел. На рельефах их храмов и молелен встречается ряд изображений и царей, и богов с луками значительной длины. Обычной находкой являются защитные

кольца для большого пальца, употреблявшиеся лучниками.

Из нескольких последних царей, похороненных в Нури, Харсиотеф и Настасен оставили надписи, дошедшие до нас. Надпись Харсиотефа очень похожа на надпись Аmani-нетe-йерике по содержанию: она описывает путешествие царя в Напату для утверждения его на престоле жрецами бога, а также военные кампании против медед и рехрехов. Она также сообщает о многочисленных дарах царя храмам и полна благодарностей богам за помощь, которую они ему оказали. Перед одной из своих кампаний Харсиотеф, прежде чем двинуться в поле, запросил Амона из Напаты о его мнении и совете. По словам Хэйкока⁹, надпись особенно интересна информацией о том, что Напата «была городом, полным старых разваливающихся зданий», а надвигавшийся перенос царского кладбища из Нури в Мероз, возможно осуществленный тремя поколениями позже, показывает, что слава Напаты сильно померкла, пусть даже цари еще должны были запрашивать формальную поддержку от Амона-Ра, за которым, несомненно, скрывалось жречество.

Погребение Харсиотефа под пирамидой № 13 в Нури — первое, в котором образцы орудий, по обычаю сопровождавшие царя в могилу, сделаны из железа, а не из бронзы. Хотя это и не первое появление железа (уже в могиле Тахарки были находки из железа), впервые этот металл найден в изрядном количестве, и это, видимо, указывает на его возросшее употребление в повседневной жизни.

В этой же могиле найдены фрагменты человеческого черепа, — пожалуй, событие редкое: ведь при ограблении могил все костяки были очень сильно повреждены. А этот череп достаточно полон. Он принадлежал человеку в возрасте около 25 лет. Но в таком случае это не мог быть Харсиотеф, ибо его надпись четко сообщает, что сделана в 35-й год его царствования.

Надпись Настасена, последнего царя из похороненных в Нури, была составлена в 8-й год его царствования, но описывает события, происходившие несколькими годами раньше. Ее главное содержание — это церемония коронации этого царя. Царь сообщает, что он жил в Мерозе, когда якобы был вызван на север богом Амоном из Напаты, чтобы совершить традиционные церемонии, необходимые при восшествии на престол. Царь не ссыла-

ется на своего предшественника, но из текста совершенно ясно, что путешествие на север было предпринято с целью получить формальное утверждение от Амона в храме Джебель Баркала. Хэйкок высказал интересное предположение, что выбор преемника на сей раз был сделан в Мероз, а визит на север должен был только зафиксировать свершившийся факт¹⁰. Вот что об этом сказано в самой надписи:

«Он (Настасен.— *П. Ш.*) говорит: „Когда я был благим молодым человеком в Мероз, мой благой отец Амон из Напаты воззвал ко мне, сказав: „Иди и призови братьев царя, которые в Мероз“. Я сообщил им, сказав: „Идите сюда, давайте направимся и вместе запросим о нашем [будущем] господине“, но они сказали: „Мы не хотим идти с тобой — это тебя он хочет благим молодым человеком (т. е. новым царем.— *П. Ш.*), ибо Амон из Напаты, твой отец, любит тебя“».

Это, конечно, сильное свидетельство того, что Настасен был избран единодушно.

Далее описано путешествие в Напату, а затем следует описание очень разработанного ритуала, в котором должен был участвовать новый царь и который включал в себя жертвоприношения и танцы; за ними следовали визиты в другие основные религиозные центры вплоть до Кавы на крайнем севере. На обратном пути в Напату, где должны были проходить завершающие церемонии, Настасен остановился в Арго (недавно там был найден большой мероитский храм). В каждом из этих мест происходила раздача ритуальных даров. Вернувшись в Напату, царь пробыл там пять дней, а затем отправился в Торе (это место еще не идентифицировано; Хэйкок предлагает Санам Абу Дом¹¹). Спустя десять дней Настасен побывал еще раз в Напате, где бог дал ему «все небеса, весь мир, все реки и всех людей, и я взошел и воссел на трон». Со своей стороны, царь даровал богу четыре сада и — для содержания их — 36 человек, а также много сосудов из серебра и бронзы, золотые статуи и скот.

Остаток текста повествует о военных действиях, описываемых в обычном хвастливо-напыщенном стиле. Из текста неясно, следовали ли эти кампании за коронационными церемониями, но так, конечно, должно было происходить. Не удастся определить местности, где были достигнуты военные победы. Враги большей частью оказываются племенами, обитающими в пустыне, и об

одном из них сообщается, что оно разграбило храмы в Каве и Торе и похитило золотые сосуды, в свое время подаренные Аспелтой. Настасен вернул эти сосуды на место.

Более важен (из-за его хронологических следствий) рассказ о кампании против неприятеля с ладьями. Этого неприятеля, имя которого, возможно, следует читать как Камбасутен или что-то вроде того, одно время считали Камбизом. Но вторжение последнего, если и имело место на самом деле, должно было произойти около 525 г. до н. э. — слишком рано для Настасена, если только не рассыпается вся принятая хронология царей. Большой смысл имеет резонное предположение Хинце, что это имя представляет собой вариант имени Хаббаша, известного по египетским источникам, — это был местный правитель региона к северу от Второго порога около 338 — 336 гг. до н. э., выступавший против персов в Египте. Если это предположение Хинце верно, то у нас оказывается хорошая опора для проверки предложенной датировки Настасена¹².

Имя Аманибахи обычно вставляют в список царей именно в этом месте, после Настасена, хотя нет гробницы, которую можно было бы признать его могилой. Свидетельствами его существования являются стела и жертвенник с его именем, найденные в развалинах церкви, построенной в средние века среди пирамид в Нури. Церковь принадлежала христианской общине, жившей среди царских гробниц и в самих гробницах и повинной в ограблении многих могил. По стилистическим признакам обе надписи относятся к рассматриваемому времени, но Аманибахи мог бы точно так же царствовать и перед Настасеном, как и после него. Во всяком случае, смерть Настасена произошла около 300 г. до н. э.

Мероз от времени около 300 г. до н. э. до римского вторжения. Смерть Настасена отмечает конец обычая хоронить царей в Нури. У нас нет возможности узнать, что происходило в это время, а ведь могли происходить события значительной важности для царской династии. Тут наблюдается какая-то путаница. Первым царем, похороненным в Мероз, был как будто Аракакамани. Он должен покоиться на Южном кладбище (под пирамидой Бег С-6), но есть также группа пирамид в Джебель Баркале, относящихся к концу IV в. Было немало споров о значении этой группы и о том, кто там похоронен.

В своей первоначальной исторической схеме Рейснер предположил, что эти пирамиды представляют независимую линию правителей, восстановивших важность Напаты, независимой от Мероэ. Когда же в Каве было найдено несколько надписей с царскими именами приблизительно данного времени, возникло предположение, что это были некоторые из тех царей, которые находились в гробницах Джебель Баркала. Их имена: Арьямани, Пианх-йерике-ка, Сабракамани, Арнехамани.

Указанные надписи, особенно надпись Арьямани, почти совершенно невразумительны. Они написаны на разновидности египетского языка предположительно писцами, родным языком которых был мероитский и которые знали египетский очень слабо. Насколько можно понять, надписи, видимо, содержат сообщения о дарах храмам и о празднествах, которые в этих храмах проводились. Имя Арнехамани найдено и на бронзовой голове.

Предположение о связи этих царей с пирамидами Джебель Баркала и о возникновении отдельного царства пришлось пересмотреть, когда имя Арнехамани было найдено вместе с египетскими надписями хорошего качества на стенах храма Льва в Мусавват ас-Суфра, расположенного южнее, чем даже само Мероэ. Эта находка показывает, что Арнехамани контролировал этот район и, вероятно, даже жил в Мероэ. Какою бы ни была истина и каким бы ни оказалось значение пирамид в Джебель Баркале, перенесение главного царского кладбища из Нури в Мероэ, видимо, должно датироваться, временем, не очень удаленным от 300 г. до н. э. Возможно, не лишено значения, что эта дата близка к дате завоевания Египта Александром (332 г. до н. э.), хотя и не видно какой-либо прямой причинной связи между данными событиями.

Дополнительные сомнения относительно независимой линии правителей в Джебель Баркале возникают в связи с тем, что имя Аманисло, возможно преемника Аракакамани, встречается на двух гранитных львах, найденных в Джебель Баркале. Эти львы, сделанные в правление египетского фараона Аменофиса III (1405—1370 гг. до н. э.), были когда-то перевезены в Джебель Баркал, где Аманисло вырезал на них свое имя. Поскольку он похоронен в Мероэ (пирамида С-5), снова оказывается вероятным, что правители, жившие в Мероэ, контролировали и север.

Однако недавно было вновь выдвинуто предположение, что после смерти Настасена прошло некоторое (впрочем, короткое) время, прежде чем начались царские погребения в Мероэ. Вениг предположил, что три неизвестных по другим источникам царя, чьи имена обнаружены в Каве, были похоронены в Джебель Баркале, а погребений в Мероэ тогда еще не было¹³.

Вот его реконструкция последовательности и хронологии этих царей:

Арьямани	Бар 11	315—290 гг. до н. э.
Пианх-йерике-ка	Бар 14	298—280 гг. до н. э.
Сабракамани	Бар 15	280—270 гг. до н. э.

Примерно с указанного времени и появляются элементы мероитского искусства, совершенно отличные от египетского, и стиль рельефов из приделов гробниц во многих случаях приобретает все более самобытный облик. (Это не всегда было так: рельефы и надписи на стенах храма Льва в Мусавварат имеют очень близкое сходство с рельефами и надписями, обычными для этого времени в птолемеевском Египте.) Хинце исследовал эти стилистические данные вместе с формулами царских титулов и предположил, что Арнехамани, основатель храма, был частично современником Птолемея IV (211—205 гг. до н. э.)¹⁴. Но Хэйкок отверг это, предположив более раннюю дату — он предположительно датирует и правление Арнехамани и сооружение храма Льва временем около 250 г. до н. э., т. е. правлением Птолемея II¹⁵.

Все попытки установить точную хронологию мероитских правителей весьма гипотетичны. Правда, некоторую опору для хронологии дает греческий писатель Диодор Сицилийский, который сообщает, что Эргамен, царь Мероэ, был современником как Птолемея II, так и Птолемея IV. Эргамена обычно отождествляют с мероитским царем Аркамани, который, судя по надписям, участвовал в строительстве храмов на крайнем севере — в Филах и Дакке. На других частях того же здания есть имя Птолемея IV, так что отождествление Эргамена с Аркамани не кажется невероятным. С другой стороны, вполне возможно, что имена, столь схоже звучащие — Аракакамани, Арнехамани и Аркамани, — могли все передаваться греками как «Эргамен».

В двух вещах можно быть уверенным: что в указанное время существовали более близкие контакты с

Египтом, чем в любой другой период мероитской истории, и что строительство храма в Нижней Нубии при Аркамани было исключительным событием.

Поскольку имя другого мероитского царя, Адихаламани, тоже найдено на храме в Дабодде, можно предположить, что мероиты заняли этот край. Правда, поселений и могильников того времени не найдено. Это было время восстания против Птолемеев в Верхнем Египте, продолжавшегося приблизительно с 207 по 186 г. до н. э., и возможно, что мероиты помогали египетским мятежникам. В какой-то период после 180 г. до н. э. Птолемей IV (180/1 — 145 гг. до н. э.) расширил Дабодский храм. Значит, к тому времени контроль Птолемеев был восстановлен, но, вероятно, лишь после селевкидского вторжения в Египет в 169 г. до н. э. Нет уверенности, что царю Мероэ принадлежал политический контроль над этим северным регионом. Свидетельства заселения его мероитами (какой масштаб ни взять) появляются лишь значительно позднее.

Тесный контакт с птолемеевским Египтом был, вероятно, причиной сугубо египетского стиля рельефов на стенах придела к пирамиде Аркамани и на стенах храма Льва в Мусавварат. В то же время в этом храме есть и ряд совсем неегипетских изображений — как, например, слонов и крупного рогатого скота, регалий царя и регалий бога Апедемака, которому посвящен храм.

Неразумно было бы чрезмерно стараться выжать из наличных данных точные даты. Надежнее сказать, что Аракакамани был похоронен в Мероэ около 300 г. до н. э. и что среди его непосредственных преемников были Арнехамани и Аркамани. Их правления, все вместе, покрывают период от около 250 до 200 г. до н. э., во время которого и был построен мусавваратский храм Льва. Хотя Диодор, вероятно, и совместил воедино несколько правителей в своем описании Эргамена, его сообщение чрезвычайно интересно рассказом о выборах царя. Оно очень близко сведениям, содержащимся в надписях Настасена и других, а это наводит на мысль, что и прочая его информация вполне может оказаться точной.

Лучше всего известна та часть его сообщения, в которой Диодор описывает, как Эргаман покончил с традицией, по которой цари, по настояниям жрецов, совершали самоубийство¹⁶. Представляется полезным привести перевод всего отрывка: «Но самое удивительное то, что происходит при смерти царей. Жрецы, находящиеся

на острове Мероэ, совершающие услужение и почести богам, занимающие величайшую и властнейшую должность, как только им придет на ум, посылают вестника к царю, приказывая ему умереть. Ведь таково-де решение богов, а смертные ни в коем случае не должны пренебрегать повелением бессмертных. Указываются и другие причины, которые простой ум, привыкший к древним и неизменным обычаям, легко принимает не находя доводов, чтобы противиться ненужным приказаниям. Ведь и в прежние времена цари подчинялись жрецам, нуждаемые не оружием и страхом, а вследствие того, что ум их был настроен богобоязненно. Только живший во времена Птолемея II эфиопский царь Эргамен, получивший греческое воспитание и философски образованный, первый осмелился пренебречь этим повелением. Возымев образ мыслей, достойный царя, он ушел вместе с солдатами в заповедное место, где находился золотой храм эфиопов, перебил всех жрецов и, уничтожив этот обычай, переделал все по своему усмотрению.

Говорят, что закон относительно царских друзей, как он ни странен, сохраняется до нашего времени. У эфиопов, как утверждают, существует такой обычай: в случае, если царь по какой-либо причине повредит себе какую-нибудь часть тела, то все друзья его добровольно лишают себя той же части тела, так как стыдно будто бы следовать за царем с покалеченной голенью друзьям, имеющим здоровые ноги, и во время торжественных выходов сопровождать царя, не хромая, как он. Ведь они считают, что истинным друзьям нелепо вместе горевать и печалиться, а также принимать участие во всех других равно счастливых и несчастливых обстоятельствах, а в отношении телесных недугов оставаться безучастными. Говорят также, что есть у них обычай, чтобы вместе с царями добровольно умирали и их друзья, и эта смерть считается почетной и является доказательством истинной дружбы. Поэтому у эфиопов нелегко осуществить злой умысел против царя, так как друзья его одинаково предусмотрительны как в отношении царской, так и своей собственной безопасности. Таковы законы у эфиопов, населяющих столицу, а также остров Мероэ и всю территорию, примыкающую к Египту»¹⁷.

Тут будет уместно перечислить правителей и их могилы в Мероэ, а также датировки их правлений, данные Хинце. Нетрудно заметить, что многие из идентификаций шатки и что список содержит гораздо больше дога-

док, чем список более древних правителей, погребенных в Курру и Нури. Это делает приводимые даты еще более шаткими, и пользоваться ими надо с большой осторожностью. Здесь не место приводить детальную аргументацию принятой последовательности правителей или их размещения по конкретным гробницам. Читателю, желающему разобраться в этом, следует обратиться к книге Хинце. Спор о деталях данного списка будет продолжаться еще долго. Например, Вениг предложил целый ряд изменений, что можно видеть по его списку, начинающемуся с Настассна¹⁸.

Вот список царей, погребенных в Бегаравийя (Мероэ), их гробниц и дат (по Хинце):

28. Аракакамани	Бег С-6 295—275 гг. до н. э.
29. Аманисло	Бег С-5 275—260 гг. до н. э.
30. царица Баргаре	Бег С-10 260—250 гг. до н. э.
31. Амани... тега?	Бег Н-4 250—235 гг. до н. э.
32. [Арнехамани]	Бег Н-53 235—218 гг. до н. э.
33. Аркамани	Бег Н-7 218—200 гг. до н. э.
34. Табирка?	Бег Н-9 200—185 гг. до н. э.
35. ...ивал?	Бег Н-8 185—170 гг. до н. э.
36. царица Шанагдахете	Бег Н-11 170—160 гг. до н. э.
37. неизвестный царь	Бег Н-12 160—145 гг. до н. э.
38. [Накринсан]	Бег Н-13 145—120 гг. до н. э.
39. {Таньидамани}	Бег Н-20 120—100 гг. до н. э.
40. [...Хале]	Бег Н-21 100—80 гг. до н. э.
41. {...амани?}	Бег Н-14 80—65 гг. до н. э.
42. [Аманихабале]	Бег Н-2 65—41 гг. до н. э.
43. царица Аманишахете	Бег Н-6 41—12 гг. до н. э.
44. Нетекамани	Бег Н-22 12 г. до н. э.—12 г. н. э.
45. царица Аманигаре	Бег Н-1 12 г. до н. э.—12 г. н. э.
46. [Шеркарер]	Бег Н-10 12—17 гг.
47. {Писакар }	Бег Н-15 17—35 гг.
48. Аманиаракиде	Бег Н-16 35—45 гг.
49. Аманигенемиде	Бег Н-17 45—62 гг.
50. царица Аманихаташан	Бег Н-18 62—85 гг.
51. Тарекенивал	Бег Н-19 85—103 гг.
52. {Аманихалика}	Бег Н-32 103—108 гг.
53. [Аритенъсбехе]	Бег Н-34 108—132 гг.
54. {Акракамани}	Бег Н-40 132—137 гг.
55. {Адекетали}	Бег Н-41 137—146 гг.
56. Такидеамани	Бег Н-29 146—165 гг.
57. {...рекерем?}	Бег Н-30 165—184 гг.
58. ...	Бег Н-37 187—194 гг.
59. {Теритедахатей}	Бег Н-38 194—209 гг.
60. Арьсбехе	Бег Н-36 209—228 гг.
61. Теритниде	Бег Н-51 229—246 гг.
62. Аретниде	Бег Н-35 246 г.
63. Текеридеамани	Бег Н-28 246—266 гг.

64. {Тамелердеамани?}	Бер Н-27 266—283 гг.
65. {Иесбехеамани?}	Бер Н-24 283—300 гг.
66. {Лахидеамани?}	Бер Н-26 300—308 гг.
67. {Малекеребар?}	Бер Н-25 308—320 гг.

? означает, что чтение имени ненадежно

[] означает, что идентификация с могилой ненадежна, но вероятна

{ } означает, что идентификация с могилой всего лишь догадка

Перечисление правителей, их мест упокоения и дат в том виде, как их дает Хинце, не означает, что этот список более надежен, чем списки, предложенные другими исследователями. Но он удобен и дает некоторое представление о последовательности и датах. Существенны и аргументы, приведенные Венигом.

Перенос царских погребений из Нури в Мероэ предполагает политические события, о которых мы ничего не знаем. Вероятно, он также указывает на потерю влияния жрецами Напаты. Возможно, теперь ведущая роль бога Амона из Напаты перешла к храму Амона в Мероэ. Эта дата, около 300 г. до н. э., также ознаменовала начало изменений в культуре, именно с этого времени встречаются предметы в стиле, обычно описываемом как мероитский. Изменения пошли гораздо дальше простого отражения изменений в египетских стилях, привнесенных птолемеевским влиянием. Наиболее заметный элемент нового — это возрастающая самобытность стиля. Материалы, которые стоило бы описать, не очень обильны, но есть достаточно памятников и пирамид, чтобы можно было дать общую оценку.

Едва ли не наиболее важную, а также наиболее обильную информацию можно получить из царских погребений, и, как уже говорилось, именно эта серия гробниц, впервые раскапывавшихся и изучавшихся Рейснером лет пятьдесят назад, дала материалы, на которых построена хронологическая и историческая схема.

С самого начала использования кладбища в Нури все правители Куша оказываются похороненными под пирамидами, что представляет собой радикальное изменение по сравнению с тем, как обстояло дело на более раннем кладбище в Курру. В Курру ранние погребения покрыты насыпями, курганами, а более поздние, вероятно, усеченно-пирамидальными постройками, известными в египетской археологии как «мастаба»¹⁹. Было высказано предположение, что могила Пианхи в Курру была все же покрыта пирамидой, но то, что осталось от

поверхностных сооружений, скорее говорит о том, что это была именно мастаба.

Мы не можем сейчас знать, какие культурные влияния привели к сооружению пирамиды для погребения Тахарки. Возможно, что идея погребения под пирамидой была получена из Египта. Хотя там сооружение пирамид для царских погребений давно прекратилось, частные лица погребались в пирамидах или под ними по крайней мере еще незадолго до 1000 г. до н. э. Эти поздние египетские погребения, как в Дейр ал-Медине, хотя и отделены во времени 300 годами от появления первых мероитских (кушитских) гробниц, напоминают их своей окончательной формой, которая сильно отличается их от царских пирамид Египта более раннего времени.

По меньшей мере одно частное погребение с пирамидой известно в Судане — гробница Аменемхета, местного вождя, в Овейс ал-Куруни. По стилю этот придел, связанный с египетскими погребениями, отличен от приделов в Нури и Джебель Баркале; в Куше по крайней мере эта черта может быть местной.

Первый (сравнительно простой) образец того, что должно было стать стандартным мероитским приделом к гробнице, представляет собой сооружение в Курру. Курган 6 имеет здесь небольшой придел, образованный двумя параллельными стенами из сырцового кирпича, пристроенными к восточной стороне насыпи. С этого времени берет начало строительство таких приделов у восточной стороны поверхностного сооружения гробницы, будь то курган или пирамида. Такое развитие вело от неукрашенных стен в Курру и Нури к скульптурно разработанным стенам в Мероэ.

Если не считать царских погребений, то до самого последнего времени наша информация была ограничена большим нецарским кладбищем в Санам Абу Дом, расположенным через реку от храмов Джебель Баркала, в нескольких километрах ниже по реке от Нури, а также нецарскими погребениями (их огромное большинство) в Южном и Западном могильниках Мероэ. Во всех этих могильниках есть погребения, датируемые наверняка начиная с VIII в. до н. э., причем Западный могильник продолжал использоваться в течение многих веков.

Могильники свидетельствуют о разнообразии погребальных обычаев, и интерпретация значения этих обычаев стала предметом многих споров. В Мероэ обнаруживаются два типа захоронения: один — состоящий из

прямоугольной могилы, в которой тело покоится на ложе (способ погребения, известный в Курру и наверняка местный), и второй, более близкий к египетскому — когда тела, в этом случае мумифицированные, помещались в деревянных гробах и часто были покрыты россыпью бус — подобие того, как это делалось в то же время в Египте. Неясно, отражается ли в таком различии погребальных обычаев наличие двух общин (или, возможно, общественных классов), живших одновременно, или же оно объясняется разной хронологией.

От рассмотренных погребений отличаются погребения в Санам Абу Дом. Два главных их типа — это прямоугольные камеры, либо врезанные в скалу, либо сооруженные из кирпича внутри ямы, и простые прямоугольные или овальные ямы. В более сложных захоронениях тела обычно мумифицированы, но встречаются также и ряд более простых погребений, в которых тела либо уложены на спину в вытянутом положении, либо сильно скорчены. Исследователь, вскрывший этот могильник, датирует его временем от около 750 до 425 г. до н. э.²⁰

И опять же неясно, в чем реальный смысл описанных различий, хотя мы и уверены в наличии отдельных культурных традиций. Одна — египетская, представляющая не столько египтян, сколько часть местного населения, реально подвергшуюся влиянию египетских идей; другая — сохранившая сугубо самобытный погребальный обычай. Материал из погребений — большей частью в египетском стиле. Он состоит в основном из керамики, бус, множества фаянсовых амулетов и немногих металлических предметов — как из меди, так и из железа. Среди керамики есть, однако, и небольшое количество сосудов неегипетского типа. В отличие от сделанной на круге керамики египетского стиля, здешние образцы вылеплены от руки в очень старой суданской керамической традиции — с врезной орнаментацией, которая восходит ко времени «группы С» (около 2000 г. до н. э.) и стала вновь популярна после 300 г. до н. э. Вместе с неегипетским стилем погребений это наша единственная информация, говорящая о сохранении местной традиции. Последняя, вероятно, продолжала господствовать у значительной части населения, может быть даже большинства его, вдали от главных центров, где египетское культурное влияние было наиболее сильным. Дополнительные данные об этой самобытной культуре, вероятно,

будут получены только тогда, когда будут выявлены и исследованы поселения в районе Напаты, особенно негородские.

Единственный источник, откуда можно почерпнуть информацию не столько о мертвых, сколько о живых того времени,— это недавние раскопки автора в Мероэ. Это место, по-видимому, было заселено уже с некоторого времени до 500 г. до н. э., возможно даже ранее 750 г. до н. э. Материал с данного городища еще не позволяет сделать далеко идущие заключения, но можно сказать, что через короткое время после древнейшей даты здесь возникло значительное поселение.

Самое раннее свидетельство заселения получено с небольшого участка главного городского холма, где были обнаружены ямки от столбов. Здесь существовала хижина, вероятно похожая на те, что сооружаются в этом районе и сегодня неземледельческим населением. За этой хижинкой вскоре последовало возведение зданий из высушенного на солнце кирпича. Дома такого рода, предположительно с плоскими крышами, продолжали строиться до тех пор, пока город не был покинут; они характерны и для современных деревень этой местности.

Информация об общественных и царских постройках, в том числе и храмах, не такова, чтобы позволить сделать интересные выводы. Однако каменные блоки из раскопок Гарстэнга в Мероэ (1909—1914), недавно обнаруженные заново, позволили понять, что уже в царствование Сенкаманискена здесь было возведено какое-то здание, возможно храм. Свидетельствами еще более ранней застройки могут быть найденные в гробницах Западного могильника предметы с именами ранних царей, например таких ранних, как Кашта. Результаты новейших раскопок этому не противоречат.

Картина, возникающая в результате исследования жилищ в Мероэ, не очень отличается от той, которую дало изучение содержимого гробниц. Правда, эта картина еще очень фрагментарна, так как огромная доля материальных объектов была сделана из органических материалов — дерева и кожи. Все они погибли, большей частью в результате деятельности белых муравьев. Приходится реконструировать картину прошлой жизни по крайне неполным данным, большей частью на основании керамики, предметов из камня и фаянса, а также небольшого количества металлических изделий.

Многие из находок не отличаются существенно от

находок из Египта того же времени, а большое количество бус и амулетов из фаянса очень близко напоминают египетские. Керамика тоже во многих случаях дает типы, известные из Египта XXV и последующих династий, хотя керамика из Мероэ и изготовлялась (за малыми исключениями) на месте. Есть виды керамики, отличающиеся от египетских типов и представляющие самобытный элемент мероитской культуры.

Очень употребительны каменные предметы. Сюда входят разнообразные песты и ступки, каменные топоры, а также верхние и нижние терочные камни от зернотерок того типа, которые называются седловидными. Они прошли длинный путь развития, были распространены по всему миру и употребляются и сегодня в ряде местностей, включая район Мероэ, для растирания зерна и других веществ, таких, как пряности, косметические вещества и разного рода благовония для воскурений.

Общая картина, полученная нами, характерна для организованного государства с правящей династией, которая в духе традиций восточных монархий могла обладать значительной властью. Правда, восхождение на престол было основано не столько на прямом наследовании, сколько на выборах царя. Наследование в тех случаях, когда мы имеем о нем сведения из надписей (а они есть только для раннего времени), шло от брата к брату, причем мать царя, известная как кандака, имела важное значение. Мы мало знаем о характере мероитской политической организации, но чтобы удержать власть над столь протяженным отрезком речной долины, конечно, требовалась какая-то структура, способная распространять распоряжения царя по всей стране. Храмовое жречество явно играло важную роль даже в избрании правителя, и, если рассказ об Эргамене верен, жрецы имели право устранять царя по крайней мере до самой середины III в. до н. э. Многие из богатств страны были, вероятно, в их руках.

Население, по-видимому, жило большей частью в деревнях, в хижинах из дерева и соломы, от которых практически не осталось следов. Многие обитатели участков, удаленных от реки, были, видимо, кочевниками или полукочевниками, перемещающимися с места на место, как и многие сегодняшние жители Бутаны. Живя во время сухого сезона близко от реки, они удаляются от нее в июне или июле — как только начинаются дожди. Они движутся на восток вдоль ряда больших вади, в

руслах которых, как только выпадает достаточно влаги, они сажают сорго. Они также выгоняют стада скота на пастбищные луга, и то же самое вполне могло быть обычной практикой в мероитское время.

Городское же население, как уже было сказано, жило в зданиях из высушенного на солнце кирпича. Кажется вероятным, что уже до 500 г. до н. э. существовал ряд крупных городов. Данные из Мероэ, где найдены блоки от храма Маленакена (около 550 г. до н. э.), позволяют с уверенностью говорить, что к этому времени там существовал город значительного размера. Возможно, был город и в Напате, хотя он и не найден, и очень вероятно, что большой холм в Каве, пока что лишь поверхностно исследованный, скрывает еще один город, существовавший с очень давних, ранненапатских времен. Мы знаем и о других городах — Данкейле, севернее Бербера, и Вад бен Нака, южнее Мероэ. Ряд больших холмов, вероятно укрывающих остатки других городов, лежит у самой реки между Мероэ и Вад бен Нака. Возможно, существовал и город, связанный с рядом храмов у Нака, но, пока это местонахождение не исследовано, мы не можем сказать, когда здесь появилось население.

Датировка 500 г. до н. э. не учитывает новых находок. Очень может быть, что цветущие города были здесь уже во времена Тахарки. Замечательный и уникальный комплекс храмов в Мусавварат ас-Суфра, оказывается, восходит по крайней мере к V в. до н. э., причем там могли быть и более ранние здания. Так как некоторые из этих городов лежат выше по течению от Напаты, надо пересмотреть взгляд, согласно которому кушитская цивилизация зародилась в Напате как провинциальная копия египетской культуры того времени и распространилась к югу только когда-то в IV в. Ведь южная провинция Куша явно была уже значительной по размеру к 500 г. до н. э.

Открытие того, что в Мероэ имелось значительное поселение городского типа задолго до 500 г. до н. э., а может быть даже еще в VIII или IX в., указывает, как представляется, что в первые века Куша Мероэ имело такое же значение, как Напата, а может быть даже большее, чем Напата. Этот вывод мог бы помочь объяснить существование в культуре Куша самобытных элементов. Однако это не такое уж необходимое условие: ведь со времени около 2000 г. до н. э., когда суданские вожди правили в Керме и торговали с Египтом, навер-

няка существовала длительная автохтонная независимая традиция.

Единственным надежным фактом, свидетельствующим о переводе власти из Напаты в Мероэ, если он и осуществился когда-либо, является то, что ко времени около 300 г. до н. э. место царских захоронений было перенесено из Нури в Мероэ, где кладбищу и суждено было остаться на все время, пока существовало организованное мероитское царство. Поскольку, как можно было видеть, царская резиденция была уже в Мероэ, за век до того, или больше, возникает предположение, что это свидетельствует о важном изменении религиозного центра. Была Напата царской резиденцией и административным центром или нет, но она наверняка имела огромное религиозное значение. Церемонии, через которые должны были пройти цари в этом центре, говорят о том, что в храме Амона в Баркале находился центр царского культа. Более поздняя история этого храма несколько туманна, но, хотя он и не был покинут и здесь происходили кое-какие ремонтные работы, все же в I в. до н. э. и начале I в. н. э. значение его, вероятно, сильно уменьшилось.

В Джебель Баркале есть пирамиды, которые по стилистическим основаниям должны датироваться I в. до н. э., так что этот район не потерял всего своего прежнего значения. Рейснер предположил, что в указанное время здесь существовало независимое государство с центром в Напате²¹. Признавая значение Напаты, пожалуй, стоит заметить, что, хотя Геродот и упоминал Мероэ как столицу, Страбон, писавший около 7 г. до н. э., явно полагал, что Напата — царская резиденция. Он сформулировал это в недвусмысленных выражениях: «Напата — это была царская резиденция кандаки»; перед тем же он утверждал, что кандака была правительницей эфиопов. В его ныне известной форме храм Амона в Мероэ вряд ли древнее I в. до н. э. Однако не проведено исследований, которые могли бы показать, есть ли там более древние строения. А между тем это крайне вероятно. Как уже было предположено, этот храм, возможно, занял место Джебельбаркальского храма, став центром культа Амона. Возможно, что именно здесь, а не в Напате, как обычно полагают, Эргамен осуществил свой переворот против жрецов Амона.

Как бы то ни было, около 300 г. до н. э. Мероэ оказалось и царской резиденцией, и царским кладбищем, и

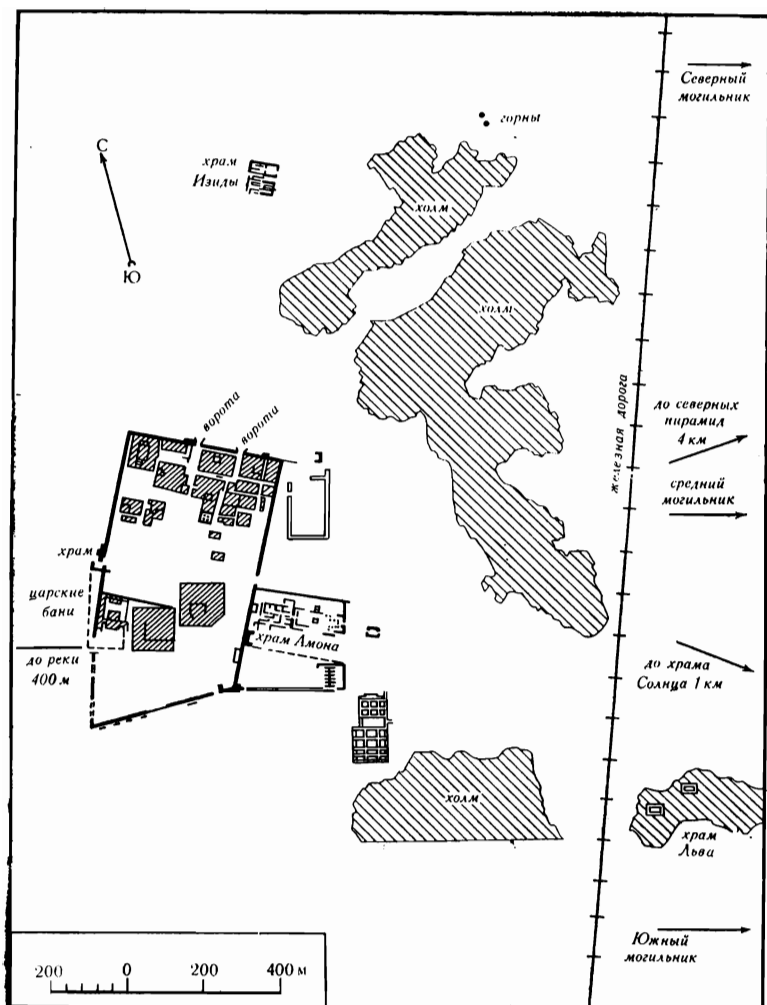

Схема I. План г. Мероз

местом большого храма, посвященного Амону, сохранившему статус официального государственного бога. Такой статус — египетского происхождения. Однако с этого времени получил известность и ряд местных божеств; были воздвигнуты храмы для поклонения им.

К счастью, в отличие от Напаты, город Мероз най-

ден и идентифицирован, и здесь могут быть изучены многие стороны жизни и погребальных обрядов мероитов. Описания этого городища читатель может найти в других изданиях. Здесь же нужно сказать, что город, расположенный приблизительно в 500 м от современного восточного берега реки, образует большой комплекс. Сюда входят окруженное стенами пространство, традиционно — и, видимо, правильно — называемое Царским Городом и содержащее большие общественные здания (некоторые, возможно, были царской резиденцией) вместе с очень примечательной баней и рядом небольших храмов; далее, большой храм Амона к востоку от этого пространства и два больших холма, покрывающих здания нецарского города, один из которых обследовался в течение последних нескольких лет (схема 1). Малые храмы, открытые в 1974—1976 гг., позволяют предположить наличие церемониальной дороги, проходившей с запада на восток из храма Амона к храму Солнца.

Городской комплекс ограничен с востока горами шлака — отходами железообрабатывающего производства. Внутри этого участка — развалины ряда небольших алтарей, из которых два построены на вершине искусственного холма из железного шлака. Дальше к востоку расположен другой храм, традиционно называемый храмом Солнца, у искусственно сооруженного водохранилища и могильников.

Эти могильники делятся на несколько групп. Ближе всего к городу большое количество простых курганных погребений, исследованных Гарстэнгом и сгруппированных им в три комплекса: Южный (погребения 1—99), Средний (погребения 300—399) и Северный (погребения 500—599). Все три — довольно поздние, они вряд ли древнее I в. до н. э. и продолжали использоваться до 300 г. н. э. или позже. За ними к востоку лежат три лучшие известные группы пирамид, которые содержат царские могилы. Из этих трех могильников Южный, видимо, древнейший, с погребениями, относящимися к VIII в. до н. э. Только к концу существования этого могильника в нем стали хоронить правителей, и пирамида Аракакамани, видимо, первого правителя, захороненного в Мероэ, находится здесь.

В этом могильнике известны только два погребения других правителей: погребение Аманисло, уже упомянутое как связанное со львами, и погребение царицы Бартаре. Возможно, оба были прямыми преемниками Ара-

какамани (правда, имя Бартаре вместе с именами других цариц, обычно приводимых в перечне, Вениг предложил убрать из списка правителей на том основании, что, имея титул кандаки, они не носили титула *кере*, который представляется обычным для правителей²². После этого кладбище было покинуто, вероятно, потому, что на нем не осталось удобных мест, и всех позднейших правителей пришлось хоронить под пирамидами, возведенными вдоль гряды немного севернее.

Третья группа погребений, Западный могильник, лежит между первыми двумя и городом. Хотя здесь и есть несколько пирамид, вряд ли тут был похоронен кто-либо из правителей. Это кладбище существовало длительное время, и обычно предполагают, что многие из тех, кто там погребен, принадлежали к царской фамилии.

Подробные надписи на египетском языке, кроме как с текстами чисто религиозного характера, отсутствуют. Поэтому невозможно составить представление о событиях во времена первых правителей, погребенных в Мероэ. Даже восстановление списка правителей и определение мест их захоронения наталкиваются на трудности. Например, не удастся определить, какая пирамида относится к Арнехамани, хотя он и известен хорошо по его надписи в Мусавварат ас-Суфра. Ему отводят пирамиду Н-53, но это всего лишь догадка, так как на самой пирамиде не найдено никакого имени. Довод в пользу такой атрибуции — только то, что, судя по месту нахождения, эта пирамида должна принадлежать к концу III в. до н. э., а также то, что ее погребальная камера — единственная трехкомнатная, т. е. того типа, который связывается с царями в период непосредственно перед Аракакамани.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что Аракакамани был первым, кого погребли в Мероэ на Южном кладбище и что пирамида Н-4 была первой воздвигнутой на северной гряде. Имя похороненного там правителя повреждено в надписи на приделе, но оставшиеся фрагменты можно прочесть как «Амани...теха». Аркамани, видимо идентичный Эргамону, появился вскоре после того, возможно за Арнехамани. Проблемы, связанные с его идентификацией и датировкой его правления, уже рассматривались, равно как и его деятельность по строительству храмов в Нижней Нубии. Эта деятельность, возможно, свидетельствует о мероитском вторже-

нии и захвате Нижней Нубии во время царствования Арнехамани. Обусловленные сказанным более близкие связи с Египтом — дружественные или враждебные — объясняют то, что рельефы придела к гробнице Арнехамани выдержаны в хорошем египетском стиле.

Существует немалая доля неопределенности в том, что касается имен нескольких последующих правителей. Из надписи на храме в Нака известна царица Шанакадхете. Это первая надпись мероитскими иероглифами, которую можно приблизительно датировать. Традиционная датировка правления этой царицы — 170—160 гг. до н. э. Возможно, она и похоронена под пирамидой Бег II-11. Хронологическая последовательность пирамид полностью определяется архитектурными стилями, впервые исследованными Рейснером, а также инвентарем могил, и, хотя позднейшие исследования могут изменить кое-какие детали, общая последовательность, видимо, верна.

Другой правитель примерно того же времени — Таньидамани, чье имя дважды появляется в Джебель Баркале, один раз на стеле и на votивной табличке из храма Льва в Мероэ, а также на граффито в Мусавварат ис-Суфра. Предполагается, что он погребен под пирамидой Бег II-20. Пирамида эта выполнена в стиле, который отмечает некий перелом по сравнению с предшествующим временем: она меньше, чем более ранние, а погребальная камера состоит всего лишь из двух помещений вместо трех.

Поскольку в Джебель Баркале есть пирамиды, которые, судя по их архитектуре, видимо, принадлежат к рассматриваемому времени, Рейснер предположил, что здесь существовала еще одна, независимая линия правителей. Но обнаружение имени Таньидамани в Мероэ и широкое географическое распространение имен некоторых его преемников делают сказанное маловероятным. Список правителей, составленный Хинце, тоже оставляет место для обособленной группы правителей. Хинце полагает, что раз они похоронены в Баркале, они, следовательно, должны были иметь там свою резиденцию. Эта группа включает Акинидада, Теритекаса и царицу Аманиренас, чьи имена найдены на севере — в Дакке и Каве, но известны и по материалу из Мероэ. Поскольку существует большая надпись с именем Акинидада из храма в Хамдабе, представляется совершенно невероятным, чтобы он правил страной из Напаты.

Период конца I в. до н. э. и начала I в. н. э. является очень сложным и важным. Он отмечает расцвет мероитской культуры и оказывается временем, когда проявилось большинство ее черт, считающихся чисто мероитскими. От этого периода известно больше строений и надписей, чем от любого другого. Рельефы на приделах пирамид, составляющие большую часть произведений мероитского искусства, датируются главным образом этим временем, как и большая часть произведений круглой скульптуры. Рельефы, пожалуй, наиболее важны для изучения развития художественного стиля, коль скоро могут быть сделаны какие-то попытки датировать. Они дают массу ценной информации для изучения мероитского искусства, иконографии и религиозных идей и показывают развитие эллинистического египетского стиля таких приделов, как Бег Н-11 (возможно, царицы Шанакдахете), где более отчетливо видны мероитские элементы. Среди рельефов есть и изображающий процессию небольших фигур, в которых можно узнать жрецов, несущих пальмовые ветви. Эта сцена сохранялась — в тех же изобразительных формах — вплоть до конца мероитского государства (последняя такая сцена изображена на пирамиде Бег Н-26, около 300 г. н. э.). Другой мероитский элемент — особый стиль изображения царей, отличный от египетского. Хороший пример тому — придел царицы Аманишакете (Бег Н-6), относящийся к самому концу I в. до н. э.: царица изображена как очень полная женщина со складкой на шее и морщинами на лице. Такое изображение — отличительно мероитское по типу. Меровитскими являются и детали одежды и личного убора, перевязь с бахромой, носившаяся через правое плечо, с кистями, свисающими с плеч, и большие бусы.

В искусстве этого периода мы видим легко узнаваемую мероитскую культуру, действительно многим обязанную Египту, но и явно со своим собственным «ароматом» и характером. Как можно предположить, это искусство сначала развивалось в Мероэ, а его главный центр был там очень близок царскому двору. В самом деле, в Мероэ были найдены рельефы приделов, и, вероятно, в целом там обнаружено больше образцов этого искусства, чем где-либо еще. В ряде областей мероитского искусства могли отразиться и другие влияния. Так, есть свидетельства восточных и сирийских влияний, но, как бы то ни было, творческий гений местного насе-

ления служил наиболее важным фактором в создании специфического художественного стиля, который продолжал существовать в течение ряда столетий и внес определенный вклад в культуру более поздней эпохи.

Пожалуй, наиболее выдающийся вклад в нее Мероэ — мероитская керамика. Действительно, благодаря количеству, в котором она находима, и художественному качеству некоторых ее видов керамика — это лучше всего известный продукт мероитской культуры. Изящная красная керамика, как, скажем, прославленные «яичные скорлупки» с их широким диапазоном расписной орнаментации, вызвала немало восхищения, как и многие из более крупных и толстостенных сосудов, отнесенных Лдамсом к группе II «Мероитская бытовая», — на них большая площадь поверхности позволяла художнику размещать более разработанные антропоморфные и зооморфные узоры. Те сосуды, которые поменьше, с более тонкими стенками, обычно имеют более традиционные узоры, во многих случаях — египетского происхождения, как, например, *анх*, лотос и урей²³. Но временами они имеют зооморфные узоры, безусловно основанные на местных реалиях, — так, на одном черепке, недавно найденном в Мероэ, изображены цесарка, жирафы и т. п. Это особый керамический стиль, и этот вид посуды держался не очень долго — он вряд ли уходит в глубь времен дальше начала I в. н. э., а существовал он, возможно, в течение двух веков. Но трудно переоценить его значение как свежей, новой художественной формы.

Это был также период теснейшего контакта Мероэ со средиземноморским миром, когда Мероэ было наиболее известно этому миру и могло рассматриваться как его часть. И правда, путешественники, а возможно, купцы и ученые из античного мира посещали Мероэ. Имена некоторых таких лиц приведены у Плиния; среди них — Симонид, о котором сказано, что он пребывал в Мероэ в течение пяти лет. Немного позже, в III в. н. э., Мероэ оказалось темой литературного труда — «Эфиопики» Гелиодора; в сочинении этом героиней была дочь царя Мероэ. Это показывает, что в то время город и царство Мероэ были хорошо известны. Вероятно, именно к событию I в. н. э. относится рассказ в «Деяниях апостолов» — о евнухе, принадлежавшем кандаке и принявшем крещение от апостола Филиппа.

В царских погребениях и среди руин города Мероэ найден ряд предметов средиземноморского происхожде-

ния — как эллинистических, так и римских. Один из этих предметов — аттический ритон — керамический сосуд для возлияний, с подписью хорошо известного афинского мастера-керамиста Сотадеса (около 400 г. до н. э.). Этот примечательный предмет был найден в гробнице Бег С-24. Он является хорошим доказательством датировки могилы временем более поздним, чем начало IV в. до н. э. Правда, большую точность мы здесь не получим, поскольку нет способов узнать, как долго такой предмет мог храниться — скажем, как наследственная драгоценность, — прежде чем упокоиться в погребении. Бег С-24 датируется приблизительно 350 г. до н. э. Кроме того, среди упавших блоков Бег Н-2 был обнаружен изящный серебряный позолоченный кубок римской работы, датируемый I в. н. э.; найдены и другие предметы значительного художественного достоинства.

Эти находки говорят о том, что шла интенсивная торговля между Восточным Средиземноморьем, главным образом Александрией, и Мероэ. Можно предположить, что в ходе такой торговли еще со времен древних фараонов природные продукты страны выменивались на изделия ремесла. Хотя в Мероэ и в других местах обнаружена целая россыпь птолемеевских и римских монет, сами мероиты, так и не наладили собственной чеканки.

Очень мало мы знаем о путях, по которым осуществлялась мероитская торговля, но похоже, что использовались два главных пути. Едва ли Нил был крупной торговой артерией. Тот торговый путь, который шел из Мероэ прямо на север, к Египту, скорее должен был отклониться от реки у Абу Хамеда и пересекать пустыню в направлении Короско, откуда товары должны были переправляться на судах, преодолевая только Первый порог. После появления верблюда этот путь через пустыню, право же, не представлял большой трудности, и он продолжал использоваться вплоть до недавнего времени.

Другой путь, вероятно самый важный, должен был проходить к востоку через Бутану («остров Мероэ») к Красному морю, а затем либо на север к одному из египетских портов на Красном море, как, скажем, Беренике, либо через море в Аравию и затем на север в Сирию. Этот путь использовался в течение столетий, что показывает знаменитое путешествие в Пунт в царствование Хатшепсут (около 1500 г. до н. э.). Какова бы ни бы-

ла точная локализация Пунта, ясно, что он лежал у южной оконечности Красного моря.

Пока что не найдено никаких следов дороги через Бутану к морю, но коль скоро это, видимо, были просто караванные тропы, заметных следов и не могло остаться. Однако мы знаем, что Птолеми, а за ними римляне торговали вдоль морского побережья, а после того, как началась римская торговля с Индией во II в. н. э., должны были существовать по меньшей мере места снабжения караванов питьевой водой. Что касается Птолемея, то известно, что они снаряжали много экспедиций к восточному берегу Африки в поисках боевых слонов, чтобы можно было противопоставить их индийским слонам слевкидов — соперников птолемеевских армий. Именно в это время была создана гавань Птолемаиды Охотничьей²⁴.

Страбон описывает, как Эвмед, посланец Птолемея I, создал нечто, бывшее скорее торговой факторией, нежели настоящей гаванью. Эта фактория продолжала использоваться еще в I в. н. э. (а если новые представления о дате «Перипла» верны, то и несколько позднее), когда автор «Перипла Эритрейского моря» описал ее как небольшой торговый городок без портового оборудования. К тому времени торговля слонами прекратилась, ибо африканский слон оказался уступающим по боевым качествам индийскому, но «Перипл» сообщает, что доставлялась слоновая кость. Место Птолемаиды точно не определено, но Крауфут, основываясь на довольно скудных топографических указаниях античных писателей и на находке одной каменной литейной формы для отливки предметов эллинистического стиля, предложил считать Птолемаидой место современного поселения Акик²⁵.

Мероэ и Римская империя. Мероэ полностью вошло в античный мир со времени вторжения в его северную часть в 23 г. до н. э. Публия Петрония, римского губернатора Египта. Эта кампания была первым серьезным продвижением римлян в глубь мероитской территории. Правда, надпись Гая Корнелия Галла, первого римского префекта Египта, найденная в Филах, сообщает, что он держал армию южнее Первого порога, где в 29 г. до н. э. принял посольство от царя Мероэ, возможно Аманихабале, которого взял под римское покровительство. У нас нет других свидетельств этого события, и, возможно, его следует отнести на счет хвостов-

ства римлян. Если дата верна, то датирование Аманихабале по Хинце нуждается в исправлении, ибо у Хинце в это время правила царица Аманишахете.

Ко времени Петрония, который стал губернатором в 28 г. до н. э., между римским Египтом и мероитами были налажены тесные связи. Они осуществлялись главным образом в Филах; ежегодное паломничество к храму Изиды было важным событием в жизни Нижней Нубии, пока оно не было запрещено Юстинианом в VI в. н. э. Граница в это время проходила к югу от Сиены (современный Асуан), и отношения между странами были в основном дружественными. Правда, воспользовавшись отсутствием части римского гарнизона в Египте, мероиты, похоже, напали на Сиену, Филы и Элефантину. Страбон предполагает, что Дакка (Псельхис) лежит в пределах территории под мероитским правлением.

О военных событиях сообщают Страбон, Плиний и Дион Кассий. Сообщение Страбона (XVII, I, 53, 54) — самое полное. Оно повествует: «Египет отличался издревле миролюбием вследствие того, что он был самодовлеющей страной, недоступной для вторжения чужеземцев, так как с севера он защищен лишенным гаваней побережьем и Египетским морем, а с востока и запада, как я сказал, пустынными горами Ливии и Аравии. В остальных частях по направлению к югу обитают троглодиты, блеммии, нубийцы и мегабры — эфиопы, живущие выше Сиены. Это кочевники; они немногочисленны и невоинственны, хотя древние считали их такими за то, что они часто разбойнически нападали на беззащитных людей. Что же касается эфиопов, область которых простирается далее к югу и к Мероэ, то и они немногочисленны и не объединены в союз, так как, как я уже сказал выше, обитают в длинной и узкой и извилистой речной долине; они не подготовлены ни к походной, ни к прочей жизни. И в настоящее время почти вся страна почти в таком же положении относительно мира и безопасности. Доказательством этого является следующее: римляне хорошо справляются с охраной страны с помощью только трех когорт, да и то неполных; и когда однажды эфиопы осмелились напасть на римлян, то они подвергли опасности собственную страну. Остальные римские военные силы в Египте едва ли столь же велики, как эти...

Эфиопы, набравшись смелости оттого, что часть римских сил в Египте во главе с Элием Галлом была

отвлечена войной против арабов, напали на Фиваиду и на сиенский гарнизон из трех когорт, и неожиданным нападением захватили Сиену, Элефантину и Филы, обратили жителей в рабство и разбили статуи Цезаря. Однако Петроний, подойдя с войском менее чем в 10 000 пехотинцев и 800 всадников против 30 000 человек врагов, сначала заставил неприятеля бежать в эфиопский город Псельхис и затем отправил к ним послов с требованием возвратить захваченное, а также спросить о причине, из-за которой они начали войну. Когда эфиопы заявили, что их обидели номархи, Петроний ответил, что не эти последние являются властителями страны, но Цезарь. Когда же они затем потребовали три дня на размышление, но ничего не сделали из того, что были должны сделать, он напал на них, заставил вступить в сражение и быстро обратил в бегство, так как они плохо держали строй и имели скверное вооружение. Ибо у них были большие продолговатые щиты, изготовленные из сырой бычьей кожи, боевым оружием им служили топоры, у некоторых были также копья, а у иных мечи. Часть неприятелей римляне отбросили назад в город, другая — бежала в пустыню, третьи, бросившись в канал (из-за сильного течения в канале было немного крокодилов), нашли убежище на соседнем острове. Среди беглецов были и военачальники царицы Кандаки, которая в наше время управляла эфиопами, женщины мужского склада и слепой на один глаз. Всех их Петроний захватил в плен живыми, подплыв на плотках и кораблях, и немедленно отправил в Александрию; затем он произвел нападение на Псельхис и взял ее. Когда, подсчитав, прибавили к числу захваченных в плен всю массу павших в битве, то оказалось, что спаслись только немногие. Из Псельхисы Петроний прибыл в город Премнис, пройдя песчаные дюны, где было засыпано песчаной бурей войско Камбиса. Напав на крепость, он взял ее приступом. После этого он двинулся против Напат. Этот город был царской резиденцией Кандаки; там находился ее сын, сама же она расположилась в каком-то соседнем местечке. Несмотря на то что царица отправила послов, прося заключить договор о дружбе и предлагая возвратить пленников и статуи, захваченные в Сиене, Петроний произвел нападение, взял Напаты (откуда сын Кандаки успел бежать) и разрушил город до основания; обратив жителей в рабство, он снова повернул с добычей обратно, решив, что лежащие далее

области непроходимы для войска. Премнис он все же лучше укрепил, оставив там охрану и продовольствие на 2 года для 400 человек, и отправился в обратный путь в Александрию. Что касается пленников, то часть их он продал как военную добычу, тысячу же человек он отослал к Цезарю, только что возвратившемуся из Кантабрии; остальные пленники погибли от болезней. Между тем Кандака неожиданно подступила к крепости с несметным войском, но Петроний выступил на помощь и, опередив царицу, прибыл туда раньше. После того как он, приняв ряд надлежащих мер, обезопасил крепость от вторжения врагов, снова прибыли послы, но он приказал им отправиться к Цезарю. Когда послы объявили, что не знают, кто такой Цезарь и куда надо идти к нему, Петроний предоставил им провожатых. Послы прибыли на Самос, где находился Цезарь, собиравшийся отправиться оттуда в Сирию, снарядив Тиберия в Армению. После того как они добились удовлетворения всех своих просьб, Цезарь даже освободил их от податей, которые сам же наложил на них».

Из этого сообщения ясно, что мероитское нападение должно рассматриваться скорее как набег, чем как вторжение. Известная бронзовая головка императора Августа, ныне находящаяся в Британском музее и найденная во время ранних раскопок в Мероэ (1909—1914), возможно, принадлежала одной из тех статуй, о которых Страбон сказал, что они были низвергнуты. Следует заметить, что Страбон, как и другие античные писатели, утверждает, что столица Мероэ была в Напате и что последняя была резиденцией царицы-кандаки. Это утверждение было использовано как аргумент в поддержку того взгляда, что в указанное время в Напате существовали независимые правители, которых хоронили в Баркале. Учитывая находку головы статуи Августа в Мероэ и проявление имен мероитских правителей примерно того же времени как в Мероэ, так и на севере, представляется вероятным, что Страбон и Плиний были дезинформированы; правда, сохранение традиции о Напате как царской резиденции говорит о том, что город этот все еще имел значение и что нет причин, мешавших царям жить здесь время от времени. Многие африканские правители — как древние, так и современные — кочевали с места на место, и даже если Мероэ было главным центром, правители вполне могли иметь и другие резиденции. Если для противостояния римля-

нам формировались крупные военные силы во главе с правителем, то не оставаться же было командующему в тылу, в Мероэ,— вот единственное разумное предположение.

Упоминание кандаки Страбоном и Дионом Кассием интересно, равно как и упоминание ее в «Деяниях апостолов», пусть даже Страбон и принял титул, как мы это теперь понимаем, за имя собственное. Этот титул употреблялся в нескольких случаях, из которых самый ранний — при имени Бартаре, погребенной под пирамидой Бег С-10 (около 250 г. до н. э.). Хотя точное его значение и неясно, это, вероятно, был высокий титул, означающий «царица», «царица-мать» или что-нибудь очень близкое к этому. Недавно было высказано предположение, согласно которому данный титул не означал, что его носительница была правящей, ибо для этого в мероитском языке есть слово «кере». Он означал какую-то важную функцию управления, отведенную в мероитском обществе женщине. Поскольку налицо и титул кере, кандака — не правительница. Если это верно, то «царица-мать» было бы, как представляется, наилучшим переводом.

Есть четыре мероитские царские особы, относящиеся приблизительно к этому времени. Их имена найдены в далеко отстоящих друг от друга местах и при разных обстоятельствах. Это имена двух женщин, Аманиренас и Аманишакете, носивших и титул «кере» и титул «кандака» и бывших, видимо, правящими царицами. Два других имени — мужские: Акинидад и Теритекас. Только об одном лице из этой четверки известно, в какой гробнице оно похоронено,— это Аманишакете. Она погребена под пирамидой Бег Н-6 — пирамидой, в которой, как утверждают, были найдены великолепные драгоценности, похищенные итальянским авантюристом Ферлини в 1834 г. Места погребений трех остальных неизвестны сколько-нибудь надежно, однако их тесная близость друг другу во времени доказывается сочетанием имени Аманишакете с именем Акинидада на стеле, найденной недавно в Каср Ибрим; в свою очередь, Акинидад связан с Теритекасом и Аманиренас в надписи на храме в Дакке, а также в Мероэ. Надписи с именами этих правителей встречаются на достаточно широкой территории, что подтверждает представление о их контроле над всем ареалом распространения мероитской культуры. Следующий список показывает, где они встречены:

Теритекас — Дакка, Мероэ
Аманиренас — Дакка, Мероэ, Хамдаб, Кава
Акинидад — Дакка, Мероэ, Хамдаб, Кава, Каср Ибрим
Аманишакете — Мероэ, Кава, Каср Ибрим

Определить их взаимоотношения сколько-нибудь уверенно и узнать, кто из них противостоял римлянам, невозможно. Полезным, правда, может оказаться исследование того, как эти имена группируются.

1) Теритекас как царь, Аманиренас (его супруга?) и Акинидад оказываются вместе в Дакке; имя Теритекаса также связано с именем Аманиренас на малой стеле из храма Исиды в Мероэ.

2) Имя Аманиренас, вдобавок к уже сказанному, связано с именем Акинидада в Каве и Хамдабе, пригороде Мероэ.

3) Акинидад известен также из отдельной надписи в Дакке, из надписи на блоке из Кавы, а также из надписи в Каср Ибрим, где его имя связано с именем Аманишакете.

4) Аманишакете известна по надписям на своей пирамиде (Бег Н-6), на блоке из Кавы, стилистически очень близком к блоку с именем Акинидада, на обелиске из храма Амона в Мероэ.

Таким образом, имена Теритекаса, Аманиренас и Акинидада связаны в разных сочетаниях: все трое вместе, Теритекас и Аманиренас, далее Акинидад и Аманиренас. Ситуация осложнена еще и стелой из Каср Ибрим, которая дает сочетание, до того не встречавшееся, — Акинидад и Аманишакете.

Предполагается, что две большие стелы и хамдабского храма содержат сообщение о кампании против римлян, и обычно считают, что Аманиренас — это и есть Страбонова «Кандака». Хинце предложил хорошо разработанную схему²⁶, по которой даккская надпись с тремя царскими именами рассматривается как свидетельство того, что все трое прибыли туда в начале кампании, что Теритекас умер и ему наследовал Акинидад (его сын?). Последний вместе с матерью, Аманиренас, продолжил войну, напал на Филы и Сиену и увез бронзовую статую императора. Возможно, хамдабская стела и была установлена, чтобы отметить эту победу, впрочем кратковременную. Вскоре последовало успешное контрнаступление римлян против мероитского войска, которым руководил, по Страбону, сын кандаки (Акинидад?), после чего римляне ушли, оставив гарнизон в

Премнисе (Каср Ибрим). Нападение мероитов на эту крепость не удалось, они согласились заключить мир и отправили послов к императору, который был в это время на Самосе.

Если бы имя Аманишакете появилось только после всего, о чем шла речь, то ее можно было бы считать преемницей Акинидада. Однако вся эта реконструкция оказывается под сомнением из-за того, что оба указанных имени содержатся в одной надписи из Каср Ибрим, а Каср Ибрим, как считается, должен был находиться в руках римлян. Значит, Аманишакете и Акинидад были как-то связаны между собой до того, как римляне продвинулись до Напаты. Пока не будут переведены большие надписи из Хамдаба и Каср Ибрим и обелиска Аманишакете в Мероз, вряд ли наши знания истории этого периода намного продвинулись.

Однако не может быть сомнения в том, что произошло серьезное столкновение мероитов с римлянами, из которого римляне вышли победителями, а официальная римская надпись «*Monumentum Apisuganum*» в Анкаре дает основание для уверенности в том, что римские войска достигли Напаты. Первоначальная победа мероитов и захват статуи в Сиене, возможно, увековечены в Мероз небольшим храмом, известным под № 292. Бронзовая голова Августа была найдена Гарстэнгом в 1912 г. перед самым храмом. В результате перестройки поверх древней святыни было сооружено строение такого же размера, в центре помещался большой пьедестал. Это может означать, что строение было воздвигнуто как хранилище статуи, от которой ныне осталась только голова. Необычные сцены в росписи, которые можно видеть на стене храма, сооруженного из сырцового кирпича, на одном из фотоснимков Гарстэнга, показывают пленников под ногами царя, а рядом виден человеческий череп, помещенный в стене. Это появление черепа, уникальное для мероитских построек, а также изображение пленных — сильный аргумент в пользу предположения, что храм был воздвигнут или перестроен, чтобы торжественно отметить победу и поместить сюда статую Августа.

Вскоре после этого времени проходила, по нашим сведениям, интенсивная строительная деятельность царя Нетекамани. Зданий с его именем известно больше, чем с именем любого другого мероитского правителя, и они гораздо шире распространены. Его имя найдено на

разрушенном ныне храме в Амаре-Восточной, далеко на севере; в Джебель Баркале; часто оно встречается в Мероэ, где твердо идентифицирована и его пирамида; его содержат надписи на двух храмах в Наке, а также в Вад бен Нака. В большинстве случаев имя Настасена выступает в связи с именем Аманитаре, относительно которой обычно полагают, что это его жена. Нигде это не сказано прямо, и возможно, что на самом деле она была царицей-матерью. Аманитаре носила титул кандака, а не кере.

Изображение этих двух особ вместе на пилонах храма Льва в Наке, где они стояли лицом друг к другу, уникально в мероитском искусстве. Какова бы ни была связь между этими двумя лицами, она явно произвела впечатление на современников. Другой необычной чертой является то, что в ряде случаев с ними оказывается фигура помоложе, которую можно было бы считать царевичем. Таких молодых людей трое, и, вероятно, это либо дети Нетекамани и Аманитаре, либо, если эта пара не была супружеской, — младшие братья Нетекамани. В число этих троих молодых людей входят Арикхарер, Шеркарер и Арихатани. Первый показан с Нетекамани и Аманитаре на храме Льва в Наке и на храме Амона в Мероэ, а также один, без них, на примечательной каменной плите из Мероэ (где он облачен в одеяния, говорящие о его царском сане, и с именем, написанным в картуше); есть его изображение и на пирамиде Бег Н-5. Шеркарер показан вместе с родителями (?) в Амаре-Восточной и один в Джебель Кейли, это самое южное изображение царской особы в Мероэ. Наконец, Арихатани показан на храме Амона в Наке с Нетекамани и Аманитаре. Из всех них только Шеркарер встречается в традиционных списках царей, а резьба Джебель Кейли, где его имя подано в картуше, дает уверенность в том, что он правомерно включен в эти списки. Эта резьба представляет чрезвычайный интерес, ибо она показывает царя, стоящего с захваченными пленниками перед изображением бога солнца, анфас, с солнечным диском, испускающим лучи, за его головой; в руке царь держит, видимо, несколько головок сорго. Нельзя утверждать с уверенностью, что могила этого царя найдена, но пирамида Бег Н-10 предположительно связана именно с ним, ибо, судя по стилю, она, видимо, следует непосредственно за гробницей Нетекамани.

Плита из Мероэ также дает значительные основания

предполагать, что Ариканхарер был царем, но правил ли он перед Шеркарером или после него — неясно. Его гробница, Бег Н-5, идентифицирована надежно. Она содержит ряд необычных предметов, один из которых, небольшая бронзовая фигурка опустившегося на колени одногорбого верблюда, — единственное свидетельство существования этого животного в Судане того времени. Там были найдены и две бронзовые человеческие головы, выполненные в эллинистическом стиле, принадлежавшие, вероятно, статуэткам; к сожалению, они не могут оказать большую помощь в датировании, так как этот стиль охватывает широкий отрезок времени — с IV в. до н. э. по середину I в. н. э.

Поэзная культура Мероэ. Хотя у нас и нет подробных исторических сведений о периоде, непосредственно следующем за римской кампанией, мероитская держава, видимо, сохранилась, и это было время значительных культурных достижений. Хорошим свидетельством тому является строительная деятельность Нетекамани, а группа храмов в Наке — это, возможно, самый наглядный пример достижений мероитов.

На северной стороне Вади Аватейб, примерно в 30 км к востоку от Нила, находился большой город. Здесь еще не проводились раскопки, и поэтому ничего нельзя сказать о характере его заселения. Большое количество холмов, по-видимому, скрывают под собой руины храмов и общественных зданий. Три храма, однако, все еще находятся в замечательной сохранности. Они показывают разные аспекты мероитской культуры и религиозных верований.

Эти три храма известны как храм Льва, «Киоск» и храм Амона. Все они различны по стилю. Храм Льва, посвященный местному богу-льву Апедемаку, принадлежит к тому типу, который мы знаем как характерно мероитский. Существует ряд других подобных образцов, но ни один не сохранился так хорошо. Здание в Наке состоит из простого прямоугольника с пилонами по обеим сторонам восточного выхода. Эти пилоны несут на себе скульптурные рельефы, на которых в сцене, восходящей к египетским прототипам, показаны Нетекамани и Аманитаре, побеждающие своих врагов. На стенах храма изображены сцены, в которых царь и царица (или царица-мать) вместе с Ариканхарером отправляют культ ряда богов, большинство из которых из египетского пантеона и которые, как и царские особы, изоб-

ражены в традиционном стиле, полученном из Египта,— лица в профиль. На внутренней стороне стены один бог, возможно Юпитер-Серapis, представлен в фас и с большой бородой в римской манере.

Скульптуры на внешней стороне задней стены, возможно, лучшие из всех известных мероитских храмовых рельефов. Они показывают трехглавого и четырехрукого Апедемака стоящим в середине, с Нетекамани и Ариканхарером по одну сторону и с Аманитаре и опять принцем — по другую. Многоглавое и многорукое изображение бога-льва используют для попыток обосновать гипотезу об индийском влиянии, но эта гипотеза сомнительна, поскольку такие изображения в Индии неизвестны примерно до 500 г. н. э.

Вплотную к храму Льва с его несомненно мероитским стилем стоит небольшое здание, известное как «Киоск», построенное в совершенно иной традиции. Этот храм обычно считают современным Львиному храму, для чего, однако, нет реальных оснований. Оси обоих зданий не совпадают, и мало вероятно, чтобы «Киоск» был построен с расчетом на то, что он станет частью комплекса храма Льва. Едва ли он использовался и как часть Дороги процессий. Недавнее исследование показало, что «Киоск», вероятно, должен датироваться несколько более поздним временем, в частности предлагалась датировка III в. н. э.²⁷ Этот храм напоминает «киоски», известные в Египте, из которых наиболее прославленный был построен в царствование Траяна (97—117 гг.) в Филах. Во многих его архитектурных чертах видно очень сильное александрийское влияние. Вероятно, он был спланирован александрийским архитектором, хотя некоторые элементы говорят о местном влиянии.

Третье из основных зданий в Наке более явно выдает, что оно было построено, подобно храму Льва, во времена Нетекамани. Это был храм, посвященный богу Амону. Как и у храма того же бога в Мероэ, его план выдержан в основном в египетском стиле, дорога к храму установлена каменными баранами. Вход с пилонами по бокам ведет во двор с колоннадой, затем следует серия помещений, ведущих к святыне, где первоначально стояла статуя бога. Несмотря на свой египетский план, храм был покрыт сценами несомненно мероитского стиля, показывающими Нетекамани, Аманитаре и на сей раз третьего молодого человека, Арикахатани, а также надписями, состоящими из мероитских иероглифов.

Итак, Нака дает нам примеры главных направлений мероитской культуры и показывает, как мероиты использовали заимствования из Египта и Средиземноморья, чтобы создать художественную традицию нового рода. Эта последняя, хотя и творя по моделям, полученным извне, превращала их в нечто совершенно отличное. Более древним зданием в Наке является другой храм, несущий имя царицы Шанагдахете, он датируется началом II в. до н. э.

Поскольку именно открытие имен Нетекамани и Аманитаре, написанных и египетскими и мероитскими иероглифами (в местонахождении Вад бен Нака, припадении в Нил Вади Аватейб), позволило расшифровать мероитское письмо, здесь, пожалуй, самое время рассмотреть проблему мероитского языка и письменности.

Вплоть до самого начала II в. до н. э. все известные надписи делались на египетском языке. Хотя они и демонстрируют очень различные уровни владения этим языком, представляется вероятным, что египетский был официальным языком. Многие из надписей, особенно надписи ранних царей — от Пианхи до Аспелты, свидетельствуют о совершенном владении этим языком и лингвистически неотличимы от других документов того же типа из самого Египта. Но с течением времени знание египетского языка ослабевало, и некоторые из более поздних документов, как, например, надписи Харсиотефа и Настасена (IV в. до н. э.), показывают чрезвычайно слабое знание стандартной египетской грамматики. Видимо, здесь сказывалось влияние местного языка, который мы называем мероитским; надписи настойчиво дают понять, что их переводили на египетский язык писцы с очень ограниченным знанием этого языка. Правда, встречались еще отдельные периоды, когда писали правильным египетским языком, и относящийся ко времени Арнехамани храм Льва в Мусавварат ас-Суфра содержит такие надписи. Есть находки египетских надписей даже времени Нетекамани.

Таким образом, развитие системы письма для местного языка не обязательно означает, что она появилась лишь потому, что исчезли знания языка египетского. Вполне возможно, что мероиты стали писать на собственном языке из-за развития чувства культурной независимости, которое, можно полагать, усилилось со времени первых царских погребений в Мероэ. В чем бы ни

были причины данного явления, в первой половине II в. до н. э. у мероитов появилась собственная система письма. Ее первое появление засвидетельствовано уже упомянутой надписью царицы Шанакдакете (около 170 — 160 гг. до н. э.) в храме F в Наке.

Хотя мероиты и использовали для своего письма египетские знаки или их модификации, они отобрали только 23 знака, используя их как алфавит или простой силлабарий. Появились две отдельные системы. Одна использовала египетские иероглифы (ими сделана надпись Шанакдакете), другая, не очень удачно именуемая «курсивом», использовала сильно упрощенные эквиваленты. Между этими двумя системами существует точная корреляция, и многие, если не все, знаки «курсива», видимо, основаны на позднеегипетском письме, известном под названием иератического. Трудно сказать уверенно, когда был введен «курсив», но предположительно это должно было произойти тоже во II в. до н. э. Обе системы продолжали использоваться параллельно, но иероглифы применялись только для более официальных надписей и стали редки после I в. н. э.

Находка каменного основания для священной ладьи в Вад бен Нака с именами Нетекамани и Аманитаренас, написанными как египетскими, так и мероитскими иероглифами, позволила получить фонетические значения для восьми знаков, после чего британский ученый Ф. Гриффит смог установить такие значения для 23 знаков в обеих системах письма²⁸. Понимание фонетических значений позволило читать имена и показало, что мероиты говорили на неизвестном ранее языке. Хотя ныне и известно уже значительное число текстов, в подавляющем большинстве с погребальных памятников, в понимании их смысла все еще мало успехов, и сам язык пока еще остается тайной.

Были предприняты попытки показать, что мероитский язык был родствен беджа либо нубийскому — двум главным неарабским языкам, на которых говорят в Северном Судане сегодня, но ни одна из этих попыток не оказалась достаточно убедительной и уж во всяком случае ни одна не помогает переводить тексты. Есть все же некоторые указания на то, что мероитский язык был родственником, хотя и не очень близким, нубийского и, значит, принадлежал к очень большой семье восточносуданских языков. Но если и так, то все же от тех

из них, которые изучены, он лингвистически слишком далек, чтобы помочь переводу²⁹.

Каким бы ни было соотношение мероитского языка с другими языками региона, он использовался в течение ряда веков и на огромной территории. Это был наверняка официальный язык государства по крайней мере с начала II в. до н. э., а самые поздние надписи на нем датируются V в. н. э. Мы не знаем, как он возник и как пришел к концу, но можем предположить, что он был разговорной речью по крайней мере части жителей мероитского государства задолго до того, как был записан, и до тех пор, пока не был заменен нубийским после V или VI в. н. э. (Проблема его замены нубийским будет рассмотрена ниже.) Возможно, что по происхождению мероитский язык был языком «острова Мероэ», а его значение возросло за счет египетского языка вследствие гегемонии этого южного региона с IV в. до н. э.

О времени после Нетекамани у нас очень мало информации, кроме имен ряда правителей, места упокоения которых в некоторых случаях известны. Город Мероэ продолжал процветать, и, хотя в Мусаварат ас-Суфра нет зданий, которые можно было бы доказательно отнести ко времени после Нетекамани, район этот, видимо, продолжал служить религиозным центром и, возможно, местом паломничества. Сохранялись контакты с Римом. Плиний и Сенека описывают римские экспедиции по обследованию Мероэ и, возможно, еще более дальние, в царствование Нерона и около 61 г. н. э. Неясно, относятся ли эти два сообщения к одной экспедиции или к разным. Большинство ученых рассматривает их как разные версии одного и того же рассказа, но в них налицо достаточно расхождений, чтобы предположить, что речь идет о двух самостоятельных военных отрядах, проникших вверх по Нилу в одно и то же время. По версии, переданной Сенекой, целью экспедиции было найти истоки Нила; с помощью царя Мероэ исследователи проникли далеко на юг, пока не прибыли в район болот.

«Эфиопика» Гелиодора, художественное произведение III в. н. э., хотя и со слабым местным колоритом, тоже является свидетельством знания Мероэ античным миром, а находки римских предметов в могильниках и монет и черепков *terra sigillata* — в городах Мероэ показывают, что контакт с римским Египтом был значи-

тельными. Названные находки позволяют заключить, что торговые связи существовали с птолемеевских времен, правда, возможно, с перерывами. На юге письменных свидетельств о таких контактах нет, за исключением одной загадочной надписи на латыни, найденной в Мусаварат ас-Суфра. В то же время на севере граффити из Додекаксена дают сообщения о мероитском посольстве в Рим или по крайней мере в римский Египет.

Одно из этих граффити, из Фил, написанное египетским демотическим письмом, описывает путешествие Абрата, посла царя Мероз, к римлянам. Оно содержит имя мероитского царя Текеридеамани, чье место упокоения известно (Бег Н-28) и чье имя есть на основании статуи из храма Льва в Мероз. Это датирует граффито третьим годом правления римского императора Требониана Галла, что означает 253 г. н. э., и, таким образом, дает одну из немногих фиксированных дат для мероитских правителей.

Есть только один еще мероитский правитель, чье имя появляется как в Нубии, так и в Мероз. Это Исбехеамани, который известен по граффито из Фил, по каменному льву, недавно найденному в Каср Ибрим, и по надписи из храма Льва. Надпись на льве из Каср Ибрим особенно интересна, ибо написана иероглифами. Таким образом, существенно расширяется временной интервал мероитского письма — это его самый поздний образец, приблизительно датированный.

Материал первых веков нашей эры с севера сравнительно обилен. Заметный контраст интенсивного мероитского заселения Нижней Нубии после начала I в. н. э. и скудный материал ранних периодов побуждают предполагать, что было какое-то продвижение мероитов на территорию, которая до того была почти необитаемой с самого конца египетского Нового Царства. Из существования пирамид III в. до н. э. в Седенге (мероитском Атейе) можно сделать вывод о существовании на этом месте поселения изрядного размера и значения, но, за исключением нескольких маленьких деревенок, Нижняя Нубия дальше к северу, видимо, была незаселенной.

Заселение Нижней Нубии народом мероитской культуры, использующим мероитский язык (по крайней мере, письменный), по-видимому, началось в I в. до н. э. Одним из факторов, сделавших это возможным, было введение сакии, водяного колеса, приводимого в движение

шалами. Придя из стран Ближнего Востока, оно уже в шолемеевские времена многое преобразовало в египетском земледелии. Явное преимущество колеса над ручными методами поднятия воды для орошения, такими, как шадуф, привело к очень быстрому усвоению сакии. Свидетельства ее использования можно видеть в особом типе посуды — сосудах кадус, которые привязывались к колесу и в которых вода и поднималась. Хотя фрагменты тулова этих горшков довольно трудно опознать, характерные шишечки на верхней части сосуда узнаются безошибочно (они удерживали веревку, которой сосуд привязывался к колесу). С I в. до н. э. такие фрагменты попадаются в больших количествах во всех поселениях. Их не находят, однако, в Мероэ и в других южных памятниках, и это говорит о том, что здесь выращивали юрню только на землях селука и в руслах пересыхающих рек (вади), потому что разлив Нила и дожди делали ненужной ирригацию.

К концу I в. до н. э. мероиты расселились по всей Нижней Нубии. Известно много памятников этого времени. Столкновения с римлянами, о которых шла речь выше, вполне могли быть вызваны конфликтами из-за территории, известной как Триаконтасхен (Триаконтасхойн.— *Отв. ред.*) и простиравшейся на 30 схенов³⁰ к югу от Первого порога.

Соглашение между обеими сторонами в конце кампании, вероятно, привело к известному отступлению римлян или по крайней мере к отказу от их притязаний на суверенитет над этой территорией, и граница прошла через Махаррака (Гиерасикамин) у южной оконечности небольшого района, известного как Додекасхен. Примечательно, что храмы, построенные во времена Августа, — такие, как храм в Калабше и Дендуре, — расположены внутри этого района. Есть даже определенные основания полагать, что Додекасхен управлялся совместно, не был чисто римским владением³¹. Некоторые из надписей и граффити в Филах и других частях Додекасхена упоминают «царей», как, например, надпись из Дендура (около 10 г. до н. э.), где видный чиновник этого района говорит об освобождении храма в Филах от налогов — ради «царей». Из других документов становится ясно, что даже если у римлян и были здесь военные силы, многие видные люди местного происхождения были мероитами и хранили преданность своему царю. Было выдвинуто предположение, что мероитское

заселение этого района предшествовало заселению Нижней Нубии и что это был изолированный анклав в конце караванного пути через пустыню, а не северное продолжение обитаемой страны, известной по местам вроде Фараса и Каранога. Ее заселение только началось в I в. до н. э., а значительной ее заселенность стала позже.

К югу от Додекаскена власть мероитов установилась твердо. Возможно, что управление осуществлялось здесь через местных губернаторов. Имена и титулы некоторых из них известны из большого количества надписей, найденных в гробницах. К III и IV вв. н. э. этот регион стал густонаселенным, и население, видимо, было процветающим, способным приобретать множество предметов роскоши, импортированных из Египта и других частей Восточного Средиземноморья. Данные как с могильников, так и с поселений указывают на резкий рост населения. Налицо и все признаки развитой земледельческой жизни, не отличающейся существенно от жизни сельских общин того же времени в других частях древнего мира.

О политических событиях в какой-либо части района, в котором была распространена мероитская культура, у нас просто нет информации. Район этот начинается сразу же к югу за Первым порогом и простирается до Сеннара на Голубом Ниле. Другие памятники вдоль Голубого Нила не найдены, но можно предполагать, что они существуют. Станный комплекс из Джебель Мойя показывает, что тут обитал народ с особой культурой, но испытывавший сильное влияние мероитских традиций. Ситуация на Белом Ниле неизвестна, и, пока многочисленные холмы вдоль него не исследованы, о распространении мероитской цивилизации в этом регионе сказать ничего нельзя. Пока что неясно, подчинялся ли центральной власти царя Мероэ весь район от Асуана до Сеннара, но существование близ Первого порога граффити, содержащих царские имена и упоминание города Мероэ, говорит о том, что по крайней мере этот северный участок находился под контролем мероитов.

Отношения между Мероэ и соседними народами неизвестны, но постоянная тема мероитского искусства — захваченные пленники. Их показывают либо поражаемыми царем, либо в процессиях, со связанными в локтях руками. Замечательны скульптурные рельефы на

храме Солнца в Мероэ. В сцене на южной стене храма, по-видимому, победоносные мероитские воины избивают своих пленных, а фриз на северной стене показывает захваченных женщин, детей и скот. Все это говорит о состоянии постоянной войны с соседними народами. Храм Солнца, имеющий на восточной стене также названия захваченных городов, был, весьма вероятно, воздвигнут, чтобы отметить какую-то крупную победу, одержанную под водительством бога войны Апедемаки. Но до сих пор не найдено материальных свидетельств каких-либо военных событий.

Возвышение Аксума. Датировка окончательного исчезновения мероитского государства все еще остается предметом дискуссии. Царские погребения, видимо, прекратились в первой половине IV в. н. э., хотя это не означает, что пресеклась жизнь в городе Мероэ. Археологические данные из Мероэ очень трудно интерпретировать из-за разрушений, которые там имели место, но представляется вероятным, что жизнь в городе продолжалась гораздо дольше, даже если центральная администрация, связанная с царской властью, и пришла к концу. Традиционный взгляд сводится к тому, что гибель мероитского государства была связана с походом Эзаны (*Aesanes* в греческой передаче) — царя Аксума около 350 г. н. э. Данные об этом походе содержат надпись из Аксума, написанная на языке геэз. Она описывает поход аксумитов на «остров Мероэ»; существуют разные ее интерпретации, расходящиеся в вопросе о характере этого похода и о ситуации в Мероэ того времени.

Сам текст начинается с перечня, обычного для аксумитских надписей этого периода. Эзана называет страны, правителем которых он имеет претензии считаться, включая некоторые в Южной Аравии, такие, как Химьяр и Саба, и некоторые по соседству с Аксумом, такие, как Бега и Каса (вероятно, Куш и Мероэ). Тем самым он утверждает, что он господствует над этими странами. Затем надпись описывает поход и говорит, что Эзана «напал... на ноба, когда поднялись войной народы ноба, похваляясь: он-де не перейдет Таказзе», и когда они предприняли нападения на неизвестные нам соседние народы — мангурто, хана и барья — и разграбили посольство, посланное Эзаной. Таказзе — это река Атбара. Текст определенно исходит из того, что ноба были народом, прежде подчиненным власти аксумитов, и

что кампания была карательной. Текст далее описывает как Эзана победил людей ноба и пересек Атбару, сжег их города, захватил много добра, включая груды хлопка, и убил много своих врагов, среди которых был ряд вождей, чьи имена приводятся. О двух из них говорится, что они ехали на верблюдах. Убит был и жрец, у которого были взяты серебряная корона и золотое кольцо. Войско Эзаны затем продвинулось с боем вверх и вниз по Нилу из пункта у слияния Нила с Атбарой, и у этого слияния Эзана воздвиг трон, вероятно похожий на каменные платформы, известные из окрестностей Аксума³².

Если принять этот документ за правдивое повествование (что всегда трудно, когда имеешь дело с хвастливыми царскими надписями такого типа), то мы должны предположить, что Аксум установил господство над Мероэ и что поход потребовался для его удержания. Возможно, свидетельством более ранней военной активности аксумитов являются фрагменты надписи явно аксумского происхождения на греческом языке. Судя по упоминанию Ареса, языческого бога, она, вероятно, должна датироваться временем до принятия Эзаной христианства, а это событие произошло около 350 г. н. э. К сожалению, точные условия открытия названной надписи неизвестны, но Сэйс, опубликовавший этот фрагмент, сообщал, что он получил его в Мероэ, так что, вероятно, надпись оттуда и происходит³³.

Второй аксумский предмет из Мероэ — медная монета, найденная в раскопках 1969—1970 гг. Хотя на ней и нет имени Эзаны, она должна относиться приблизительно ко времени его правления. А раз она снабжена символом креста, она не может датироваться временем ранее 350 г. н. э. Поскольку над тем местом, где была найдена монета, имелось два горизонта построек, она дает кое-какую информацию о заселенности по крайней мере в последних десятилетиях IV в. Есть также граффито на стене придела к пирамиде Н-2 в Мероэ. Об этом граффито думают, что он написан на геэз, языке Аксума, но все еще нет его удовлетворительного перевода. Существует предположение, что здесь идет речь об одном из воинов Эзаны.

Было немало споров по поводу интерпретации текста Эзаны и его значения как свидетельства о конце мероитского царства. В надписи нет упоминаний царских особ Мероэ, и это указывает на то, что данный

район находился уже в какой-то степени зависимости от Аксума. В тексте также ясно указано, что именно ноба были главным врагом аксумитов. Это говорит о том, что мероитская династия и связанная с ней администрация уже исчезли. Соблазнительно увидеть в названных ноба виновников окончательной гибели Мероэ. Ниже мы рассмотрим проблему идентификации ноба, опираясь на определенный археологический материал. Ныне же необходимо бросить взгляд на Эфиопское нагорье и поговорить о происхождении и истории царства, которое так внезапно ворвалось в долину Нила.

Происхождение Аксумского царства уходит глубоко в I тысячелетие до н. э., когда пришельцы из Южной Аравии и Йемена принесли сюда семитские языки, строительство из камня и письменность. Возможно, именно они и были здесь первыми земледельцами, хотя незначительность исследований, проведенных к настоящему времени, делает это предположение рискованной гипотезой. Единственная известная мне серия датировок культурных знаков из Северной Эфиопии основана на материале из исследованных Домбровским пещер в провинции Бэгемдыр³⁴.

Период с V в. до н. э. (а это самая ранняя приближительная дата, которую можно установить надежно) по конец аксумского времени, т. е. по X в. н. э., легко можно разделить на три части на основании прежде всего археологического материала, так как надписей все же мало.

Первый период, который можно назвать «южноаравийский», начинается в V в. до н. э. или, может быть, чуть раньше. Материальные остатки, происходящие из местонахождений Йеха, Хаоулти и Матара, очень ясно выдают свое южноаравийское происхождение. Хорошее доказательство последнего — внушительная архитектура храмов в Йехе и недавно открытого храма поблизости от них в Грат-Беал-Гуэбри, в строительстве которого в типично южноаравийском стиле применены как дерево, так и камень. Это говорит о введении южноаравийской религиозной практики. Оказалось, что Грат-Беал-Гуэбри построен поверх массивных фундаментов более раннего здания, восходящего, возможно, ко времени первых поселенцев. О жилищах у нас мало данных, но, кажется, они были большей частью прямоугольной формы и построены из камней на глиняной цемянке.

Второй период, продолжавшийся приблизительно с

начала III в. до н. э. по I в. н. э., показывает, как рано южноаравийские культурные влияния приспособились к местным условиям и как стали развиваться первые специфически эфиопские стили. Система письменности была модифицирована, изменения можно видеть в керамике и металлических изделиях. Ни с одним из этих первых двух периодов невозможно связать какие-либо исторические события или каких-либо исторических персонажей. Все надписи — религиозного или погребального характера. Однако археологический материал позволяет увидеть материальную основу, на которой развивается позднейшая аксумская культура.

К I в. н. э. в развитии города Аксума начинается третий период, известный как «аксумский», продолжавшийся до X в. Данные археологии показывают, что многие из прежних поселений были покинуты, зато были основаны новые города. Из них Аксум, возможно, благодаря его выгодной в оборонном отношении позиции, обильному водоснабжению и годным для обработки землям стал наиболее важным и превратился в резиденцию правителей. Этот период отмечен рядом важных изменений в стиле архитектуры, керамики и других изделий. К III в. появилась чеканка монет, и по изображениям царских особ, часто с именами, на монетах удалось составить список царей. Определенно отмечался подъем благосостояния, большей частью как результат торговой деятельности. Местонахождений известно гораздо больше, чем от доаксумского времени, отмечается большее богатство материальной культуры, а также значительное число товаров из Восточного Средиземноморья.

За этот период Аксум стал городом значительного размера, содержащим многочисленные храмы и дворцы, а также большие монолитные стелы, которыми он и славится больше всего. Назначение и точная датировка этих стел не совсем ясны. Надписей на них нет. Но можно предположить, что они были сделаны, чтобы увековечить людей или события. Недавние раскопки Х. Н. Читтика могут помочь более точно датировать их. Значительная часть древнего Аксума находится под небольшим современным городком, но некоторое представление о характере богатых, возможно, царских зданий можно получить при взгляде на большой «замок» (как его назвал раскопавший его исследователь) Донгур на западной окраине города³⁵. Это сложное здание пред-

ставляет собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно по 57 м длиной. Кое-где стены еще стоят на высоту до 5 м. В здании было свыше 40 помещений, расположенных вокруг центрального павильона, куда вела монументальная каменная лестница. Это массивное и роскошное сооружение свидетельствует о богатстве и больших технических познаниях аксумитов. Датировка здания, как и других аксумских построек, пока затруднительна, но находки керамики и монет позволяют предположить, что здание относится к поздней аксумской истории, возможно к VII в.

Город Адулис на побережье стал портом, через который осуществлялась торговля. Видимо, он предшествовал Аксуму и, возможно, существовал еще во времена Птолемея III (246—221 гг. до н. э.), заменив Птолемаиду Охотничью в роли главного эмпория птолемеевской торговли. Ко времени, когда был написан «Перипл Эритрейского моря», возможно около 100 г. н. э., это был, наверное, главный порт на юго-западном побережье Красного моря и важный центр торговли слоновой костью из внутренних областей.

«Перипл» — наш главный источник информации по данному периоду. В нем говорится, что Аксум был расположен в восьми днях пути в глубь страны от побережья и что им правил царь, чье имя — в греческой передаче — Зоскалес. Таким образом, это первый аксумский правитель, чье имя известно. Употребив выражение, напоминающее то, которым Диодор Сицилийский характеризовал Эргамена, неизвестный автор «Перипла» сообщает, что Зоскалес получил греческое образование. В самом деле, контакты с эллинистическим Египтом были тесными, а греческое влияние — значительным. Это видно по ряду аксумских надписей, написанных по-гречески. Вероятно, именно греческое влияние привело к появлению здесь чеканки монет. Применение монет должно было дать Аксуму превосходство над Мероз, где это средство торговли так и не было освоено.

Другой важный документ данного периода оставил нам Косма Индикоплов, купец середины VI в. из Александрии, который сообщил, как во время поездки, приведшей его в Адулис, он скопировал там две греческие надписи. Одна рассказывала о событиях времени Птолемея III, а вторая — о военных деяниях царя, много воевавшего по обеим сторонам Красного моря. К сожа-

лению, не приведены ни имя этого царя, ни дата надписи, но предполагают, что надпись относится к III в. и оставлена царем Аксума. Возможно, что упоминаемый в ней царь — это Афила, известный по монетам приблизительно того же времени. Было выдвинуто предположение, что, судя по географическим деталям, царственный автор этой надписи правил из Юго-Западной Аравии, а не из Аксума³⁶. Если сказанное верно, должно было иметь место аравийское завоевание, приведшее к появлению в Аксуме новой династии.

Косма также посетил Аксум, и, хотя его описание этого города кратко, он все же упоминает дворец с четырьмя башнями.

К середине IV в. Аксум стал значительной силой, а царь и его двор приняли христианство. Главным христианским миссионером был Фрументий. По сообщению римского историка Руфина, Фрументий был взят в плен на побережье слугами царя Аксума. Благодаря своим способностям и образованности Фрументий возвысился при дворе царя Элла Амиды и занял важное положение, а после смерти этого царя стал действительным правителем страны во время малолетства Эзаны, сына Элла Амиды. Обладание властью позволило Фрументию усилить роль в стране христианской религии. Посетив Александрию, он вернулся в Аксум с титулом епископа, успешно распространял свою религию и обратил царя в новую веру.

Надписи царя Эзаны дают понять, что во время своего царствования он принял христианство, поскольку ранние надписи рисуют его почитателем традиционных богов, из которых главным был Арес — вероятно, туземное божество, отождествлявшееся с греческим богом. Более поздние надписи, включая известную надпись о кампании на Ниле, хотя и не упоминают имен языческих богов, все же не обязательно христианские. Однако на монетах этого царя — крест, и вряд ли можно сомневаться, что приблизительно к 350 г. христианство стало религией царя и его окружения. Именно с этого времени христианство и внедряется прочно в культуру народа, образовавшего впоследствии эфиопскую нацию.

Главный источник знаний о контактах между Аксумом и Мероэ — надписи Эзаны, сделанные как на греческом языке, так и на геэз — автохтонном языке, предшественнике амхарского и тигринья (главных семитских языков современной Эфиопии). Аксумских предметов из

Мероэ известно немного. Мероитских предметов в Эфиопии также мало. Два бронзовых котла явно мероитского производства найдены в Адди-Гелемо, в восточной части Тигре, а две фаянсовые статуэтки были обнаружены в Хаутли в слое, датированном V в. до н. э. Одна из этих статуэток изображает египетского бога Беса, другая — человека с солнечным диском. Таким образом, данные, на которых можно было бы основывать какие-либо предположения о контактах между двумя культурами, очень скудны. Но представляется невероятным, чтобы два развитых государства могли в течение ряда веков оставаться в тесном соседстве без таких контактов.

Конец Мероэ. Обычно предполагают, что после I в. н. э. настала пора упадка Мероэ. Пирамиды действительно становятся меньше, а погребальный инвентарь беднее. Правда, это могло означать не упадок, а какие-либо перемены, но примечательно, что среди идентифицированных строений нет более поздних, чем сооруженные в царствование Нетекамани. В то же время к позднему периоду относится тонкая окрашенная керамика, говорящая о процветании и известной утонченности. В городе Мероэ строения не так уж и бедны, разве что в самом верхнем слое, где остатки грубо сделанных стен смешались с использованным вторично материалом. Пока что невозможно датировать эти самые поздние постройки, можно только сказать, что они оказались значительно более поздними, чем монета Эзаны, о которой уже шла речь. Если мероитское царство действительно переживало полный упадок, то важную роль в этом могло сыграть ослабление участия мероитов в красноморской торговле. Использование порта Адулис в первых веках нашей эры могло способствовать перемещению торговли из северных районов и помочь обогащению Аксума за счет Мероэ.

Достаточно ясно, что последовательный ряд царей, по крайней мере как он реконструируется по погребениям, окончился где-то в IV в., возможно в результате давления Аксума. Датировать исчезновение мероитской культуры в целом и установить причины упадка Мероэ гораздо сложнее. Археологические материалы в этом отношении трудно интерпретировать. На дальнем севере, у границ Египта, после IV в. выявляются культурные изменения, непрерывное развитие которых можно проследить по меньшей мере вплоть до XIV в. В самом Ме-

роэ и в его окрестностях другая картина: за исчезновением мероитской культуры, каким бы временем оно ни датировалось, следует период, не документированный археологическими источниками, длящийся вплоть до совсем недавнего времени.

На обоих берегах Нила известно большое число курганных погребений примерно IV и V вв. Они начинаются от местностей к югу от слияния Голубого Нила с Белым и распространены на север по крайней мере до слияния Нила с Атбарой, а далее через Баюдскую пустыню к Танкаси, где раскопан могильник из таких курганов. Наличие подобных курганов свидетельствует об изменении в погребальном обряде. В курганах, раскопанных в Мероэ, Ушара и Танкаси, открыт материал нового и необычного типа. Большая часть керамики — это сосуды, именуемые обычно «пивными кружками». Эти сосуды, с большим раздутым туловом и высокой узкой шейкой, были сделаны, в отличие от большинства образцов мероитской посуды, не на круге. Часто на дне у них есть отпечатки циновки, вместе с которой поворачивали сосуд при формовании. Сосуды эти достаточно специфичны, чтобы их можно было легко опознать. Будучи обычными в могильниках, они не встречаются на городище, хотя и возможно, что некоторые лепные черепки без особых примет, найденные там, происходят от сосудов этого типа.

Датировка этих могил — далеко не установившаяся, и о дате самой ранней из них ничего нельзя сказать, хотя едва ли такая дата может относиться ко времени ранее приблизительно 300 г. н. э. Захоронений очень много, и это может говорить о том, что они покрывают значительный промежуток времени. Единственными датированными предметами из них являются ввезенные из-за границы, но таких, собственно, всего два, и они, как это часто случается, не могут быть датированы совсем определенно. Это стеклянный сосуд александрийского типа из погребения 300, относящийся ко времени между 200 и 400 г. н. э., и амфора, датируемая V или VI в., из погребения 361. Таким образом, в целом можно предполагать, что новый погребальный обычай, представленный этими курганами, появился не так уж задолго до похода Эзаны и предположительного конца Мероэ.

Учитывая, что Эзана называет ноба народом, владеющим «островом Мероэ», соблазнительно увидеть в них создателей нового типа керамики и курганных за-

хронений. Но трудно сказать, появился ли здесь новый народ, или же произошло возрождение социальных групп, культура которых в свое время была подавлена мероитской аристократией. Некоторые особенности этих погребений (например, укладывание трупов на лежа) восходят к гораздо более древней практике районов суданского Нила. Сведения о конце мероитской культуры в этих районах далеки от ясности. Не наблюдается постепенного изменения материальных остатков под влиянием извне, как на севере, а та информация, которая есть, указывает скорее на ее внезапную гибель. В настоящее время невозможно установить, было ли это вызвано нападениями вражеских народов, таких, как ноба, внутренним упадком или же сочетанием обоих этих факторов.

Следующая проблема, которую следует связать с вопросом о конце Мероэ, это проблема изменения языка страны. Мероитский был письменным языком на всем протяжении долины Нила, где правили мероитские цари, по меньшей мере уже с 200 г. до н. э. по IV в. н. э. После этого следует интервал длительностью свыше 300 лет, от которого не осталось письменного материала на местном языке. Когда письменные источники появляются снова, они уже составлены на древнунубийском языке и записаны модифицированным греческим алфавитом.

Есть два возможных объяснения такой ситуации. Первое — что мероитский был как разговорным, так и письменным языком на всей территории Мероэ и что он был заменен нубийским примерно в V в. До недавнего времени это и было общепринятым взглядом исторической лингвистики. Альтернативная возможность состоит в том, что мероитский, будучи письменным и официальным языком, использовался как разговорный только на «острове Мероэ», т. е. в той части страны, где имела свою резиденцию государственная власть, а нубийский был распространен в долине Нила, и на нем разговаривали в северной части долины Нила, между Первым и Четвертым порогом.

Появление в этом районе таких письменных материалов, как остраконы и надгробные надписи на мероитском языке, не обязательно опровергает данную гипотезу: ведь схожая ситуация существует и сегодня в тех частях страны, где еще говорят на нубийском языке, а для письменных нужд всегда используют арабский.

Если нубийский язык появился в долине Нила только в V в., вопрос о его очаге имеет некоторое значение, а ключом может быть современное распространение нубийских языков. На сегодняшний день на нубийском говорят — или говорили до недавнего времени (до переселения из-за строительства Асуанской плотины и последующего затопления большей части Нубии) — в долине Нила от места чуть севернее Асуана до Деббы. Есть хорошие свидетельства топонимики о его распространении в средние века вверх по реке, возможно до местностей близ Хартума. На родственных нубийскому диалектах группы, известной как горнонубийская, говорящие люди, в физическом и культурном отношении сильно отличающиеся от тех, кто говорит на «речном нубийском». Немного севернее этой группы, у Джебель Хараза, недавно были обнаружены свидетельства существования близкородственного языка; в северном Дарфуре родственными нубийскому оказываются также мейдобский и биргедский.

Все сказанное дает возможность предположить, что в прошлом могла существовать обширная область Северного Судана, население которой говорило на нубийском языке, и что это была одна из главных языковых групп древнего Судана. Современное распространение родственных языков предполагает, что очаг их языка-предка располагался к западу от долины Нила. Поэтому соблазнительно отождествить людей, похороненных в курганах Мероэ и других местах, с ноба, упоминаемыми Эзаной, а также с теми, кто принес нубийский язык на Нил. Употребление средневековыми арабскими писателями названия ноба или очень близкого к нему в применении к обитателям Северного Судана, отчего и произошло современное слово «нубийский», — совпадение вряд ли случайное.

Пока на «острове Мероэ» происходили эти неясные события, связанные с гибелью государства Мероэ, на севере сложилась несколько иная ситуация, и нелегко понять, существовала ли какая-нибудь связь между историческими событиями в обеих частях Судана.

Как уже говорилось, северные регионы мероитского государства переживали в первые века христианской эры период умеренного процветания. Будучи расположены вдали от Аксума, они не страдали ни от торгового соперничества, ни от военных нападений, хотя о набегах блеммиев, вероятно предков беджа, с холмов у

Красного моря, сообщается уже относительно середины III в. Археологических находок, засвидетельствовавших набеги блеммиев, нет, но эти набеги были причиной значительной озабоченности римских правителей Египта. Помощь, которую блеммии оказали египетскому мятежнику Фирму во время похода на Пальмиру в 272 г. н. э., а также другие их набеги, вероятно, способствовали решению Диоклетиана убрать римские гарнизоны, покинуть Нижнюю Нубию и установить южную границу Римской империи у Первого порога.

Уход римских войск из Додекасахена не оказал какого-либо непосредственного воздействия на жизнь меропитов. Их поселения лежали несколько дальше на юг и явно процветали почти весь IV в. — до появления новых элементов в самом конце этого века или в начале следующего. Новый культурный элемент в этом районе был обозначен Рейснером как «группа X», когда он в 1907 г. в связи со строительством первой Асуанской плотины проводил первое археологическое обследование Нубии. Столкнувшись с большим количеством нового археологического материала, который невозможно было отнести к тому или иному периоду истории древнего Египта, Рейснер сгруппировал находки при помощи буквенных обозначений — «группа А» и «группа С». Найдя материал гораздо более поздний, он применил термин «группа X» для обозначения непосредственно постмеропитской культуры. Рост знаний в последние годы сделал излишним такую «безымянную» терминологию, и здесь мы будем применять термин «культура Баллана», предложенный Триггером³⁷. Преимущество этого термина в том, что он следует нормальной археологической традиции именовать культуру по наиболее яркому местонахождению, где она обнаружена.

Новый культурный элемент в истории Нижней Нубии, существовавший самое большее приблизительно от 400 до 600 г. н. э., характеризуется археологическим материалом, который, хотя и схож в чем-то с материалом позднемеропитского времени, все же имеет и четкие отличия от него. Достаточно специфичная, чтобы быть легко опознаваемой, культура Баллана известна по могильникам и поселениям, распространенным от Первого порога до Сесиби, чуть севернее Третьего порога. Дальше к югу она еще не обнаружена. В ней нет резкого разрыва с меропитской традицией, но керамика (а это самый обильный и потому наиболее хорошо изучен-

ный материал) содержит новые формы, в основном привнесенные с севера и характеризующиеся заметным упрощением крашеной орнаментации. Неизвестны какие-либо монументальные здания, кроме разве что в Фарасе, где правители того времени имели свою резиденцию. В целом данные свидетельствуют о том, что жизнь деревни была здесь несколько беднее, чем в мероитское время.

Тем не менее яркие находки данного периода, обнаруженные в больших курганах Балланы и Костола, с их богатым погребальным инвентарем, показывают, что это был период богатства и могущества, по крайней мере, если иметь в виду правителей. Это определено погребения сильных вождей. Они содержат поразительное множество предметов роскоши, импортированных из Восточного Средиземноморья, включая серебряные сосуды и украшения, широкий ассортимент бронзовых вещей и деревянные коробочки, инкрустированные слоновой костью, а также разное местного изготовления оружие и другое военное снаряжение. То были властные и богатые правители, и многие ученые полагают, что эти погребения свидетельствуют о вторжении в долину Нила нового народа.

Поскольку от античных писателей известно, что здесь в данное время обитали две местные этнические группы — нобаты и блеммии, было много споров о том, кто из них произвел все эти изменения и кто представлен не только в богатых погребениях Балланы и в менее исследованных погребениях Каср Ибрим, Гемаи и Фирка (возможно, это места захоронения местных правящих семей), но и во множестве погребений рядовых общинников по всей Нижней Нубии. В блеммиях, по видимому, надежно идентифицированы предки беджа. Происхождение нобатов менее ясно. Прокопий, писавший в VI в., говорит, что они пришли из западных оазисов. Они якобы были приглашены Диоклетианом, чтобы заполнить брешь, возникшую после отозвания им римских гарнизонов, и чтобы действовать в качестве буфера между блеммиями и Египтом.

Изрядное количество первоклассной информации, полученной в результате анализа костяков, позволяет с уверенностью утверждать, что здесь не было крупных передвижений народов разного физического типа³⁸. Были ли также перемещения их правителей, сказать невозможно, поскольку остатки скелетов не столь хоро-

но сохранились, чтобы их можно было изучать детально. Сегодня мнение большинства исследователей таково, что массовой миграции не было, и не только скелеты, но и культурные материалы подтверждают эту точку зрения. Возможно, что мелкие, хорошо вооруженные группы всадников на лошадях и верблюдах, вторгшиеся извне в долину Нила, установили свое господство над местным населением. Если в действительности так и было, то это, вероятно, были нобаты.

Их название и его близкое сходство с этнонимом ноба может говорить о том, что этот народ говорил на «речном нубийском» и что более позднее средневековое царство Нобатия продолжало использовать тот же этноним. Поражает явное, кажущееся случайным, сходство указанного имени с названием древнего царского и религиозного центра — Напата. Можно с известным основанием утверждать, что люди, говорившие на нубийском, а стало быть, нобаты, были местным нубийским населением долины Нила, которое подчинилось мероитскому господству и переняло характерную мероитскую культуру. Однако даже если на нубийском языке уже издавна говорили в долине Нила, это еще не значит, что воины из могил Балланы не могли быть пришельцами. Если, как говорилось выше, это была небольшая группа всадников, они могли прибыть и без женщин и должны были брать жен из местного населения. В этом случае, как показывают и другие африканские примеры, их дети должны были принять местный язык.

С исчезновением мероитского языка как письменного к концу IV в. мы остаемся без письменных документов на местном языке, хотя римские авторы и продолжают упоминать нобатов и блеммиев. Те тексты, которые все-таки имелись, оказываются на греческом языке. Письма блеммийских вождей на этом языке, найденные в Египте, говорят о глубоком проникновении блеммиев в Верхний Египет. Эти письма, вероятно, писали для неграмотных господ египетские секретари с некоторым знанием греческого. Скучные письменные источники говорят о конфликтах между нобатами и блеммиями, продолжавшихся в VI в.

Греческая надпись этого времени на храме в Калабше принадлежит некоему Силко, называющему себя «царьком» (*basiliscos*) нобатов³⁹. Она описывает крупное поражение блеммиев. Было высказано предположение, что Силко, заявляющий в надписи: «Бог дал мне

победу», был христианином, но его изображение, сопровождающее надпись, показывает его верхом на коне и увенчанным короной с эмблемами различных египетских богов. Применение слова «бог» не больше свидетельствует о приверженности Силко христианству (что совершенно опровергается деталями его облачения), чем лампы и горшки с христианскими эмблемами из погребений вождей в Баллане и Костоле.

Это была последняя стадия долгой истории царства Куш — от его начала, относящегося ко времени еще до 700 г. до н. э., и вплоть до последних языческих царей, еще сохранявших некоторые элементы кушитской культуры в VI в. н. э. Нубия была готова к новым переменам, обусловленным воздействием восточного христианства, которому суждено было, придя из Египта, воздействовать на местную культуру в течение следующих 800 лет.

¹ Рейснер Дж. Э. (1867—1942) — американский археолог, организатор и руководитель крупномасштабных раскопок древнеегипетских и древнениубийских царских некрополей (Гиза, Керма) (примеч. отв. ред.).

² Здесь и далее отмечены типичные для обществ с поздним материнским родом (иначе обозначаемых как «поздний матриархат») формы наследования власти от брата к брату или, что еще более характерно, от дяди к племяннику (сыну сестры) и сохранение счета родства по материнской линии. Такой путь становления классового общества достаточно характерен для многих народов субсахарской Африки. Поэтому едва ли есть основания рассматривать подобные формы наследования власти как нечто «разительное» (примеч. отв. ред.).

³ *Hintze F. Studien zur Meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroe. B., 1959, с. 23—24.*

⁴ *Haycock B. G. Towards a Better Understanding of the Kingdom of Kush (Napata — Meroe).—Sudan Notes and Records. 1968, с. 49.*

⁵ *Sauneron S. et Yoyotte J. La campagne nubienne de Psammetique II et sa signification historique.—Bulletin de l'Institut Français de l'Archéologie Orientale. 1952, vol. 50, с. 189.*

⁶ *Wainwright G. A. Some Ancient Records of Kordofan.—Sudan Notes and Records. 1947, vol. 28, с. 11—24.*

⁷ Древние авторы обычно называли «Эфиопией» территорию по Нилу к югу от Египта. Соответственно и Рейснер обозначал так то, что мы ныне называем Куш (Напата — Мероэ), но это перестало быть удобным с тех пор, как слово «Эфиопия» стало официальным названием страны.

⁸ *Sayce A. H., Garstang J. Meroe — the City of the Ethiopians. Oxf., 1911, с. 27.*

⁹ *Haycock B. G. Towards a Better Understanding of the Kingdom of Kush, с. 15.*

¹⁰ *Haycock B. G.* The Kingship of Kush in the Sudan.— *Comparative Studies in Society and History*. 1965, № 7, с. 472.

¹¹ Там же, с. 473.

¹² *Hintze F.* Studien zur Meroitischen Chronologie, с. 17—20.

¹³ *Wenig S.* Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe.— *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. Jg. 13, B., 1967, с. 9—14.

¹⁴ *Hintze F.* Preliminary Report on the Excavations at Musawat es Sufra, 1960—1961.— *Kush*. 1962, vol. 10, с. 177—178.

¹⁵ *Haycock B. G.* Towards a Date for King Ergamenes.— *Kush*. 1965, vol. 13, с. 264—266.

¹⁶ Самоубийство сакрального правителя по требованию жрецов и знати известно и в других частях Африканского континента. Так, у йоруба Западной Нигерии оно сохранялось вплоть до первой половины XIX в. (примеч. отв. ред.).

¹⁷ Перевод дан по изданию: *История Африки*. Хрестоматия. М., 1979, с. 49 (примеч. отв. ред.).

¹⁸ *Hintze F.* Studien zur Meroitischen Chronologie; *Wenig S.* Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe, с. 42—44.

¹⁹ Мастаба (арабск., букв. «скамья») — форма древнеегипетской гробницы: прямоугольное в плане сооружение с наклонными стенами, перекрытое каменной плитой и имеющее подземную погребальную камеру (примеч. отв. ред.).

²⁰ *Griffith F. Ll.* Oxford Excavations in Nubia.— *Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology*. 1923, vol. 10, с. 73.

²¹ *Reisner G. A.* The Meroitic Kingdom of Ethiopia.— *Journal of Egyptian Archaeology*. 1923, vol. 9, с. 59—62.

²² *Wenig S.* Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe, с. 3—4.

²³ Анх — царский жезл с крюкообразным навершием. Урей — форма царского головного убора с изображением змеи (примеч. отв. ред.).

²⁴ Птолемаида Охотничья — гавань и перевалочный пункт на африканском побережье Красного моря. Точное местонахождение не установлено, однако есть основания предполагать, что Птолемаида располагалась в районе современного г. Суакин (Судан) (примеч. отв. ред.).

²⁵ *Croufoot J. W.* Some Red Sea Ports in Anglo-Egyptian Sudan.— *Geographical Journal*. 1911, vol. 37, с. 530—534.

²⁶ *Hintze F.* Studien zur Meroitischen Chronologie, с. 24—29.

²⁷ *Kraus T.* Der Kiosk von Naga.— *Archäologischer Anzeiger*. 1964, с. 834—868.

²⁸ Первое сообщение об определении фонетических значений Гриффит сделал в книге: *Randall MacIver D. and Woolley C. L.* *Africa*. Oxf., 1909, с. 43—54.

²⁹ Главный сторонник беджайской гипотезы — Э. Зихларж. Его взгляды можно найти в: *Zyklarz E.* Das Meroitische Sprachproblem.— *Anthropos*. 1930, vol. 23, с. 409—463. Резкой критике подверг эту гипотезу Хинце: *Hintze F.* Sprachliche Stellung des Meroitischen. 1955. Многие ученые пытались найти связь между мероитским и нубийским языками. Этот вопрос лучше всего суммирован Б. Триггером: *Trigger B.* The Languages of the Northern Sudan: an Historical Perspective.— *Journal of African History*. 1966, vol. 7, с. 19—25.

³⁰ Схен (от греческого обозначения веревки) мера длины различной протяженности. Здесь он, вероятно, равен приблизительно

10,5 км. (В действительности величина смена варьировала в весьма широких пределах; ее нижнее значение составляло 445,2 м, верхнее — более 2 км; примеч. отв. ред.)

³¹ Аргументы в пользу этого взгляда представил Н. Б. Миллер в своей неопубликованной диссертации 1968 г. в Йельском университете на тему «Мероитская Нубия».

³² Русский перевод этого текста см. в издании: История Африки. Хрестоматия, с. 156—176 (примеч. отв. ред.).

³³ *Sayce A. H.* A Greek Inscription of a King (?) of Axum Found at Meroe.—Proceedings of the Society for Biblical Archaeology. 1909 vol. 31, с. 189—203.

³⁴ *Dombrowski J.* Excavations in Ethiopia: Lalibela and Natchebiel Caves, Begemeder Province — неопубликованная докторская диссертация (Бостонский университет, 1971 г.).

³⁵ *Anfray F.* L'archéologie d'Axoum en 1972.—Paideuma. 1972 vol. 18, с. 69—70.

³⁶ *Kirwan L. P.* The «Christian Topography» and the Kingdom of Axum.—Geographical Journal. 1972, vol. 138, с. 166—177.

³⁷ *Trigger B. G.* History and Settlement in Lower Nubia. New Haven, 1965, с. 132.

³⁸ Двумя главными сообщениями об этом являются: *Nielson O. V.* Human Remains.—Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia 9. Stockholm, 1970; *Armelagos G.* and *Greene D. L.* The Wadi Halfa Mesolithic Population, Research Report № 11. Department of Anthropology, University of Massachusetts. Amherst, 1972. Появился и ряд предварительных сообщений.

³⁹ Русский перевод надписи см.: История Африки. Хрестоматия с. 175—179 (примеч. отв. ред.).

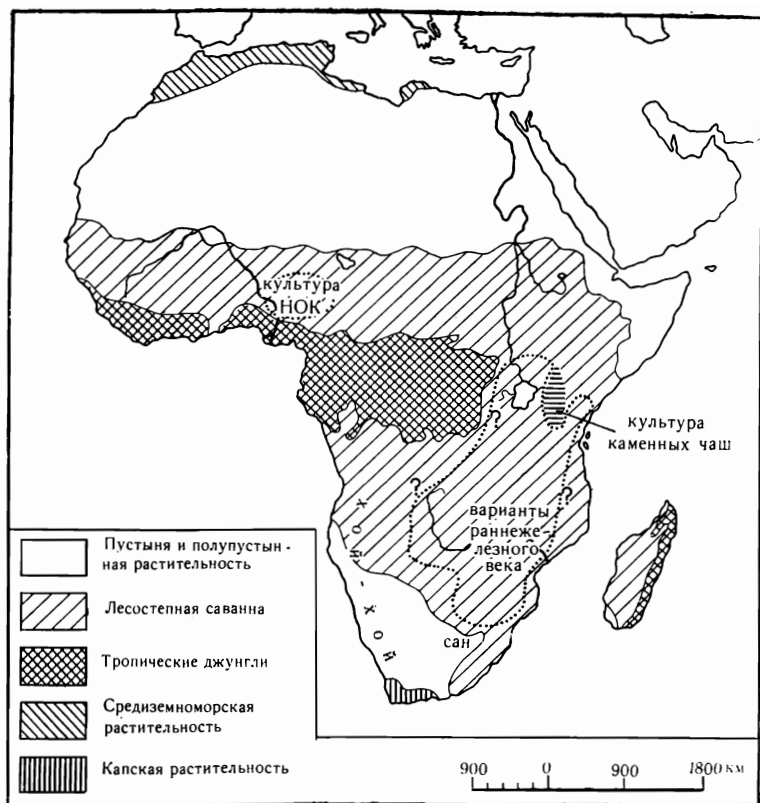
Р. Оливер и Б. Фэган

РОЖДЕНИЕ БАНТУАЗЫЧНОЙ АФРИКИ

Производство пищи в каменном веке. В Африке к югу от экватора период с 500 г. до н. э. по 1000 г. н. э. был прежде всего периодом перехода от добывания готовых продуктов природы к производству пищи. Ранее 500 г. до н. э., вероятно, существовала небольшая избирательная «вегекультура», т. е. намеренное выращивание съедобных растений, но большей частью пищу поставляли либо собирательство, либо охота. После 1000 г. н. э. люди, правда, еще занимались охотой и собирательством, но главным образом их пища уже состояла из продуктов земледелия и скотоводства, а преобладание первого или второго в их хозяйстве зависело в основном от экологических факторов.

Переход к производству пищи более или менее совпал с переходом от каменного века к железному. Исходя из имеющихся сегодня данных, можно с уверенностью сказать, что до 500 г. до н. э. металлических орудий в употреблении не было, а после 1000 г. н. э. культуры охотников процветали только в ограниченных анклавах в некоторых частях бассейна Конго, в Восточной и Южной Африке, а вокруг них от экватора до мыса Доброй Надежды применялось железо.

Лишь несколько уклоняясь в сферу спекулятивных соображений, можно предположить, что эти 1500 лет увидели не только большой прирост населения в тропической части континента, но и заметное изменение физического типа людей. До 500 г. до н. э. самым распространенным физическим типом человека здесь был бушменский, наиболее приспособленный к охоте в открытых саваннах и сухих лесах Восточной и Южной Африки. После 1000 г. н. э. преобладающим физическим типом был уже негрский, первоначально приспособленный к

Карта 3. Растительные и основные археологические зоны Тропической Африки

охоте, собирательству и, возможно, также к «вегекультуре» в более влажных лесах Западной Африки и в западной части Центральной Африки; но затем негроиды приобрели также сноровку в земледелии и скотоводстве и быстро распространились по всему субконтиненту, за исключением небольшого уголка на юго-западе.

Характерные языки бушменских народов, кое-где еще сохранившихся до нового времени,— это шелкающие языки койсанской семьи. Характерные же языки негрских народов, живущих к югу от экватора,— это языки семьи банту¹.

В томе II «Кембриджской истории Африки» показано, что, с точки зрения начинающих производителей пи-

щи, климат и растительность большей части Африки между северным тропиком и экватором представляли собой сравнительно простую систему широтных зон. В зоне пустынь могло обитать только редкое скотоводческое население, ведущее кочевой образ жизни. В сухой саванне можно было сочетать скотоводство с культивацией мелкозернистого проса *Pennisetum*, которое может выживать и при выпадении всего 300—400 мм осадков в год. Следующей зоной был очень разнообразный «суданский» регион, в котором осадки достигали от 500 до 1200 мм в год. Большая часть этих земель, пока они оставались в естественном состоянии, была покрыта светлыми лесами, но производители пищи быстро превратили их в саванну — край африканского земледелия к северу от экватора. Здесь просо сочеталось с высоким сорго и суходольным рисом *Oryza glaberrima*. Условия для разведения крупного рогатого скота и коз здесь были не хуже, чем для выращивания злаковых. В целом условия для сельского хозяйства были здесь лучше, чем в других зонах. Многочисленные микрзоны предоставляли широкий спектр возможностей для специализации в добычании пищи — в сторону рыболовства или собирательства, земледелия или скотоводства. В весьма широком поясе к северу от лесов было возможно разведение как злаковых, так и корнеплодов. Окраины лесной зоны сочетали парковую саванну с галерейными лесами вдоль берегов рек. Эти окраинные земли были особенно благоприятны для народов, не вступивших еще в железный век, позволяя им экспериментировать с новыми типами хозяйства. Южнее снова шли влажные лесные ландшафты, переходящие в тропические леса Гвинейского побережья и бассейна Конго, где тень деревьев и облачность не давали злакам произрастать и где жизнь человека оказывалась в опасности из-за малярии, амёбной дизентерии и других болезней. Здесь злаки надо было заменять фруктами и корнеплодами, из которых лишь немногие были местными, африканскими. Поэтому, за исключением тех мест, где протеины доставляла рыбная ловля, ранние производители пищи составляли здесь, вероятно, почти столь же редкое население, как и в пустыне, а питались гораздо хуже, чем там².

Следуя по речным долинам, производители пищи рано проникли в лесные районы, но большая часть тропических лесов, вероятно, была заселена уже весьма

поздно, в железном веке. Трудности освоения лесных дебрей находились в ярком контрасте с возможностями окраин лесной полосы.

В Африке к югу от экватора природные условия для начинающих производителей пищи были гораздо более сложными. Леса были сосредоточены в южной половине бассейна р. Конго, тогда как сухая саванна с условиями, сходными с условиями южной оконечности Сахары, простиралась от низин, окружавших Эфиопское нагорье на северо-востоке региона, через центральную часть Восточной Африки и южную часть Центральной Африки до Калахари и сухих плато, примыкающих к ней с юго-запада. Природные условия промежуточного характера, с достаточным, но не чрезмерным уровнем выпадения осадков, соответствующие светлым лесам или вторичной саванне суданской зоны, оказываются здесь в двух главных районах. Во-первых, они располагаются по широкой дуге, охватывающей леса Конго с востока, юга и юго-запада,— здесь окраина лесного района от Нижнего Конго до Маньемы предоставляла разнообразную благоприятную природную среду, вроде той, что была к северу от тропического леса; во-вторых — в узком низменном прибрежном поясе вдоль Индийского океана от Кении до Транскея. Эти два района были слабо связаны между собой низменной местностью между долинами рек Рувумы и Замбези.

Помимо этого условия, пригодные для плотного заселения земледельцами, имелись еще только в предгорьях крупных гор, таких, как Килиманджаро, Кения и Элгон, а также на возвышенностях, таких, как Паре, Усамбара и южные нагорья Танзании, где ежегодное выпадение осадков образовывало природный контраст с окружающей сухой возвышенной саванной.

Колонизация этих горных долин, видимо, началась поздно, несомненно, из-за того, что требовалась расчистка лесов. Для ранних этапов производства пищи главной зоной должна была оказаться первая из указанных выше, охватывающая озерный регион к востоку от лесов Конго, Катанги (ныне Шаба.— *Отв. ред.*) и Касаи к югу от них и регион между Катангой и берегом Индийского океана. К югу от экватора это был район, экологически соответствующий суданскому на севере,— переходная зона светлых лесов, получающая от 500 до 1200 мм осадков в год. Эта разнообразная зона простиралась до самых окраин леса и предоставляла возмож-

ности культивировать на тщательно обработанной почве корнеплоды, а также просо и сорго. Крупный и мелкий рогатый скот мог спокойно пастись вместе с дикими копытными на лугах, если только не было мухи цеце. Даже в самих лесных полосах речных долин и на окраинах тропического леса можно было и культивировать корнеплоды, и неплохо использовать съедобные растения густых лесов.

В томе II «Кембриджской истории Африки» описаны археологические данные о происхождении производства пищи и обработки железа в Северной Африке, Сахаре и суданском поясе; показано, что система использования диких съедобных растений предшествовала началу культивирования злаков. Между V и III тысячелетием до н. э. в Сахаре была широко распространена процветающая культура скотоводов, причем в Сахаре встречались и взаимодействовали афро-средиземноморские и негрские народы с севера и юга пустыни.

Распространение производства пищи на юг было, несомненно, ускорено постепенным высыханием климата, начавшимся в течение второй половины III тысячелетия до н. э. К концу II тысячелетия, если не раньше, оседлые общины земледельцев, сеявших злаки, начали просачиваться в суданскую зону севернее экваториальных лесов, а ко второй половине I тысячелетия некоторые из этих общин начали применять железо.

От берегов Средиземноморья до окраин лесов схема перехода от охоты и собирательства к производству пищи кажется вполне ясной, по меньшей мере в своих основных чертах. Одним жизненно важным ее элементом было интенсивное употребление в пищу диких животных и съедобных растений, прежде чем идеи одомашнивания животных и культивации злаков полностью преобразовали хозяйство. Такому преобразованию способствовал специализированный набор орудий, включавший топоры и тесла, а также керамику. Охотничьи и собирательские популяции постоянно росли, увеличивались даже еще до начала производства пищи, так что демографическая емкость некоторых районов становилась недостаточной. Это могло вести к появлению отношений обмена между группами и, следовательно, к взаимозависимости, а может быть, и к какому-то соревнованию. Более интенсивное использование ресурсов дикой природы могло вести к отбору и культивированию излюбленных пищевых растений, особенно проса, сорго и суходольного ри-

са. Избирательная жатва и намеренное рассеивание семян могли усилиться в результате возросшей зависимости от злаковых культур, что почти неизбежно вело к более эффективным и интенсивным методам культивации и постепенно, по мере того как в этот оборот вводилось все больше земель, — к оседлому земледелию.

А вот к югу от суданского пояса, там, где лесистая местность сменялась сплошным лесом, переход к производству пищи, вероятно, происходил совершенно иначе. Эти лесные районы не годились ни для разведения скота, ни для культивации злаков. В таком лесу интенсивное использование некоторых полюбившихся диким растениям могло вести к какому-то намеренному сажанию и выращиванию фруктовых деревьев и корнеплодов еще за тысячу лет до того, как настоящее земледелие стало способом жизни. Например, люди явно собирали дикий батат задолго до того, как стали намеренно сажать его, и переход от сбора к выращиванию, вероятно, был почти незаметным. «Головки должны были падать либо в ямки, откуда их выкапывали ради диких клубней, либо на частично нарушенную почву вокруг стоянки, обогащенную отбросами обитания людей; там они пускали корни, и если люди продолжали жить на том же месте (что они и делали, как свидетельствуют скопления орудий), то урожай, готовый к сбору, оказывался у них сам собой»³.

Таким образом, в лесу ключевой была не столько практика одомашнивания, сколько развитие приемов расчистки от растительности и подготовки почвы под посев. Орудия расчистки, скорее всего, сильно усовершенствовались с появлением новой техники шлифовки и полировки. Вероятно, эта техника появилась здесь в результате контактов с Северной Африкой, где были разработаны новые приемы изготовления каменных орудий, сопровождавших переход к производству пищи. Вероятно, сначала такие орудия распространялись вдоль окраин лесной зоны, не очень внедряясь в глубь леса.

Полагают, что производители пищи обитали на окраинах западноафриканских тропических лесов примерно с III тысячелетия до н. э., но археологические материалы, которые могли бы подтвердить это, очень скудны. Современные тропические леса большей частью вторичного происхождения. Ранние земледельцы, вероятно, следовали вдоль рек, оставляя междуречья незаселенными, как это делают и сейчас лесные народы бассейна

Амазонки. Окапывание деревьев и поджог подлеска были в этих условиях эффективными способами расчистки лесов.

Как в лесах, так и на их окраинах появляется россыпь местонахождений — остатков обитания и отдельных предметов материальной культуры (артефактов), главным образом мотыг и других каменных орудий. Керамика и каменные топоры найдены и в северо-западной, и в северо-восточной частях бассейна Конго, как если бы новая техника распространялась на юг до введения железа, но данные здесь не очень надежны. Однако и рассеянные находки свидетельствуют о весьма значительном заселении тропических лесов до прихода железа и о какой-то расчистке лесов земледельцами, применявшими еще каменные орудия.

Часть самых надежных данных о переходе от собирательства к производству пищи на окраинах экваториального леса происходит из центрального района современной Ганы, где под скальными навесами близ Кинтампо была обнаружена культура «позднего каменного века»⁴ с применением микролитических орудий и керамики; эту культуру перекрывают более поздний культурный слой земледельцев каменного века. Для ранней — пунпунской — фазы характерны собирание диких фруктов, включая вид *Celtis*, ловля мелких диких животных и потребление моллюсков. В пунпунском горизонте нет следов домашних животных или культурных растений. Около 1400 г. до н. э. место было покинуто. За этим внезапным перерывом культурной традиции следует культурный слой обитателей с культурой Кинтампо, которые, вероятно, разводили крупный рогатый скот и коз и наверняка культивировали масляную пальму.

Общепотребительны были полированные топоры, керамические терки, браслеты и камни с желобками. Еще не вышли из употребления микролитические орудия. Люди культуры Кинтампо жили в глинобитных хижинах, образовавших постоянные поселения. Их памятники простираются от Черной Вольты на севере до равнины Акры на юге. Одно из местонахождений культуры Кинтампо, а именно Нтересо, как утверждалось, было центром ранней обработки железа⁵, но это оспаривается. Даты культуры Кинтампо падают на конец II тысячелетия до н. э., однако возможно, что она продолжала процветать еще долго в течение следующего

тысячелетия, до самого начала обработки железа в Западной Африке или даже еще позже.

Внедрение новых, производящих видов экономики и других местах Западной Африки отмечено появлением новых типов артефактов. Находок из органических материалов нет, ведь лесная среда вообще неблагоприятна для сохранности растительных остатков и костей животных. Однако оббитые и полированные топоры и мотыги встречаются на многих местонахождениях. Появляется впервые и керамика. Каменные топоры с перхватом, характерные для производителей пищи в Сахаре, часто попадают далеко на юге — в Гане, Нигерии и Камеруне. Грубые предметы из мягкого камня часто трактуются как мотыги. Нередко они обработаны только в ударной технике и не шлифованы, топоры же сделаны из более твердых материалов.

Эти новые артефакты оказываются в местах с самыми разными природными условиями — от края пустыни близ Бамако, с одной стороны, до расчищенных пространств в лесной зоне, как в Гане, — с другой. По сути, однако, их распространение показывает, что они принадлежали к набору орудий лесных окраин, представляя собой первую крупномасштабную попытку сознательного производства пищи во влажном лесистом ландшафте вокруг Гвинеи и лесов Конго. Очень может быть, что этническое, культурное и языковое родство, еще существовавшее между этими двумя регионами, отражало общий проходивший тогда процесс освоения.

Дэйвис, например, выделяет «мотыжную неолитическую» культуру с исходным очагом в современной Республике Конго, откуда она якобы распространялась как на запад — вдоль края гвинейского леса, так и на юг — огибая леса бассейна Конго⁶. Большинство археологов не приняло понятие «мотыжный неолит», аргументируя это тем, что так называемые мотыги являются случайными находками вне точного стратиграфического контекста и абсолютных датировок. Широкое распространение этих артефактов, конечно, может отражать приблизительно схожее техническое решение проблемы расчистки от леса и возделывания фруктовых посадок на широкой территории, где земледельцам надо было удалить густой подлесок. Однако схожий набор орудий не обязательно подразумевает культурную непрерывность. Тем не менее такое развитие материальной культуры можно увязать с появлением «бантуподобных»⁷ черт в

ряде языковых групп, в остальном неродственных между собой или очень отдаленно родственных и распространившихся поперек Западной Африки в этих широтах.

Эти черты совершенно не вяжутся с последней классификацией западноафриканских языков и банту, с их делением на нигер-конго и нигер-кордофанские (это будет описано ниже). Они предполагают сеть особых отношений между языком банту и языками, которые прежде назывались «полубанту»,— особенно экойдными языками Нигерии, аканскими языками Ганы и Берега Слоновой Кости, языками мел (западноатлантическими) Либерии и Сьерра-Леоне, Гвинеи и Сенегала. У этих языков есть грамматическое и лексическое родство с банту, и существенно, что оно оказывается сильнее между центральными языками банту и языками мел дальнего запада, чем между центральными банту и экойдными языками, которые географически намного ближе друг к другу.

Эта ситуация вполне может отражать процесс освоения, в котором население, первоначально сосредоточенное в одном небольшом районе и говорившее на языке, близком к банту, оказалось в неолитические времена особенно приспособившимся к обитанию в прибрежной полосе и стало распространяться на запад и на юг, следуя вдоль бассейнов рек Бенуэ — Нигер и Шари — Конго. Нельзя забывать, что на большей части континента экваториальный лес представлял собой барьер для продвижения скота и злаков, служивших главными составляющими производящей экономики к северу от экватора. Поэтому вероятно, что во всех влагообильных районах Гвинейского побережья и бассейна Конго воздействие суданского производящего хозяйства выражалось главным образом в новшествах в технологии обработки камня, которые давали возможность расширять и целенаправленно развертывать уже существующую периферийную практику вегекультуры.

Восточный сектор был единственной частью суданской Африки, из которой скот и злаки могли быть легко переданы на юг. Здесь люди так называемой «группы С», или горизонта С, как полагают, жили в Нижней Нубии в конце Древнего Царства (около 2500 г. до н. э.) или немного позже. Они были оседлыми земледельцами, разводившими скот специально для религиозных и престижных целей. Происхождение их неясно. Некоторые специалисты считают их потомками прежнего местного

населения, другие — мигрантами из степного края во восточнее или западнее Нила, изгнанными со своей прежней родины общим усыханием Сахары. Во всяком случае, люди «группы С», вероятно, сыграли важную роль в распространении производящего хозяйства на юг, в нилотский Судан и Эфиопию⁸. Конечно, есть хорошие свидетельства ранних контактов между Египтом и Африканским Рогом; наличные данные указывают, что домашние животные и культурные растения появились здесь в III или II тысячелетиях до н. э.⁹

Поэтому по крайней мере к концу II тысячелетия скотоводство и земледелие должны были достичь суданских широт Северо-Восточной Африки. Решая, как они прошли еще дальше на юг, мы должны помнить, что Южная Уганда была, вероятно, большей частью покрыта лесом, по крайней мере в полосе от Рувензори до горы Элгон. Существенно, что кривая пыльцы лесных видов растений из оз. Виктория испытывает резкое падение, приходящееся на I тысячелетие до н. э., и этому соответствует подъем кривой пыльцы трав, а встречаемость вида *Асалура*, пионера в ранней регенерации лесов (после оставления огородов), растет, начиная с этого периода¹⁰. Такие пыльцовые диаграммы могут быть косвенным свидетельством ранней даты появления какого-то вида производящего хозяйства каменного века в Межозерье. Прямые же доказательства пока сводятся к нескольким отдельным находкам шлифованных каменных топоров в Уганде и к типу керамики, возможно, позднего каменного века, известному как керамика Кансйоре — ее находят в западной и южной частях бассейна оз. Виктория.

Поэтому в целом, видимо, производящее хозяйство каменного века к западу от оз. Виктория было ограничено тем родом начальной «вегекультуры», который был характерен и для других районов окраин леса.

Восточнее же оз. Виктория экологическая ситуация была явно совсем иной. Из Южного Судана и Юго-Западной Эфиопии простиралась на юг, в Кению и Северную Танзанию, возвышенная саванна, вся пригодная для разведения скота и в большей части также для возделывания проса и сорго. Это, конечно, и должно было представлять собой главный путь проникновения скотоводства в субэкваториальную Африку в позднем каменном веке. Что же касается возделывания злаков, то имеющиеся данные все еще не бесспорны. Возмож-

но, что здесь, как и в других местах, оно появилось в субэкваториальной Африке только в железном веке.

Археология Рифтовой долины в Кении и Северной Танзании предоставила обильные данные о появлении здесь скотоводства. В течение I тысячелетия до н. э. весь этот район был населен применявшими каменные орудия скотоводами с культурой «каменных чаш», которая характеризуется наличием большого количества каменных чаш и блюд, а также глубокими глиняными чашами (некоторые — с орнаментом нарезками), и все это — с комплексом кремневых изделий, состоящим из дериватов кенийского капсия и позднего каменного века¹¹. Каменные чаши сопровождаются пестами. Плоские камни использовались для размола. В большом погребении в пещере у р. Нджоро и мужчины и женщина были снабжены каменными наборами — по чаше и песту на каждого¹². Естественно, напрашивается предположение, что эти орудия применялись для размола зерна. Но тот факт, что человеческие останки были густо покрыты охрой, которую перед употреблением ведь надо было размолоть, говорит о возможности иной трактовки, и вопрос о том, были ли люди культуры каменных чаш земледельцами, равно как и скотоводами, повисает в воздухе. С местонахождений культуры каменных чаш еще не получено ни обугленных зерен, ни других прямых доказательств наличия земледелия. В то же время перед лицом необходимости считаться с ранним распространением проса-элевзины в Восточную и Южную Африку очень соблазнительно допустить, что это осуществили именно люди культуры каменных чаш, ибо на сегодняшний день они остаются единственными твердо опознанными производителями пищи в каменном веке Восточной Африки.

Физически люди культуры каменных чаш сравнительно хорошо известны по своим костным останкам, хотя последние и нуждаются в проверке антропологами. Физический тип этих людей явно имеет много общих черт с типом современного населения возвышенностей. Если исходить из сказанного, носители культуры каменных чаш предположительно говорили на языках кушитской группы, центр которых сегодня находится в Эфиопии и Сомали, а отдаленные изолированные языки — в Центральной Кении и Северной Танзании. Право, похоже, что прежде кушитские языки были распространены в Восточной Африке гораздо далее от побережья, чем ны-

не, и что небольшие популяции позднего каменного века, говорившие по-кушитски, были поглощены народами банту, двигавшимися с запада и юга, а также населением, говорившим на паранилотских и нилотских языках¹³ и появившимся позже с севера.

Следует коротко рассмотреть еще один ряд внешних стимулов производящего хозяйства в субэкваториальной Африке, а именно стимулы, прибывшие через побережье Индийского океана. Нет никакого сомнения, что в Тропической Африке имели большое значение съедобные растения, появившиеся из Юго-Восточной Азии, особенно банан, азиатский батат (*Dioscorea alata* и *D. esculenta*) и кокосовый батат (*Colocasia*). Вопрос в том, когда они появились. Тут решающим соображением кажется негативное свидетельство с Мадагаскара: тот факт, что там еще говорят на малайско-полинезийском языке, определенно свидетельствует в пользу первоначальной колонизации из Юго-Восточной Азии. На Мадагаскаре пока не найдено каменной индустрии, из чего с полной ясностью следует вывод, что миграция на остров произошла уже в железном веке. Теоретически, конечно, возможно, что обитатели Юго-Восточной Азии каменного века достигли Восточной Африки раньше, чем их потомки с железом вновь открыли для себя Мадагаскар, но это кажется не вполне правдоподобным.

В целом же не представляется вероятным, чтобы влияние Юго-Восточной Азии вызвало появление в субэкваториальной Африке производящего хозяйства. Скорее, азиатские влияния ускорили процесс перехода к производящему хозяйству в его поздней фазе. Это еще более вероятно относительно влияний из Западной Азии — через Красное море и Персидский залив. В климатическом, а значит, и в ботаническом отношении Западная Азия едва ли была сопоставима с Тропической Африкой, а в культурном отношении она к I тысячелетию до н. э. так далеко ушла в своем развитии, что любые значительные контакты должны были бы оставить заметные следы.

Вывод должен быть таков, что до появления железа жизненно важные орудия и новые системы хозяйства, связанные с производством пищи, проникали в субэкваториальную Африку, через ее протяженную границу с северным полушарием, и что они двигались двумя главными потоками. Западный, связанный в материальной культуре с определенным набором орудий (вклю-

чающим мотыгу и топор), распространялся сквозь влажные леса северной части бассейна Конго (или огибая эти леса по их окраине) в светлые саванны и в мозаику лесов и саванн Катанги и Касаи. Восточный же поток, связанный в Центральной Кении с людьми культуры каменных чаш, но, возможно, представлявший и более широкую, пусть и очень слабую, струю неолитических влияний, распространялся к югу вдоль Рифтовой долины из Южной Эфиопии по меньшей мере до Центральной Танзании, а может быть, и еще дальше. В хозяйственном отношении первый поток был связан главным образом с вегекультурой, а второй — главным образом со скотоводством, хотя и с возделыванием злаков, по крайней мере на втором плане. В этническом и в языковом отношении западный поток был наверняка связан, как будет видно дальше, с людьми западноафриканского происхождения, говорящими на каких-то языках группы бенуэ-конго (предках позднейших языков банту субэкваториальной Африки). Восточный же поток был связан с жителями Северо-Восточной Африки, предположительно говорившими на кушитских языках Эфиопии и Африканского Рога. Из этих двух потоков западный был, возможно, демографически более важен: предварительные археологические карты распространения недатированных местонахождений показывают необычно густую концентрацию «поселений позднего каменного века» вдоль южного и западного краев бассейна Конго¹⁴. В демографическом отношении восточный поток был, видимо, сравнительно незначительным, поскольку народу главным образом скотоводческому, живущему на сухих пастбищных землях, свойственно обитать рассредоточенно.

Очень примечательно, что ведущее производительное хозяйство населения, говорящее на центральносуданских, нилотских и паранилотских языках и сыгравшее такую важную роль в последующей истории субэкваториальной Африки, вовсе не было представлено в этом регионе в период позднего каменного века. Недавно один специалист по исторической лингвистике установил существование центральносуданских заимствований, включая слова для обозначения скота и зерновых, в ряде центральных и восточных языков банту и вывел отсюда, что в каменном веке как земледелие, так и скотоводство, вероятно, существовали у народов, говоривших на центральносуданских языках по всей центральной

части субэкваториальной Африки¹⁵. Но такая гипотеза не находит подтверждения в археологических источниках.

Классификация языков банту. Именно на фоне некоторых из таких оценок вероятной демографической ситуации к концу каменного века следует рассматривать исторические выводы из современной классификации языков банту. Все специалисты давно уже согласились в том, что большинство из 300 или около того языков банту, употребляемых в субэкваториальной Африке сегодня, столь тесно родственны между собой как в грамматике, так и в лексике, что их можно представить себе как потомков одного языка-прародителя — на нем когда-то говорили в гораздо более узком ареале, чем тот, который ныне занят его потомками. Все согласны и в том, что из-за широкого географического распространения языков банту и ввиду относительно слабой степени дифференциации, разделившей их, экспансия народов банту должна, по африканским стандартам, расцениваться как исключительно быстрая. Поискам исходного очага этой великой экспансии было отдано много сил и изобретательности.

Одно из очевидных направлений исследования данной проблемы заключается в установлении родства семьи банту как некоего целого с другими семьями африканских языков. В этом вопросе выводы, предвосхищенные Д. Вестерманом в 20-х и 30-х годах и развитые Дж. Гринбергом в 50-х, сегодня получили почти всеобщее признание. Выводы эти состоят в том, что родственные связи объединяют семью банту не с языковыми семьями, господствующими в районе непосредственно к северу, а скорее с языками Тропической Западной Африки, отнесенными Гринбергом к широкой группировке, названной сначала нигер-конго, а позже нигер-кордофанской¹⁶.

В качестве одного из шести главных подразделений этой наиболее широкой группировки Гринберг выделил одно под названием «бенуэ-конго», занимающее территории к юго-востоку от восточной части Северной Нигерии; языки банту, несмотря на всю их огромную распространенность, являются только одним из членов этого подразделения. Хотя лингвисты все еще спорят о точности и состоятельности методов Гринберга и хотя подразделения нигер-кордофанской группировки будут еще, конечно, серьезно уточняться, все же работа

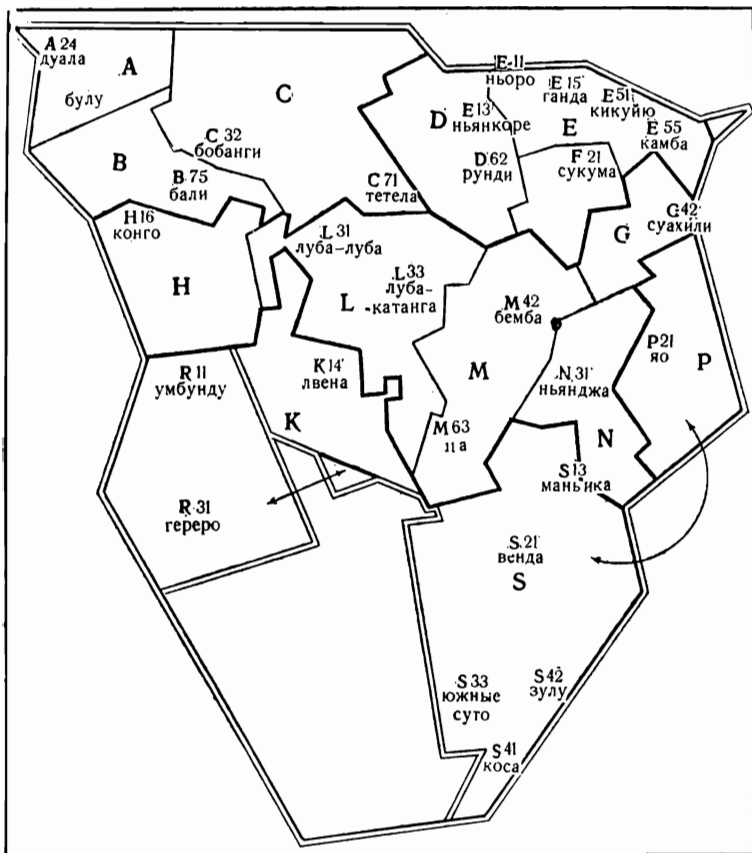

Схема 2. Языковые зоны и «пробные языки» по Гатри

Гринберга на деле оставляет мало сомнений в том, что истоки языков банту надо искать в восточной части Западной Африки, в регионе между верхней Бенуэ и северными притоками бассейна Конго.

Сами по себе данные о родственных связях языков банту ничего не говорят нам сверх того, что на древнейших подобных банту языках говорили где-то в северо-западном углу (или около него) современной сферы распространения банту, примерно на территории современного государства Камерун. Это, конечно, очень ценное указание. Но за данными о последующих путях рас-

пространения языков банту нам надо обратиться к их внутренней классификации.

В этом вопросе наиболее существенная сводка основных данных представлена у М. Гатри, который идентифицировал общие лексемы более чем 200 языков и сделал детальное сравнение взаимоотношений 28 «пробных языков» (*test languages*), избранных частично из-за широкого географического распространения по всей сфере банту, а частично из-за качества имеющейся о них информации. Гатри разделил всю сферу на шесть регионов и пятнадцать зон (см. схему 2 с обозначением на ней пробных языков). Выявляя «общие» корневые слова, которые могли бы принадлежать к «протоязыку», Гатри придерживался требования, чтобы их отражения, образованные в соответствии с регулярным процессом звуковых изменений, были обнаружены по меньшей мере в пяти из его шести регионов. Самым важным результатом его исследований было выявление 455 таких «общих» корней и около 1800 других «общих серий», рефлекс которых проявились по меньшей мере в трех из шести регионов, большей частью с преимущественным распространением либо в трех западных регионах, либо в трех восточных. Весьма примечательна тенденция языков банту вырабатывать пары синонимов, в такой паре один из синонимов с восточным, другой — с западным распространением¹⁷.

Ныне общепризнано, что, интерпретируя свои данные, Гатри был под чрезмерным впечатлением схемы распространения своих «общих» корней, отраженных в языках его зон L и M в географическом центре сферы банту; между тем их доля в периферийных зонах падает по мере удаления от центра. В районе наиболее полного сохранения «общих» корней Гатри увидел исторический центр протоязыка, а более низкие проценты содержания их в периферийных зонах он расценивал как результат дисперсии из центра. Против этой интерпретации выступил целый ряд лингвистов. Гринберг подверг сомнению основное допущение Гатри — что наибольшее сохранение первоначальных корней оказывается в точке происхождения. Он заявил, что если исходить из такого допущения, то прародиной германских языков окажется Исландия, а романских — Сардиния¹⁸. Б. Гейне создал собственную, совершенно независимую классификацию языков банту, основанную на вычислении процентов общего словаря в 137 языках, используя

список обозначений основных понятий, состоящий из 100 слов. В этой схеме выявилось 11 главных подразделений, из которых 10 лежат в северо-западном районе сферы распространения языков банту, а одиннадцатое охватывает все языки, на которых говорят к югу и востоку от лесов Конго¹⁹. Однако самые поразительные результаты были продемонстрированы лингвостатистиком А. Хенрици. Используя метод «числовой таксономии», он показал, что можно получить гораздо более понятную интерпретацию данных самого же Гатри, если исследовать лингвистические расстояния его 28 пробных языков друг от друга. Из таких измерений сразу же выясняется, что едва ли не самое большое расстояние между двумя географически соседними языками оказывается между двумя пробными языками зоны А, т. е. северо-западной зоны.

Суммируя результаты своего исследования, Хенрици говорит: «Прежде всего есть ясное указание на первичное расхождение между двумя языками зоны А и остальными двадцатью шестью. Затем, вряд ли можно сомневаться, что следующими надо отделить три языка из зон В и С, хотя соотношение между этими тремя не совсем ясно обозначено. Остается группа из 23 языков, которую я буду называть центральной группой семьи банту. Близость между языками внутри этой группы гораздо больше, чем между пятью указанными выше. В самом деле, если потребовалось бы разделить весь набор „пробных языков“ на 6 групп, то следовало бы сделать каждый из этих 5 языков (зон А, В и С) отдельной группой, а все остальные языки (центральной группы) свести в одну».

Хенрици заключает: «В поддержку полученной классификации можно привести тот факт, что она удобно вписывается в более широкую систему. Языки полубанту могут занять в ней свое естественное место как ранние отпрыски того же самого корня, который позже породил ответвления в зонах А, В и С и, наконец, дал пышное разветвление в центральной группе языков банту. Перед лицом этой картины надоевший вопрос о прародине становится менее важным. В предлагаемой теории есть место для целой последовательности прародин — в зависимости от того, как широко определять группу банту»²⁰.

Итак, наиболее важный исторический вывод из классификации языков банту состоит в том, что в течение

очень длительного периода, вероятно продолжавшегося не одну тысячу лет, популяции, говорившие на языках банту, были более или менее привязаны к северо-западным из шести регионов, выделенных Гатри (а большей частью, возможно, к незначительной части такого региона), и что за этим периодом следовал другой, более короткий, в течение которого языки банту были перенесены в остальные пять регионов. Неизбежно и еще одно заключение. Поскольку северо-западный регион почти в точности совпадает с экваториальным лесом, второй период истории банту должен быть интерпретирован как экспансия обитателей леса или окраин леса в окружающие саванны. Такая экспансия вряд ли могла быть основана на превосходстве методов охоты и собирательства. Она скорее объясняется существованием какого-то вида производящего хозяйства, позволившего создать относительно густую сеть постоянных поселений, способную иметь языковую и культурную привлекательность для редкого и более подвижного населения охотников и собирателей. Происхождение такого производящего хозяйства, несомненно, было связано со шлифованными и полированными каменными топорами, найденными особенно по окраинам лесного района. Но на поздних этапах в большинстве районов саванны, куда это хозяйство распространялось, оно, вероятно, было связано с производством и обработкой железа, так как мы знаем, что на большей части саванны производство пищи началось только с железным веком.

Если приблизительно верны выполненные Хенрици подсчеты расстояний между двадцатью восемью проблемами языками Гатри, то из этого следует, что главный праязык, предок тех, на которых говорят в зонах D-S географически располагался где-то на внешней периферии зоны С. Он должен был содержать большинство «общих» корней Гатри. И впрямь примечательно, что 30% этих корней не имеет отражения в северо-западном регионе, а гораздо большая доля их не имеет отражений в зонах А и В. Поэтому проделанный Гатри анализ «общих» корней, относящихся к природе и хозяйству, остается вполне актуальным. Он показывает, например хорошо засвидетельствованные слова для «рощи» и «чащи», но не дает слов для «луга» или для «дебрей» («девственного леса»). Слова для дикой фауны многочисленны, но не включают животных открытой саванны, таких, как лев, зебра, носорог или, если взять птиц

страуса. Слова для домашних животных включают собаку, козу, курицу и, возможно, крупный рогатый скот (есть «общий» корень, но он может означать и «буйвол»), хотя нет специальных терминов ни для коровьего молока, ни для доения. Слов для флоры мало, но среди них есть два термина для пальмового дерева (оно растет и в лесу, и на окраинах леса) и термин для фигового дерева (оно появляется в саванне и на окраине леса, но не в девственном лесу). Культурные растения включают бобы, масличные растения, овощи, возможно, разновидность батата и, как это ни неожиданно, бананы (хотя этот корень может быть видоизменением слова, обозначающего бобы). Все это дополняется словами для понятий «огород», «культивировать» («возделывать») и «веять», но нет ни одного «общего» корня для какого-либо хлебного злака. Есть всеобъемлющий набор терминов, связанных с лодками и рыболовством, но ничего определенного, связанного с охотой²¹. Ни один из этих терминов в отдельности не имел бы большого значения, но, взятые вместе, они очень убедительно говорят о лесном ландшафте и окраинах леса, о крае с влажным климатом и проточной водой, о земле, годной скорее под посадку, чем под посев, о стране, очень определенно расположенной в западной части сферы распространения языков банту.

Таким образом, картина хозяйственной жизни, восстановленная по «общим» корневым словам, такова: производство растительной пищи сочетается с развитой традицией речного рыболовства. Вначале, несомненно, это производство растительной пищи использовало каменные орудия.

Представляется очень интересным выяснить, на какой стадии развития языков банту каменные орудия были сменены железом. К сожалению, языковые данные о технических новшествах полны ловушек. Слово для железа может происходить от слова для камня. Глагол «ковать» может происходить от глагола «бить», «толочь». Ножи, молоты, топоры, тесла, мотыги и копья — все делались из камня, прежде чем стали изготавливаться из железа, так что для железных артефактов применялись, вероятно, те же названия, что для их каменных прототипов. Следовательно, хотя есть «общие» корни для всех этих понятий и хотя все они имеются и в зонах А—С и в зонах D—S, было бы слишком поспешным заключать (как это делал Гатри), что общие предки всех

банту успели добывать и обрабатывать железо до разделения их языков²².

Может быть, наиболее примечательно, что несколько терминов, связанных исключительно с обработкой железа, — таких, как «меха», «раздувать меха» и «проводака», — хотя и широко распространены в других регионах, не появляются в северо-западном регионе. Очень может быть, что язык — предок тех языков, что ныне распространены в зонах D—S, изначально принадлежал населению, применявшему каменные орудия; элементам же технологии железа оно научилось только в канун периода великой экспансии, восприняв их от небантуских народов, живших где-то за северной периферией зоны C.

Распространение обработки железа. Трудно говорить вполне определенно о периоде превосходства первобытной технологии железа над техникой каменного века, включавшей шлифование и полирование топоров и тесел. Обработка железа оставляет истинные нестираемые следы в виде шлака и остатков горнов и сопел, но сами железные изделия поддаются коррозии и в большинстве районов редко сохраняются дольше чем несколько столетий. Поэтому довольно часто о наличии того или иного вида железных орудий приходится судить по исчезновению их каменных предшественников. Постоянно необходимо держать в уме и практические факторы, ограничивавшие раннюю железную металлургию.

Ранняя железная металлургия, как полагают, не могла давать закаленный металл, орудия из которого могли бы использоваться для постоянных ударов по пересохшей земле или твердому дереву. Ол. Дэвис выдвинул предположение, что из тысяч полированных каменных топоров, найденных в лесных регионах современной Ганы, большинство было сделано в железном веке, но твердых дат у нас нет²³. Тем не менее в тех немногих стратифицированных памятниках, в которых можно обнаружить появление железа на фоне более раннего каменного инвентаря, появление железа, несомненно, быстро вело к исчезновению большинства каменных орудий, входивших в большой микролитический набор в неолитических комплексах и комплексах позднего каменного века. В домашнем быту железные орудия должны были произвести переворот в строительстве и обстановке жилищ, в выделке кож для одежды и в изготовлении луба для циновки и корзин.

Что же касается добывания пищи, то ясно, что появление железных орудий должно было оказать воздействие как на улучшение техники охоты и рыбной ловли, так и на повышение эффективности земледелия и скотоводства. Для пастушеской деятельности железо почти не имеет значения (разве что для изготовления оружия для защиты стад). В земледелии железные косачи означали важный прогресс в расчистке земли от мягкой растительности, а железный серп — в уборке урожая. Как и для пастушества, оружие имеет значение и для земледелия, обеспечивая защиту огородов от вторжения диких животных. Но главное значение железного оружия состояло, несомненно, в том, что оно облегчало добывание пищи путем охоты на диких животных. Людям, вооруженным железными наконечниками копий и гарпунами, было легче охотиться на любую дичь, включая слонов и бегемотов, хотя и охотники каменного века вполне могли охотиться на крупных животных. С железными орудиями для обработки дерева рыбаки могли делать свои каноэ более крупными и более прочными, а это должно было сильно увеличить их возможности в добыче рыбы в реках, озерах и прибрежных морских водах. Поэтому, по крайней мере в субэкваториальной Африке, мы, видимо, наталкиваемся на интересный парадокс: для начинающих производителей пищи в позднем каменном веке появление железа означало среди прочего интенсификацию охоты и рыболовства, а также увеличение заселенности края в соответствии с благоприятными для этих занятий возможностями. В таких условиях, если даже жизнь отдельных групп могла быть более оседлой, отпочкование новых поколений могло привести к расширенному проникновению на новые территории, особенно к движению рыболовов вдоль рек, по берегам озер и вдоль побережья океана.

По тем же причинам мы можем быть вполне уверены, что распространение возделывателей злаков в течение раннего железного века было не медленным и постепенным расширением культивируемых земель, а скорее представляло собой процесс широкой и быстрой инфильтрации. Ранние общины земледельцев не знали проблем перенаселенности или нехватки земель. Поэтому они могли позволить себе быть очень привередливыми в выборе земли и использовать только лучшие почвы, такие, как на окраинах лесной зоны и у подножия горных массивов, и возделывать их только в течение не-

скольких лет, а затем покидать навсегда. Пионерам сельского хозяйства незачем было возвращаться на ту же землю после выдерживания ее впусе ради естественной регенерации. Одним из стимулов к сохранению подвижности вполне могло быть желание разместить новые огороды вплотную к новым охотничьим угодьям, поскольку железное оружие обеспечивало богатую добавку белка к пищевому рациону. Итак, вполне возможно заключить, что при таком ходе дел первое этническое и языковое сообщество, прибегнувшее к эффективному применению железа, могло за несколько поколений проникнуть к своим не столь успешно развившимся соседям и поглотить их.

Если бы археологическое обследование субэкваториальной Африки было более равномерным и если бы было получено больше радиоуглеродных датировок, можно было бы определить с большой точностью, где и когда знание обработки железа появилось и по каким главным линиям шло его распространение. К сожалению, наши нынешние данные происходят в подавляющем большинстве из восточной половины этого ареала. В Камеруне, Чаде, Центральноафриканской Республике, Габоне, Республике Конго и большей части Заира еще почти совсем нет местонахождений раннего железного века с радиоуглеродными датами. Из Таруги, памятника культуры Нок, мы знаем, что жители Северной Нигерии применяли железо приблизительно между V и I в. до н. э.²⁴

Мы знаем, что на среднем Ниле около VI в. до н. э. столица Мероэ стала центром процветающей индустрии железа и что в Северной Эфиопии культура бронзового века южноаравийского происхождения начала также обрабатывать железо приблизительно в IV или III в. до н. э. Мы также знаем, что в период примерно с III до V в. н. э. широкая сеть поселений железного века возникла в Африке к югу от экватора: в Руанде и соседней заирской провинции Киву; в Кении возле залива Кавирондо оз. Виктория и на холмах за Момбасой; в Танзании на холмах Паре на северо-востоке и в Каламбо-Фоллз на юго-западе; в Малави; в Замбии — по широкой дуге, простирающейся с северо-востока на юго-запад страны; в Родезии (ныне Республика Зимбабве.— *Ред.*) — как на восточных возвышенностях, так и на центральном плато; наконец, к югу от Лимпопо в далеком Свазиленде.

Мы знаем также, что значительная доля керамики из этих поселений раннего железного века от Кении на севере и до самой Южной Африки имеет черты, свидетельствующие об общем происхождении. В Восточной Африке, Руанде, Бурунди и Восточном Заире керамика самых ранних горизонтов железного века имеет специфический скошенный наружу край венчика и ямку на донце снаружи. Большею частью эта керамика с ямкой снизу (dimple-based) украшена отчетливо выполненными желобками, образующими очень стереотипные узоры, число которых невелико. Некоторые из них появляются (однако без ямок) на изрядном количестве самой ранней керамики Замбии и Родезии — керамики, известной под названием «канелированной».

Ныне специалисты начали отказываться от обоих этих терминов, поскольку они не могут в полной мере охватить все виды ранней керамики, подлежащей классификации. Предпочтение теперь отдается более локальным и более свободным и расплывчатым общим терминам, таким, как «ранний железный век».

Однако эта возросшая усложненность классификации не отрицает основополагающего родства керамики раннего железного века Восточной и Южной Африки, хотя и делает его несколько менее прямым, чем предполагалось ранее. Не вызывает сомнений и идея широкого охвата, состоящая в том, что керамика раннего железного века и древнейшая технология железа пришли в район распространения языков банту бок о бок и из одного общего очага.

До самого недавнего времени главной трудностью в интерпретации распространения раннего железного века было то, что древнейшие свидетельства этого распространения в районах, археологически изученных, кажутся почти одновременными. Поскольку данные районы находятся в Восточной и Южной Африке, а в Северо-Восточной Африке неизвестно ничего напоминающего керамику раннего железного века, наметилась тенденция искать происхождение всего этого на северо-западе и утверждать наличие района вторичной дисперсии где-нибудь в неисследованной западной половине тропической части, примерно на равных расстояниях от восточных и южных памятников. Такая теория соответствует, похоже, не только археологическим данным, но и теории Гатри о распространении языков банту из его зон L и M в районе к югу от лесного массива ²⁵.

Возможно, следует придавать большое значение не-обычно ранним углеродным датам из изолированных памятников западного региона, особенно из одного памятника у истоков р. Фуна близ Киншасы, где черепки керамики с глубины 1,05 м в слое гумусированной земли дали дату около III в. до н. э. Черепки из местонахождения Фуна еще не опубликованы, да и нет твердых свидетельств того, что они были связаны с культурой железного века, хотя известно, что по соседству в раннем железном веке добывались и железо и медь²⁶. Тем не менее географическое положение Киншасы, где речные пути с севера вниз по течению сквозь леса выводят к краю ангольской саванны, не нуждается в комментариях. Если датировка Фуны была бы подтверждена в контексте железного века, это представило бы ценнейшее доказательство того, что проникновение технологии железа сквозь леса относится к раннему времени.

Между тем, однако, несколько более прочные доказательства, чем из Фуны, появились с обнаружением железного века в районе сразу же к востоку от лесных массивов Конго и примерно в то же время. Эти доказательства происходят, во-первых, из Катуруки и других соседних с ней мест в области Букоба, в Северо-Западной Танзании, а во-вторых, из Рутаре в Северо-Восточной Руанде. Хотя результаты тех и других раскопок ко времени написания этих строк еще не были опубликованы, все же, судя по предварительным сообщениям, сейчас, видимо, есть основания считать, что ранний железный век межозерного района начался на четыре-пять веков раньше, чем полагали прежде, и, самое большое, всего через два-три века после появления обработки железа повсюду к югу от Сахары²⁷. При таких обстоятельствах больше нет смысла искать центр распространения культуры раннего железного века в регионе к югу от лесных массивов Конго. В любом случае кажется более вероятным, что железо достигало Межозерья в обход, по северо-восточным окраинам леса, и что оттуда оно распространялось дальше на юг и восток. Разумеется, эта гипотеза будет состоятельнее, если, как мы предположили, язык — предок языков зон D—S Гатри был тот, на котором говорили вокруг границ зоны С, а не вокруг зон L и M.

Сообщают, что керамика, Катуруки и Рутаре явно напоминает «керамику с ямкой снизу» из межозерного района, ныне известную как «керамика Иреве». По се-

годняшим данным, из типов керамики раннежелезного века этот, пожалуй, наиболее широко распространенный (намного более широко, чем другие). Его обнаружили примерно в пятидесяти памятниках, рассеянных между провинцией Ньянза в Кении и областью Киву Восточного Заира, а отдельные находки известны даже из столь отдаленных мест, как Чикапа в верховьях Касаи, Като близ оз. Кисале, на р. Луалабе, Каламбо-Фоллз близ юго-восточного угла Танзании и Лелесу в области Кондоа в Центральной Танзании. Внутри этого большого региона местонахождение Катурука напоминает некоторые местонахождения Руанды, Бурунди и Киву тем, что керамика тут найдена в сочетании с большими железоплавильными горнами, построенными тщательно и умело и свидетельствующими об индустрии, которой занимались специалисты, обслуживавшие уже, по-видимому, довольно густую сеть общин.

Большое значение имеет глубокая древность датировки Катуруки. Она предполагает, что в середине межозерного региона развивалась без больших перерывов в течение более чем тысячи лет относительно единая культура железного века. В этом свете теперь гораздо легче, чем прежде, предположить существование здесь многочисленного населения, способного осваивать обширные территории.

Конечно, окончательное принятие тезиса о древнем северо-западном происхождении культур раннежелезного века межозерного региона должно зависеть от дальнейших археологических данных из района водораздела Нил — Конго, пока что совершенно не исследованного. Уже сейчас, однако, лучший знаток восточноафриканской керамики раннежелезного века Р. Соупер обратил внимание на близкое сходство этой керамики в целом с продукцией некоторых современных керамических промыслов бассейна р. Уэле. Он доказывает, что «наиболее рациональным объяснением этого сходства является существование в широко взятом ареале бассейна Уэле керамической традиции, которая была уже хорошо развитой в северной провинции раннего железного века пятнадцать веков тому назад»²⁸. В свою очередь, керамика Уэле имеет сходство с самой ранней керамикой железного века Эннеди и Дарфура. Таким образом, мы должны обратиться к районам явно вне границ сферы языков банту. Вывод, очевидно, таков: в период около середины I тысячелетия до н. э. самые северные народы

банту, т. е., вероятно, банту, жившие по северному краю зоны С, и были теми людьми, которые восприняли культуру раннежелезного века благодаря контактам со своими северными соседями и затем передали ее на юг.

Ранний железный век в Восточной Африке. Более подробные данные о раннем железном веке межозерного района происходят прежде всего из Руанды, Бурунди и заирской области Киву, где в 50-х годах Ж. Иерно и Э. Маке провели серию мелкоадресных раскопок²⁹. Было выделено три последовательных керамических типа, из которых самый ранний, тип А, был сопоставлен с керамикой Уреве. У керамики этого типа тонко отмученное тесто и заглаженная поверхность. Преобладающей формой сосудов являются горшки с выступающими плечиками и ямкой снизу. Все венчики имеют скошенный край. Орнамент большей частью желобчатый. Пучки желобков часто занимают всю поверхность верхней части сосуда до самого края венчика, а для выделения плечиков горшков и чаш применяются завитки и петли. Самая большая серия керамики типа А собрана на Ньиранкуба, небольшом холме близ Кинканги в Южной Руанде. Ньиранкуба не датирована, но стратиграфическая позиция типа А установлена под скальным навесом Мукинанира, где черепки вместе с железным шлаком перекрывали уилтонский горизонт каменного века. Две радиоуглеродные даты поступили из горизонтов с керамикой типа А в комплексе с железоплавильными горнами в Ндора и Чьямакуса в Руанде — они относятся к III и IV вв. н. э. Эти горны построены из клиновидных кирпичей того типа, который и в других местах связан с керамикой с ямкой на дне. Два памятника в Киву — Чамфу и Бишанге — дали такие же горшки с ямкой на дне, железный шлак и кирпичные горны. Местонахождение Бишанге обнаружено в песочном карьере, метрах в 60 над уровнем оз. Киву, и сосредоточено вокруг высокого цилиндрического горна, метра полтора в диаметре, построенного из клиновидных глиняных кирпичей. Некоторые из них орнаментированы отпечатками пальцев или другими круглыми вдавлениями. Похожие кирпичи найдены и в Чамфу, где тоже было место обработки железа. Глиняные кирпичи встречаются и в ряде других местонахождений раннего железного века этого района.

Керамика типа А Руанды, Бурунди и Киву имеет ясные связи с керамическими традициями раннежелезного

века Уганды и Западной Кении, памятники которых отличаются от первых отсутствием высоких горнов. Памятники Ньянзы были открыты первыми, и именно здесь, в Уреве, керамика с ямкой на дне получила свое наименование³⁰. Все памятники Ньянзы расположены на краях долин, и с них просматриваются русла потоков или рек. Керамика встречается небольшими комплексами вместе с кусками твердой обожженной глины, иногда предметами из железа и каменным углем. Большинство черепков оказывается в самом верхнем горизонте, состоящем из отложений тонкой кирпично-красной земли, перекрытой наносами с холмов. Оба отложения в Уреве сильно разъедены эрозией, и ни один из этих памятников нельзя охарактеризовать как место обитания в точном смысле слова, ибо там не найдено никаких следов пола хижин или накопления мусора. По всей вероятности, значительная часть культурного материала отсортирована действием воды. Из Уреве I получены три радиоуглеродные даты, в диапазоне приблизительно от III до V в. н. э. В десяти разных памятниках Уганды отмечены территории, удобные для рыболовства и «вегекультуры».

В Уганде и Западной Кении, как и в Руанде и Бурунди, за памятниками раннего железного века следует серия других памятников, содержащих резко отличную, худшего качества, керамику, часто плохо обожженную, украшенную отпечатками веревки или зубчатого колеса. Наиболее характерной чертой этих более поздних памятников железного века является их распространение как во влагообильных районах, предпочитавшихся людьми раннего железного века, так и на более сухих территориях, которые прежде были населены только охотниками. Некоторые из этих памятников, изученные лучше других, в частности группа памятников с керамикой Биго в сухой саванне Западной Уганды, явно были поселениями людей, занимавшихся исключительно скотоводством. На большинстве территорий, однако, скотоводство, несомненно, практиковали наряду со значительным возделыванием злаков. Смена культуры раннего железного века культурой более позднего железного века более детально рассматривается в томе III «Кембриджской истории Африки», где доказывается, что есть основания отнести культуру раннего железного века к бантуязычному народу, продвигавшемуся с окраин лесной зоны в западную часть Межозерья, а памятники по-

знейшего железного века с керамикой, орнаментированной зубчатым колесиком,— к скотоводческим и земледельческо-скотоводческим народам, появившимся позже и с севера. Новоприбывшие, говорившие то ли на центральносуданских, то ли на нилотских или паранилотских языках, видимо, установили тесные связи с народами банту, осваивавшими более влажные земли к востоку и западу от них, и через некоторое время усвоили их языки. Керамика Биго из Западной Буганды, Анколе и Торо орнаментирована зубчатым колесиком. Ее часто находят в памятниках, издавна ассоциируемых с династией Чвези, которая предшествовала нынешним наследственным княжествам (или «вождествам») в межозерном районе. Керамика типа В из Руанды точно так же связана с более ранним рядом правителей, называемых Баренге. Керамика эта, совершенно непохожая ни на тип А, ни на современный тип С, вероятно, принадлежала вторгнувшемуся извне в данный район народу. К сожалению, у нас очень мало данных о периоде, когда в Межозерье случился этот важный переход от раннего железного века к более позднему. Теоретически он мог бы произойти в любое время между примерно V в. н. э., т. е. временем, которым надежно датированы самые поздние памятники Уреве, и примерно XV в., для которого у нас есть радиоуглеродные даты, а также генеалогические данные о позднейшем железном веке в Биго в Западной Уганде. Очень хотелось бы надеяться, что скоро удастся установить стратиграфическую последовательность на таком местонахождении, как на о. Лолуи в северо-восточном углу оз. Виктория, где на поверхности были обнаружены керамика Уреве, керамика с отпечатками зубчатого колесика и современная керамика народа луо. По М. Познанскому, ранняя керамика Лолуи сделана из глины, привезенной с берега озера; на ней маленькие, аккуратные донные ямки, тесно пророчерченные параллельные каннелюры и хорошо проработанная орнаментация. Более поздняя керамика, хотя и следует этой традиции, все же грубее; она сделана из плохой песчаной глины с самого Лолуи. Керамика с отпечатками зубчатого колесика и современная керамика луо, вероятно, следуют за той, так что серия радиоуглеродных дат с Лолуи была бы очень важна³¹.

В 80 км восточнее залива Кавирондо на оз. Виктория вздымаются западные нагорья Кении, достигающие 2700 м (пик Мау). Они отделены от хребта Ньянбаруа

(Абердер) и горы Кения долиной Рифт-Вэлли с ее цепью озер, проходящей на юг от Баринго до Маньяры в Северной Танзании.

Весь этот район Западных нагорий населен людьми, говорящими на паранилотских и кушитских языках. Рифт-Вэлли, как мы уже видели, усеяна находками культуры каменных чаш, датируемой I тысячелетием до н. э., древнейшей культуры с производящим хозяйством в субэкваториальной Африке. Но здесь и каменный век, очевидно, продолжался дольше всего, ибо пока что тут не обнаружено ни одного памятника железного века до самого конца I тысячелетия н. э. Когда железо наконец появилось, керамика, связанная с ним, состояла, что примечательно, из изделий, орнаментированных зубчатым колесиком и сравнимых с керамикой из Уганды и типом В из Руанды. На западных нагорьях Кении это, вероятно, можно увязать с вторжением сюда паранилотов, предков современных календжин. Они пришли с севера и поселились среди кушитоязычных пастухов каменного века³². Поэтому представляется, что культура раннего железного века, связанная с экспансией народов банту, развивалась на южном краю этого высотного региона и низкого плато за Момбасой уже во II или III в. н. э. и распространилась отсюда на высоты к востоку от Рифт-Вэлли в Центральной Кении, оставляя, однако, саму долину и возвышенности к западу от нее совершенно незатронутыми.

Культура раннего железного века этого северо-восточного района распространения народов банту явно связана своей керамикой с этой самой традицией широкого охвата, что и керамика с ямкой на дне из Междоузья. Памятники Квале, где был впервые открыт восточный вариант керамики раннего железного века, находятся примерно в 30 км к юго-западу от Момбасы, возле некогда покрытой лесом цепи низких холмов, возвышающихся над прибрежной низиной. Археологический материал содержится в горизонте коричневого песка над стерильным красноватым песком и представляет серию однослойных поселений. Находки состоят большей частью из керамики, но обнаружены и сильно прожарившийся наконечник стрелы, железный шлак и кусок обугленной древесины³³.

Из жилых горизонтов получено четыре радиоуглеродные даты, очень плотно сажающиеся на шкалу — все в рамках II—III вв. н. э. Это указывает на то, что оби-

татели Квале раннежелезного века были приблизительно современниками обитателей Ндоры и Чьямакусы в Руанде, а также создателей памятников Уреве в Западной Кении. После раскопок 1966 г. в Квале сходные серии керамики были открыты в памятниках раннего железного века, рассеянных по низким склонам гор Паре, Усамбары и Нгуму в Северо-Восточной Танзании и на отрогах горы Кения³⁴. Верхние части склонов всех этих гор были когда-то покрыты лесом, который человек все больше и больше сводил.

Распространение керамики Квале у подножий холмов предполагает для раннего железного века образ деятельности, сходный с тем, что практиковался на окраинах лесной зоны: пожар и расчистка опушек леса обеспечивали плодородную нетронутую эрозией почву под возделывание. Самым важным из таких памятников является Бомбо Кабури на холмах Южного Паре, где каменный уголь в сочетании с черепками керамики Квале датируется примерно III в. Керамика из Бомбо Кабури также близко сопоставима с черепками раннежелезного века из подъемного материала, найденного много лет назад в Лелесу близ Кондоа на западном краю масайской степи. Как керамика Квале, так и керамика из Лелесу, хотя и имеют скошенный край венчика, характерный для всей керамики раннего железного века Восточной Африки, все же явно не имеют завитков и сложных криволинейных узоров, столь очевидно являющихся признаками одновременной керамики с ямкой на дне из Межозерья. Между тем в ряде других аспектов керамика Лелесу обладает чертами более близкими к керамике Уреве, чем Квале³⁵. Комплекс Лелесу, таким образом, может рассматриваться как промежуточный между западным и восточным вариантами восточноафриканской керамики раннего железного века I тысячелетия н. э. Когда керамика из Катуруки и Рутаре, памятников I тысячелетия до н. э., будет опубликована, чрезвычайно интересно будет выяснить, можно ли ее трактовать как исходную по отношению к обоим этим вариантам³⁶.

Окончательное решение этой проблемы будет, несомненно, постепенно достигнуто археологией Центральной Танзании, пока еще слабо исследованной. Пока что лишь можно сказать об этом районе, что керамика раннего железного века, найденная в соленых источниках Увинзы в долине нижней Малагараси и датируемая по

радиоуглероду V или VI в. н. э., принадлежит, как и можно было ожидать, скорее к западному, чем к восточному, типу, а наиболее интересным ее признаком является наличие врезанных линий и псевдошевронов, выполненных рельефно на некоторых черепках,— это напоминает раннезамбийскую керамическую технику³⁷.

Ни в Кении, ни в Танзании пока невозможно реконструировать развитие железной металлургии даже в самом его приблизительном виде. Стоит, однако, упомянуть один сравнительно поздний памятник, хотя он неизбежно оказывается изолированным. Это внушительный комплекс каменных стен и облицовок в Энгаруке (Северная Танзания)³⁸. Здесь, где ежегодное наводнение подмывает западный край Рифт-Вэлли, сооружения из камня занимают участок более 5 кв. км, в их число входят террасы, каменные круги, керны (пирамидальные каменные знаки.— *Отв. ред.*), системы полей и загоны для скота. Энгаруку занимало по меньшей мере два поколения. Сходящие террасами платформы западных откосов располагаются над каменными кругами на дне долины. Не установлена стратиграфическая последовательность культур, ибо обитатели предпочитали скорее расширять район обитания, чем снова занимать прежние места поселения.

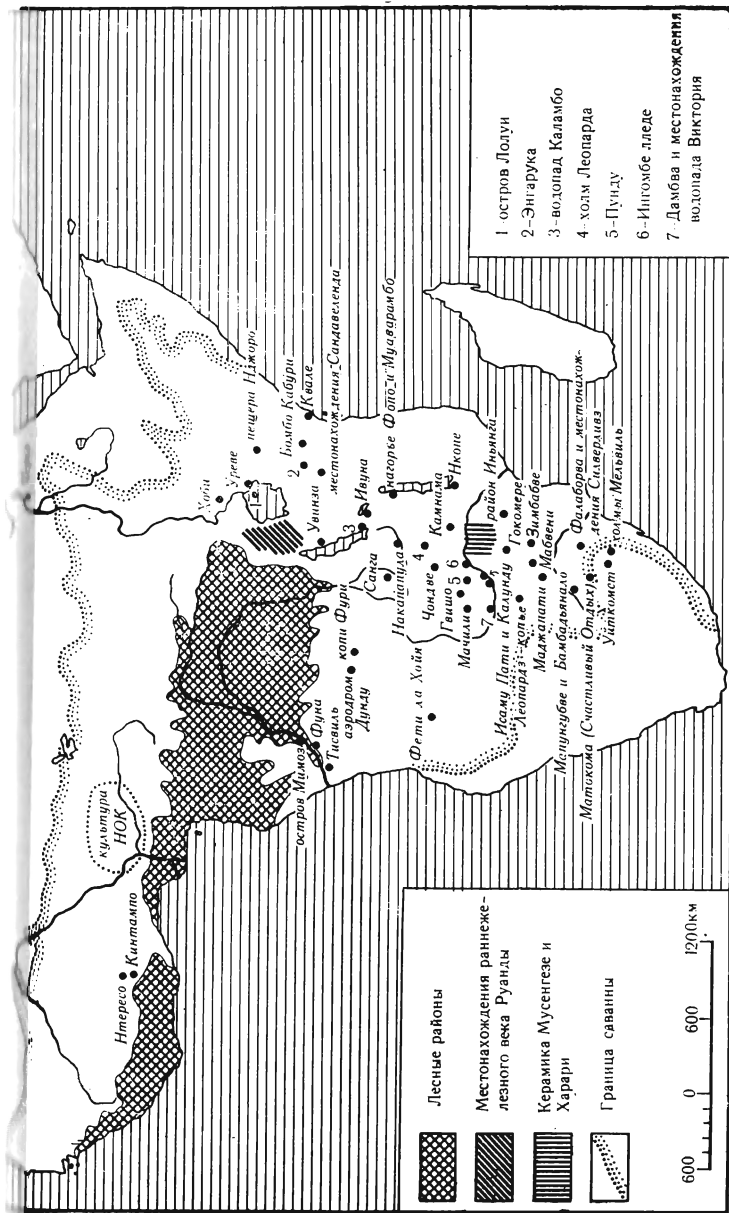
Два образца для радиоуглеродного датирования с платформ на склонах дали возраст около IV и VIII вв. н. э., а образцы из нижележащих участков принадлежат примерно к XV в. Керамика со склонов ornamentирована двумя поясами врезных линий на шейке простого горшка с небольшими плечиками. Появляются и панели штампованного орнамента. Фрагменты же керамики из долинных построек ornamentированы широкими параллельно врезанными лентами, иногда с добавлением таких же вертикальных панелей. Ни один из керамических типов Энгаруки не обнаружен вне этого памятника, хотя есть сообщение, что один ранний тип керамики Энгаруки, возможно, зафиксирован в кенийском районе Нарок. В более общем смысле, однако, Энгарука, похоже, остается уникальной, поскольку почти наверняка любой другой памятник с каменными сооружениями такого размера уже был бы обнаружен.

Именно на таком фоне археологических данных и надлежит рассматривать древнейшие письменные сведения о восточном побережье субэкваториальной Африки, хотя, к сожалению, они ставят больше вопросов, чем

дают ответов. Прежде всего надо назвать руководство по мореплаванию из Александрии, под названием «Перипл Эритрейского моря», ныне по общему признанию датированное началом II в. н. э.³⁹ «Перипл» довольно подробно описывает торговые и транзитные порты на утвердившемся морском торговом пути, проторенном арабскими купцами из Сабейского царства, которые достигли на юге крупного рынка слоновой кости, называемого Рапта. Вероятно, он находился немного южнее Занзибарского пролива, возможно в дельте р. Руфиджи, где остатки его должны были уже давно быть глубоко погребены под речными наносами. От местностей, называемых Сарапион и Никон, находившихся явно в Южном Сомали, и до самой Рапты шла торговля с «варварами», охотившимися для добычи слоновой кости и собиравшими панцири черепах. Они использовали для этого небольшие морские суда, сшитые из досок. Слоновая кость и панцири черепах шли в обмен на железное оружие и орудия — копья и топоры, мечи и шилья.

Это, конечно, не обязательно означает, что местное население еще не умело выплавлять железо: мы ведь знаем, что те же импортные изделия были уже популярны и в Аксуме, где железо обрабатывалось уже с III или IV в. до н. э.

Арабы привозили в Восточную Африку также пшеницу и вино — не ради торговли, а чтобы завоевать расположение туземцев, чей язык они понимали, и даже женились на их женщинах. Единственная фраза «Перипла», относящаяся к физическому облику прибрежного населения, описывает туземцев как «громادного роста разбойников», насадивших своих главарей в каждом из торговых поселений⁴⁰. Нет ни малейшего упоминания о различии, столь очевидном для путешественников начиная со средних веков, между светлокожими обитателями сомалийского берега и темнокожими африканцами к югу от Джубы. Вывод отсюда, вероятно, тот, что негрское население в то время еще не распространилось на восточноафриканское побережье севернее р. Руфиджи или по крайней мере не было сколько-нибудь многочисленным. В целом люди «громадного роста» должны были быть кушитоязычными, подобно изготовителям каменных чаш кенийской Рифт-Валли. Очень существенно в этом отношении, что сохранился по крайней мере один южнокушитский реликтовый язык,

Карта 4. Основные археологические места находки, упоминающиеся в статье «Рождение бантуязычной Африки»

дахало, на котором говорят на кенийском побережье к северу от Момбасы.

Эта гипотеза получает некоторое подтверждение в «Географии» Клавдия Птолемея, который в сильно отредактированном виде, в каком она дошла до нас, вероятно, представляет сумму знаний, имевшихся в византийско-греческом мире к концу IV в. К этому времени Рапта уже не была южным окончанием торгового пути. Далеко за ней, вероятно вокруг мыса Дельгадо, жили дикари-людоеды, в других местах описанные как «эфиопы, делающих шитые лодки», — эти жили к северу от первых. Нельзя исключить, что здесь упоминается бантуязычный народ, живший рыбной ловлей на восточно-африканском побережье, но если это так, то удивительно, что он встречается так далеко на юге.

Ранний железный век Замбии и Малави. Переходя от северо-восточных районов субэкваториальной Африки к ее южным районам, следует отметить, что подавляющая доля археологической информации, относящейся к делу, происходит из Замбии и Родезии (ныне Зимбабве.— *Отв. ред.*), а остальное — из Заира, Малави, Свазиленда и Южной Африки. Обширные территории нынешних Мозамбика, Намибии, Ботсваны и Южной Анголы почти совершенно не предоставляют нам археологических данных о железном веке. Во всех этих районах в какой-то мере, а в Мозамбике особенно, отсутствие информации связано прежде всего с тем, что местность не обследована. Но в трех западных районах причина такого положения наверняка другая: сравнительно позднее и слабое проникновение культур железного века. В этих районах, а также в южноафриканской Капской провинции культуры позднего каменного века существовали до исторического времени. Для более же позднего времени одним из наиболее важных моментов в любом рассуждении о связи между наступлением железного века и распространением языков банту является сохранение общин, пользующихся каменными орудиями и говорящих на языках, вовсе не родственных банту.

Господствующими по всему западному ареалу были языки кхой. Голландские поселенцы на Капе называли их носителей готтентотами. Это были люди среднего роста с желтоватыми оттенками кожи. Часть из них жила охотой и собирательством, другая — разводила длиннорогих коров и курдючных овец на засушливых зем-

лях к западу и к югу от пустыни Калахари, где и сегодня земледелие возможно только поблизости от рек и ручьев. Согласно рано записанной и часто повторяемой традиции, пастухи-кхой сохранили память о великой миграции с северо-востока. В 1930 г. С. Дж. Зелигмэн, ведущий этнолог своего времени, писал: «Вряд ли можно сомневаться, что готтентоты — результат смешения бушменов с рано вторгшимися хамитами, от которых они получили те языковые и культурные черты, которые отличают их от бушменов. Общеизвестно, что эта смешанная раса возникла на севере, возможно поблизости от великих озер, и что готтентоты прибыли в Южную Африку лишь после бушменов. Они пересекли верхнее течение Замбези и добрались до западного побережья, затем устремились на юг, где и были обнаружены первыми европейцами, посетившими Кап»⁴¹.

Однако группы охотников и собирателей, говорящих на языках кхой и не знающих какого-либо производящего хозяйства, все еще сохраняются на обширных пространствах Южной Анголы и северных частей Намибии и Ботсваны. Этот факт делает очень вероятным предположение, что кхой составляли главное население всего данного района в каменном веке и что легенды о миграции издалека должны относиться разве что к мелким группам, вторгшимся сюда сравнительно недавно. Керамика и кости домашних овец примерно двухтысячелетней давности отрыты в пещерах южной части Капской провинции. Это побуждает думать, что какая-то форма пастушеского скотоводства практиковалась кхой в Южной Африке со времен позднего каменного века⁴².

Если кхой были основным населением каменного века в западной части Южной Африки, населением, которое было способно сохранить свой язык и культуру благодаря частичному освоению производящего хозяйства, то основными обитателями восточной половины Южной Африки в позднем каменном веке были бушмены. Их языки, называемые сан, отличаются как от кхой, так и от языков банту, хотя они и имеют ряд щелкающих звуков, подобно языкам кхой. Все сан, описанные сторонними наблюдателями, были охотниками и собирателями, и еще на памяти европейцев в Южной Африке они населяли всю возвышенную местность от гор на западе Капской провинции до крайних северо-восточных хребтов Драконовых гор. Они жили также в долинах рек Оранжевой и Вааля и на плато между ними. Виде-

ли их и в долинах Кеи, Мзимвубу и Тукелы, а также вдоль океанского побережья. Наличие шелкающих звуков типа сан в языках банту южных суто, зулу, свази и южных тсонга должно указывать на то, что большое количество людей, говоривших на языках сан, было позже включено в расширяющееся бантуязычное население этого региона. Наиболее обычную картину такого поглощения описал европейский путешественник XVIII в., посетивший долину реки Оранжевой. По его словам, «каждое племя, владеющее скотом, имеет под своим покровительством и некоторое число бушменов».

У скотоводов, кхой или банту, был гораздо более надежный источник обеспечения пищей, чем у охотников. Поэтому группы охотников наведывались к своим покровителям-скотоводам. Некоторые оседали надолго, обучаясь их языку, но также и воздействуя на него. Другие ограничивались периодическим обменом продуктами и больше придерживались своего собственного культурного наследия. Немногие охотники оставались совершенно независимыми. Кое-где более эффективное хозяйство понемногу вытесняло менее эффективное, и языки покровителей брали верх над языками покровительствуемых. Как отметила М. Уилсон, это логично, если вспомнить, что охотничья группа обычно насчитывает от 30 до 50 человек, тогда как группа скотоводов кхой насчитывала от 2 до 3 тыс. человек. Народы банту, занимавшиеся земледелием и скотоводством, были обычно организованы в еще более крупные общности⁴³.

Таким образом, нет серьезных сомнений в том, что на большей части территории Южной Африки экспансия языков банту произошла в регионе, в котором преобладали койсанские народы, говорившие на западе на языках кхой, а на востоке — на языках сан. Из этих двух языковых групп кхойская была явно более широко распространенной. В большей части Родезии и Замбии она, вероятно, простиралась к востоку, севернее сан. Тот факт, что язык сандаве в Центральной Танзании уверенно отнесен к кхой⁴⁴, заставляет подозревать, что некогда, до экспансии банту на восток, языки кхой граничили где-то здесь с кушитскими. В таком случае, распространяясь в Восточную Африку с запада, языки банту должны были проникнуть в ареал языков кхой где-то между Центральной Танзанией и Центральной Замбией, оставить сандаве как изолированный анклав далеко к северо-востоку от родственных ему языков. Именно на фоне

таких очень широких схем и понятна лучше всего археология раннего железного века Замбии и Малави.

Первые находки следов населения Замбии раннего железного века были сделаны Дж. Д. Кларком. В 1950 г. он добыл раннюю керамику из серии шурфов в Мачили, приблизительно в 150 км к северо-западу от водопада Виктория. Каменный уголь, найденный явно в комплексе с ней, был затем датирован 96 ± 212 г. н. э. по радиоуглероду. Эта дата имеет очень большую стандартную ошибку отклонения, потому что она была одной из первых, когда-либо полученных радиоуглеродным методом. Но она дает указание на то, что обработка железа в южной части Центральной Африки имела гораздо более долгую историю, чем предполагалось прежде.

Самый целый сосуд, найденный в Мачили, оказался шаровидным горшком с лентой орнамента желобками или каннелюрами на шейке. Сразу же стало ясно, что существовало сходство между этим узором и орнаментом керамики с ямкой на дне из кенийской провинции Ньянза — керамики, к тому времени уже известной, хотя и не датированной. Предположение о связи с севером было усилено открытием в 1951 г. доисторического городища в Каламбо-Фоллз, на границе Замбии и Танзании, возле южной оконечности оз. Танганьика. Здесь Кларк нашел мощные культурные слои железного века, усеянные многочисленными черепками горшков, кусками железного шлака и остатками глинобитно-столбовых хижин — следы ряда поселков, существовавших в бассейне оз. Каламбо. Серия датировок свидетельствует об обитании здесь людей начиная приблизительно с IV по приблизительно XI в. Черепки с желобчатой и врезной орнаментацией из культурных наслоений относятся, в частности, к сосудам со скошенным краем венчика, а два черепка от днищ имеют ямки, подобные тем, которые встречаются у находок из Восточной Африки. В течение десятилетия, последовавшего за этими открытиями, пока материал раннежелезного века был еще скудным и пока еще только ожидался результаты радиоуглеродного анализа образцов, было почти неизбежным выдвижение теорий, предполагающих простое распространение людей железного века на юг из межозерного региона Восточной Африки через центральное плато в Замбию, Родезию и Южную Африку⁴⁵.

В свете современных знаний такие предположения требуют значительного уточнения. Подобно тому как

район распространения культур раннего железного века Восточной Африки теперь разделен на две части — западную (Уреве) и восточную (Кволе), так же и в Замбии и Малави можно ныне различать несколько региональных вариантов культуры раннего железного века, опираясь на анализ находок из более чем 50 памятников, охватывающих все основные районы Замбии и многие районы Малави. Наиболее обычным материалом, находимым на всех памятниках, является керамика. Она дает основу для сравнения разных региональных групп, которые будут ниже кратко охарактеризованы.

В целом для ранней керамики Замбии характерны горшки с шейками и многочисленные чаши с различным профилем. Орнаментация большей частью использует желобки и штампы. Во многих комплексах важным компонентом являются неорнаментированные горшки. У большинства горшков и чаш сравнительно толстые стенки; край венчиков иногда скошен; зона под венчиком часто орнаментирована. Полосы желобков или врезных линий образуют основу многих мотивов. Особенно часто повторяющийся из них — эффект «рельефного псевдошеvronа», достигаемый размещением треугольных или четырехугольных отпечатков штампа. Даже по этим признакам замбийская и более южная керамика раннего железного века сходна с древнейшими видами керамики Восточной Африки. Желобчатая орнаментация характерна для обеих культур, а шаровидные горшки и чаши — преобладающая форма. Но керамика Центральной Африки менее разработана: ямки отсутствуют (за исключением Каламбо-Фоллз), а орнаментация — менее пышная. Есть определенная связь между обоими регионами, но есть и важные различия⁴⁶.

В Замбии и Малави выявляется самый северный из шести локальных вариантов культуры раннего железного века в лесистом районе между Катангским выступом и р. Луангва. Главное местонахождение — в Каламбо-Фоллз, с культурным слоем раннего железного века, датированным, как мы видели, временем от IV в. до примерно XI в. Здесь много свидетельств обработки железа в поселках озерного бассейна, но, несмотря на близость залежей Катанги, очень редко встречаются медные предметы. Может показаться, что жители Каламбо-Фоллз не разводили скот, но наличие зернотерок указывает на то, что хлебные злаки все-таки культивировались. Россыпи характерных черепков керамики Каламбо

найжены еще на 10 местонахождениях этого ареала, включая несколько открытых стоянок на берегах оз. Танганьика и на плато над ним; обнаружены они и в нескольких пещерных местонахождениях позднего каменного века, где они залегали в верхних горизонтах. Самое важное из этих местонахождений — скальное убежище Накапапула в округе Серендже, где два радиоуглеродных образца дали датировки примерно между VIII и XI в. В обоих этих горизонтах были найдены орудия позднего каменного века, а керамика достигла этого скального убежища, вероятно, путем торговли или других спорадических контактов между пещерными обитателями-охотниками и соседними земледельческими общинами железного века.

Район к востоку от Луангвы все еще малоизвестен, но большой поселок раннего железного века в Камнаме у Чипаты датирован примерно IV в.⁴⁷ Керамика Камнамы очень похожа на древнейшую керамику железного века из Малави. На холме Фопо в Северном Малави керамика раннего железного века найдена в мусорном пепле и угле, датируемом III или IV в.⁴⁸ Черепки Фопо напоминают те, что найдены К. Робинсоном в поселении Мвараварамбо на р. Руфира (датировки еще нет). Существенно, что эта керамика раннего железного века из Северного Малави типологически резко отличается от материала II тысячелетия из Рукуру и Мбанде в том же регионе, свидетельствующего о торговых связях с северными областями, где существовали более поздние керамические традиции. Робинсон нашел также керамику раннего железного века у залива Нкопе на южной оконечности оз. Малави с радиоуглеродной датировкой, относящей эту керамику ко времени между III и IV в. Керамика типа Нкопе найдена и к западу от оз. Малави и на р. Шире⁴⁹. Керамика Камнамы, Фопо и залива Нкопе ближе к восточноафриканской посуде раннего железного века, чем к материалу с территорий к западу от р. Луангвы, а из восточноафриканских вариантов ей ближе Квале, чем Уреве. Если обратиться к югу, то там этой керамике ближе типы раннего железного века из Родезии, названные по местонахождениям Гокомере и Зива. Оказывается, кроме того, что эти местонахождения отличаются от памятников к западу от Луангвы тем, что обитателям первых был неизвестен крупный домашний рогатый скот, хотя овцы и козы, несомненно, были в их стаде⁵⁰. Похоже, что здесь

перед нами свидетельство распространения к югу во восточной ветви восточноафриканской культуры раннего железного века, которая сможет стать более понятной нам, когда мы получим параллельные данные из района к востоку от оз. Малави, из Южной Танзании и Северного Мозамбика.

Более западный и, возможно, несколько более поздний комплекс культур раннего железного века засвидетельствован группами памятников Чондве, Капвиримбве и Калунду в Центральной Замбии к западу от Луангвы. Первая из этих групп находится в замбийском медном поясе, где памятники раннего железного века обнаружены по краям расчищенных пространств густого лесного массива *Brachystegia*. У фермы Чондве близ Ндолы были найдены железный шлак и кварцевые отщепы непосредственно под горизонтом современной керамики, а радиоуглеродные даты дали приблизительно IX в.⁵¹ Керамика из памятников группы Чондве имеет общие черты с керамикой группы Каламбо, а прочая керамика — с изделиями группы Капвиримбве, найденными к югу от нее. Гребенчатый штамп здесь более употребителен, чем в Каламбо, нередки и штампики, образующие рельефный псевдошеvron, но здесь нет скошенного края венчика, столь характерного для Каламбо, а вогнутый венчик группы Капвиримбве иногда встречается.

Капвиримбве — это самый богатый памятник в районе Лусаки. Он находится приблизительно в 13 км к востоку от города. Это однослойное поселение, в котором найдено много железного шлака, а также 13 железных орудий, включая бритву, наконечник копья и кольцо. Найдены кости крупного рогатого скота, а три радиоуглеродных образца дают среднюю дату — V в. н. э. 90% наличной керамики состоит из сосудов с шейкой и полушаровидных чаш. В орнаментации различимы две разновидности: горизонтальные полосы желобков или врезных штрихов и полосы отпечатков треугольного штампа, расположенных друг против друга так, что создается впечатление рельефного псевдошеvronа. Стратиграфическая позиция этой керамической группы установлена на местонахождении Твикенхэм-Род в самом городе Лусака, где верхние полметра из двухметрового отложения дали современную керамику соли⁵², а ниже, отделенный 15-сантиметровой стерильной прослойкой, залегает культурный слой раннего железного века. Сосуды из Твикенхэм-Род крупнее и снабжены более

разработанной орнаментацией, чем сосуды из Капви-римбве. Нижний уровень этого памятника датируется примерно XI в.⁵³

Группа памятников Калунду сосредоточена вокруг возвышенности Батока, в верхней части южного плато. Здесь горизонт раннего железного века у подножия горы Калунду в округе Каломо незаметно переходит в вышележащий культурный слой, но керамика нижних уровней, с желобками, вполне отличима от керамики позднейшего культурного слоя. Более ранние горизонты, датируемые приблизительно IV в., рассматриваются как остатки отдельного поселения. Керамика нижних уровней, большей частью полученная из хозяйственных ям (для запасов), толще и грубее, чем залегающая выше керамика типа Каломо. Похожая керамика найдена далеко на севере — в Гунду близ Батоки, где она датирована примерно V в. Южная граница этой керамики ныне представлена местонахождением Кабондо, в 25 км к северу от Ливингстона. Кости крупного рогатого скота найдены как в наслоениях Калунду, так и в Гунду, равно как и железные наконечники стрел, несколько медных обломков и три раковины каури, причем медь и каури говорят о раннем участии местных жителей в дальней торговле.

Другая группировка памятников появляется возле водопада Виктория и столь далеко, как у Сешеке в долине верхней Замбези. Здесь было обнаружено большое число шаровидных сосудов с выступающими полосами у венчика, украшенными врезной, желобчатой или штампованной орнаментацией. Типичное поселение Дамбва близ Ливингстона датировано по радиоуглероду приблизительно VII или VIII в. Й. О. Фогель различил не меньше четырех этапов в раннем железном веке этого района: ранний обнаруживает сходство с памятником Мачили самого начала I тысячелетия, тогда как позднейшие фазы почти на тысячу лет позже. С наименованием этой группы наблюдается некоторая путаница. Ее описывают то как «группу Дамбва», то как «традицию Шонгве». Керамика, связанная с этими памятниками, имеет некоторое сходство с керамикой, типичной для нижних уровней горы Калунду, но самые разительные параллели у них — с памятниками с низин к югу от Замбези и с керамикой типа Гокомере с родезийского плато, тем более что памятники группы Дамбва, по мнению некоторых исследователей, представляют северо-

западное продолжение восточного района распространения традиций раннего железного века⁵⁴.

Есть памятник, который пока не удается отнести ни к одной из твердо установленных групп. Это местонахождение у лесной станции Мачили, уже упомянутое как первое местонахождение Замбии, давшее керамику раннего железного века. По самой керамике выводов не сделать. Единственный почти полностью сохранившийся сосуд имеет на шейке ленту из широких желобков, но остальные черепки — неопределенные. Общие признаки, характерные для этого сосуда с желобками, отсутствуют в группах Дамбва, Калунду и Капвиримбве, но встречаются на некоторых сосудах Чондве и в Каламбо, а также в Лубуси и Сьома на западе. Отдельные находки сосудов, похожих на керамику Мачили, есть в Южной Замбии, у горячих источников Гвишо и на холме Леопарда, а также к югу от Замбези. Все эти находки принадлежат к тому типу керамики, который раньше был известен как «каннелированный», но этот тип никогда не был хорошо определен, ибо материал очень скуден. Когда дальнейшие открытия позволяют предпринять более детальный анализ керамики Мачили, вероятно, выяснится, что она имела тесные связи с керамикой Дамбва, а также и с керамикой Гокомере и Зива к югу от Замбези. Типологическое развитие этих типов керамики ныне хорошо известно, а их позднейшие образцы свидетельствуют о развитии, далеко ушедшем от сосудов Мачили. Таким образом, местонахождение Мачили и связанная с ним керамика могут представлять очень раннюю стадию замбийской последовательности культур раннего железного века, хотя единственная радиоуглеродная дата имеет достаточно широкий интервал стандартной ошибки, чтобы можно было включить его в широкий диапазон дат для ранних земледельцев⁵⁵.

Итак, последние исследования указывают, что к середине I тысячелетия н. э. железный век прочно утвердился по всей территории Замбии и Малави. На полосе земель между Луангвой и оз. Малави примерно к III или IV в. н. э. владевшие обработкой железа земледельцы выращивали хлебные злаки и выкармливали овец и коз, а всего лишь столетием или двумя позже земледельцы, владевшие крупным и мелким рогатым скотом, утвердились в районе между Луангвой и верхней Замбези. Самое густое население, кажется, было на юге, где

почвы более плодородны и где плато особенно подходит для разведения скота. Существенный факт: в северных и центральных районах появление железа и керамики в многочисленных памятниках позднего каменного века показывает, что охотники-собиратели длительный период сосуществовали с соседними производителями пищи, в южном же районе сохранение культур позднего каменного века засвидетельствовано только на нескольких местонахождениях в долине верхней и средней Замбези. Примечательно, что в то время, как распространение металлургии и производящего хозяйства, видимо, было быстрым (оно охватило все части страны за два века), в связанной с ними керамике выявляются четкие локальные различия, заметные с самого начала железного века. Это типологическое разнообразие почти наверняка отражает различное происхождение ранних производителей, чего и следовало ожидать, исходя из предположения, что появление железного века в этом районе означало движение на юг популяций с производящим хозяйством, уже утвердившихся севернее. Первоначальным, видимо, было различие между несколько более древней восточной традицией (без разведения крупного рогатого скота), проникшей на юг через проход между озерами Танганьика и Малави, и западной традицией (носители которой разводили крупный рогатый скот), которая пересекла водораздел Конго — Замбези из Южного Заира⁵⁶.

Сегодня главная проблема раннего железного века в Замбии и Малави не столько в том, как он начался, сколько в том, как он окончился.

Относительно Северной и Центральной Замбии, а также Малави совершенно ясно, что основная культурная преемственность сохранялась здесь в течение всего I тысячелетия и что внезапный ее конец наступил около XI в., когда керамические традиции раннежелезного века были сменены традицией более позднего железного века, которую Филипсон назвал традицией Луангва. Она является исходной для традиций, живущих у современного населения этого региона — чева, нсенга, нгони, тумбука, соли, лала, ламба, биса, бемба, лунгу, мамбве и восточных лунда.

Единственными памятниками раннего железного века с керамикой, отдаленно напоминающей керамику традиции Луангва, являются памятники группы Чондве, из чего, возможно, следует, что пионеры традиции

Луангва прибыли в Центральную Замбию из Южного Заира⁵⁷. Похоже, что они представляли сильный компонент нового населения, который принес не только новую керамическую традицию, но и усовершенствованные приемы металлургии и сильный упор на скотоводство в дополнение к возделыванию злаков. В Южной же Замбии, как мы видели, керамика раннего железного века у подножия горы Калунду сменилась совершенно иным керамическим типом — «Каломо» — без желобков и каннелюр и без скошенного края венчика, столь характерного для керамики раннего железного века. Эта керамика найдена и в ряде других горных местонахождений плато Батока, а в Исаму Пати она сохраняется почти по всей толще 2,5-метрового культурного слоя, что соответствует периоду примерно от VII до XI в. Керамика Каломо, по мнению некоторых археологов, развилась из группы Дамбва со средней Замбези⁵⁸, но, возможно, на самом деле она принадлежит новой группе мигрантов с культурой более позднего железного века, живших столетия на три раньше изготовителей керамики Луангвы.

Во всяком случае, именно в горных местонахождениях плато Батока и в поселениях долины верхней Замбези (те и другие содержат керамику Каломо) раскопки Дж. Эгана и Дж. Фогеля дали богатую информацию об образе жизни в этот самый поздний период железного века. Эти данные явно репрезентативны и для районов, находящихся далеко за границами Замбии, а учитывая отсутствие сравнительно подробной информации о самом раннем железном веке, они должны оказывать стандартной точкой отсчета и для него.

Одним из наиболее основательно исследованных поселений является то, что лежало на холме Исаму Пати. О его жителях известно, что они сажали сорго, а возможно и просо, используя железные мотыги и, вероятно, также палки-копалки с грузами-утяжелителями. Методы земледелия не выяснены, но, вероятно, они включали тщательный выбор участков под огороды в луговых районах с более мощными почвами и небольшим травяным покровом, ибо наверняка использовались топоры легчайшего веса. Железные орудия редки, за исключением наконечников стрел и лезвий. Создается впечатление, что даже к концу этого периода металлургия не оказывала большого воздействия на хозяйство и материальную культуру. И правда, множество видов диких

фруктов и овощей поощряли собирательство; в течение всего периода практиковалась и охота, причем излюбленной дичью были небольшие антилопы.

В самом нижнем горизонте памятника преобладают кости диких животных (на которых охотились), но домашние виды становятся все более и более важными на последующих этапах. Крупный рогатый скот был, по-видимому, короткорогой породы санга, разводились также мелкий рогатый скот, собаки и куры. Обитатели Исаму Пати жили в деревоглинобитных столбовых постройках с жердяными стенами, оштукатуренными снаружи, и с соломенными крышами. Имелись закрома для хлеба, а в грунте были вырыты хозяйственные ямы для запасов. План поселка известен плохо. Вероятно, постройки размещались вокруг центрального загона для скота — крааля. В погребениях со скорченными покойниками заупокойного инвентаря немного. Негроидный антропологический тип преобладает над бушменскими признаками⁵⁹.

Ранний железный век Южной Африки. Обратимся теперь к Родезии, где многолетние археологические исследования привели к открытию большого количества памятников железного века, чем известно на сегодняшний день в любом другом районе субэкваториальной Африки. Здесь, как и в более северных районах, производящее хозяйство и металлургия, кажется, появились одновременно, что обусловило в целом сходный характер хозяйства по всему району. Не приходится сомневаться, что новые явления культуры проникли в Родезию через Замбези. Как мы видели, ближайшие внешние аналоги керамики родезийского раннего железного века оказываются в Восточной Замбии и в Малави. Более детальные исследования типологии родезийской керамики Хафмана и Робинсона показали, что, как и в Замбии и Малави, легкие различия в стилях керамики были здесь налицо с самого начала.

Ранее обычно думали, что можно различить две локальные традиции: одну — на восточной возвышенности, другую — на центральном и западном плато. Ныне, однако, большинство специалистов согласно в том, что родезийская керамика раннего железного века образует единую группу, которая лучше всего выявлена в западном и центральном районах и названа Гокомере — по местонахождению под Туннельным скальным навесом у западного края холма Гокомере, примерно в 30 км к

северу от Форт-Виктории. Раскопанное впервые Т. Гарднером в 1937 г., оно было затем вторично исследовано в 1962 г. Робинсоном, у которого было уже больше данных для сравнения⁶⁰. Слой современного пепла перекрывал слой пищевых отбросов мощностью до 0,9 м, содержавший керамику со штампованной орнаментацией и другие культурные остатки. Район, окружающий этот скальный навес, был раньше занят большим загонем для мелкого скота и домами, остатки которых выступают из почвы. Нижние уровни этого культурного слоя дали радиоуглеродную дату около VI в.

Другие датированные образцы керамики Гокомере происходят с Акрополя Зимбабве, где первый слой железного века стратиграфически выявляется в охристой земле, перекрывающей скальный материк в Западной ограде. Единственная радиоуглеродная дата — она относится к концу обитания, которое, видимо, было коротким, — дала время около IV в.⁶¹ Этот уровень содержит черепки, похожие на обнаруженные в Туннельном скальном укрытии.

Третий важный памятник в группе Гокомере — Мабвени в заповеднике Чиби, примерно в 50 км к юго-западу от Зимбабве. Здесь следы обитания времен железного века простираются на несколько акров. Ряд шурфов выявил неглубоко залегающий культурный слой со следами глинобитно-столбовой постройки⁶². Два образца, датированные по радиоуглероду, дали время между II и VI в.

Еще один памятник, в Малапати на р. Нуанетси, дал материал более позднего слоя Гокомере, датируемый приблизительно IX в. Неглубокие отложения пищевого мусора содержат характерные черепки керамики Гокомере, которые имеют также некоторые общие признаки с памятниками раннего железного века Трансвааля⁶³.

Лучше всего характеризовать керамику Гокомере, опираясь на памятники Чиби и Гокомере, так как другие серии слишком невелики, чтобы быть репрезентативными. Наиболее частой формой сосуда является горшок с плечиками; стенки таких горшков обычно толстые. Часто встречаются выступающие у венчика выпуклые ленты, а шейку многих сосудов украшают выступающие горизонтальные ленты с косым расположением оттисков штампа. Найдено несколько острореберных сосудов, нередко полушаровидные чаши — как глубокие, так и мелкие. Есть и несколько горшков без шеек,

по их немного. У всех видов сосудов преобладает орнаментация оттисками штампа, врезная же встречается редко. Есть определенные типологические связи с группой Дамбва из Южной Замбии, особенно в трактовке шеек и выпуклых лент у венчика.

Остальная часть материальной культуры Гокомере очень слабо известна, но медные украшения — ленты и бусы — найдены как в Мабвени, так и в Туннельном местонахождении. Данные о хозяйстве не были детально изучены, но кости диких животных и домашних овец и коз были найдены в ряде памятников. Поэтому представляется вероятным, что начало разведения скота здесь относится к какому-то неопределенному времени в пределах раннего железного века.

Восточная часть Родезии дала много следов поселений раннего железного века, большей частью на возвышенности Иньянга. Радиоуглеродные даты из этих поселений варьируют между IV и XI в., совпадая с датами из Гокомере и памятников раннего железного века Замбии⁶⁴. Есть много сходства между керамикой Гокомере и сосудами из восточных памятников, хотя сосуды с Иньянги иногда сделаны лучше. Когда станет известно больше об археологии раннего железного века Южного Мозамбика, можно будет ожидать, что ареал восточных памятников — типа Зива — увеличится.

Культура более позднего железного века Родезии отражена прежде всего в развитии локальных вариантов культурной традиции Гокомере, особенно в центре и на западе. Но, как и в Малави и Восточной и Центральной Замбии, около XI в. здесь появились новые керамические традиции. Хорошо известная традиция Леопардс Копье — холма Леопарда (Западная Родезия) — связана с материальной культурой, которая мало чем обязана (если вообще обязана) влиянию Гокомере. Местонахождения большей частью находятся под навесами скал, а обитатели гораздо интенсивнее, чем их предшественники, использовали в строительстве стен грубые камни. Их керамика показывает мало следов влияния Гокомере. Часто встречаются неорнаментированные кубки, глиняные статуэтки женщин и домашних животных, обычно скота. У статуэток людей сильно выступающие ягодицы и изображения специально нанесенных на кожу рубцов. Эти поселения широко распространены на юго-западе страны, где многие из них датируются XI в.⁶⁵

Вариант традиции холма Леопарда появляется на известном местонахождении Бамбадьянало в долине Лимпопо. Средние горизонты этого памятника также датируются серединой XI в. Традиция холма Леопарда — пришлая, ориентированная сугубо на разведение крупного рогатого скота. Вероятно, она представляет новую миграцию в Западную Родезию⁶⁶.

В Северной и Центральной Родезии открыты другие традиции более позднего железного века, приблизительно одновременные с традицией холма Леопарда. Носители этих традиций, подобно их соседям с традицией холма Леопарда, были земледельцами, ведшими натуральное хозяйство, со слабо стратифицированной социальной организацией без всяких следов централизованной политической власти. Традиции Харари и Мусенгези принадлежат крестьянам-земледельцам, сосредоточенным в районе северного Машоналенда, которые продолжали жить натуральным хозяйством до недавнего времени. Однако более южная традиция, Гумандже, развилась в сложную культуру, характеризовавшуюся как социальными различиями между знатными и рядовыми общинниками, так и появлением царской власти. В конце концов после начала XIII в. традиция Гумандже трансформировалась в культуру Зимбабве, прославившуюся великолепием своих каменных построек и дальней торговлей слоновой костью и драгоценными металлами⁶⁷.

Культурное развитие на центральнородезийском плато в I тысячелетии документировано археологическим керном с Акрополя Зимбабве. Отложения периода I с керамикой Гокомере, датируемой временем ранее IV в., перекрыты отложениями сорной земли и разрушенных сырцовых хижин. Верхние из этих отложений получили радиоуглеродную датировку между началом XI и концом XIV в.⁶⁸ Керамика периода Зимбабве — преимущественно тыквообразная и, вероятно, близка керамике холма Леопарда. Ее находят в Восточной Родезии, а также на юге, в заповеднике Чибви. Мощные отложения периода Зимбабве III непосредственно перекрывают отложения периода II и, возможно, датируются периодом с XI по XV в. На этом этапе были сооружены основательные здания и началось возведение каменных стен, архитектура которых, вероятно, восходит к стенам построек холма Леопарда. Качество керамики улучшается, преобладают сосуды с шейками. Впервые появляются прясли-

ца и более обычными становятся импортированные предметы. Отложений периода III мало, но некоторое число небольших памятников этого периода было открыто в Юго-Восточной Родезии. Важное поселение находится в Мапунгубве, на южной стороне долины Лимпопо; другое большое поселение недавно обнаружено в Манеквеки, в Мозамбике, примерно в 110 км северо-западнее Мапуту⁶⁹. Обитатели Мапунгубве делали тонкую керамику, имеющую близкие типологические связи с керамикой холма Леопарда; высоко развита была также торговля медью и золотом.

Третий период культуры Зимбабве, начавшийся в XI в., должен, несомненно, отражать значительное развитие политической централизации и появление торговой империи, основанной на экспорте золота и слоновой кости. Если известное упоминание у ал-Масуди «страны Софала»⁷⁰, где царь Зинджей имел свою столицу, действительно относится к Родезийскому плато (а это, похоже, так), то уже в периоде Зимбабве II, т. е. к первым десятилетиям X в., начало политического развития должно было стать здесь очевидным. У археологии мало критериев для суждения о политическом и религиозном развитии. Не может она точно обосновать мнение и о том, было ли создание большого государства на Родезийском плато результатом местного политического развития, начавшегося здесь с самого раннего периода железного века, или же в этом процессе сыграли важную роль поздние иммигранты с севера⁷¹. Однако археология может свидетельствовать, что основное население Родезийского плато вряд ли существенно изменилось на этой сравнительно поздней стадии. Если царство Зимбабве было созданием мигрантов, то это скорее была небольшая группа, установившая определенный политический компромисс и хозяйственный симбиоз с местным населением. Но археология мало что может об этом сказать, и если такая миграция действительно имела место, то сведения о ней могут быть получены только из устной исторической традиции.

Данные о раннем железном веке к югу от Лимпопо все еще чрезвычайно скудны по сравнению с данными из района к северу от нее. До недавнего времени большинству белых южноафриканцев, включая археологов, было удобно полагать⁷², что народы, говорившие на языках банту, пересекли Лимпопо примерно в то же самое время, когда голландские поселенцы прибыли на

мыс Доброй Надежды. Таким образом, заметный интерес к археологии каменного века сосуществовал со столь же заметным безразличием к истории железного века народов банту, среди которых жили белые южноафриканцы. Даже когда археологи начали использовать в Тропической Африке новые возможности, открытые радиоуглеродным датированием, ученые Южной Африки медлили следовать этому примеру. Поэтому наше нынешнее сравнительное незнание надо связывать больше с дефицитом исследований, чем с каким-либо фундаментальным отсутствием данных. К счастью, эта ситуация как будто уже изменяется.

Небольшое количество чрезвычайно важных местонахождений раннего железного века недавно обнаружено в Трансваале и Свазиленде. Они дают обильную информацию о первом заселении Южной Африки земледельцами, владевшими обработкой железа⁷³.

Местонахождение Силверливз близ Тзанена дало горшки с врезной орнаментацией и желобками под венчиком. Исследователь сравнивает их с керамикой Нкопе из Малави. Две радиоуглеродные даты, III и IV вв. н.э., говорят о том, что это самые ранние свидетельства обитания населения железного века к югу от Лимпопо. Другое местонахождение, близ Летабы в северо-восточном Трансваале, относится к той же культурной традиции и датируется по радиоуглероду приблизительно VII в. Р. Мэсон связывает традицию Силверливз с местонахождением Кастрл Каверн в области Нгвенья (Свазиленд), которое датируется началом V в. по двум радиоуглеродным образцам⁷⁴. Это местонахождение — искусственная пещера, вырытая ранними рудокопами в поисках гематитовых руд, а затем заваленная отходами и мусором от обитания до глубины 1,5 м и заброшенная. В отложениях найдены керамика, описанная как «каннелированная», плавненное железо и многочисленные орудия рудокопов. Из этих отложений и получены образцы для радиоуглеродного датирования.

Обширное поселение раннего железного века в Брудерстроме, близ Бритса, дало тысячи черепков, которым мало аналогий, тринадцать разрушенных хижин, два горновых комплекса и кости домашнего крупного рогатого скота — все это датируется временем около V в. Эту керамику также сравнивали с керамикой из Нкопе и даже с керамикой из Квале. Если это сравнение основательно, то оно указывало бы на то, что самая ран-

няя культура железного века проникла в Южную Африку скорее через Мозамбик, чем через Родезию.

Ни одно из этих поселений не содержит керамики, которая бы близко напоминала традицию Гокомере, столь широко распространенную в Родезии. Однако местонахождение Матокома, приблизительно в 30 км от Луиса Трихардта, на южной стороне хребта Заутпансберг, исследованное до появления радиоуглеродного способа датирования, дало большую серию керамики типа Гокомере⁷⁵. По формам и орнаментам эта керамика имеет близкое сходство с сериями керамики Малапати и Гокомере в Родезии, которые датированы VI в. и IX или X в. соответственно. Местонахождение Матокома еще не датировано, да и не раскопано систематически, но типология керамики, собранной с поверхности, пожалуй, говорит в пользу датировки VI—IX вв. Поэтому похоже, что экспансия традиции Гокомере из Родезии на юг, в Южную Африку, происходила позже, чем распространение более восточной традиции железного века через прибрежный район Южного Мозамбика.

Как мы уже видели, нет сомнений в том, что традиция холма Леопарда распространилась на южную сторону долины Лимпопо у Бамбандьянало, где есть кубки и другие глиняные сосуды, а также импортированные стеклянные бусы, типичные для этого периода культуры в Юго-Западной Родезии. Правда, железные предметы и земледельческие орудия в Бамбандьянало редки, хотя зернотерки и наконечники мотыг найдены на поверхности. Правда и то, что костей домашних животных здесь много и что внушительные отложения коровьего навоза в центре холма свидетельствуют о существовании загона для скота в середине поселения. Но эти черты характерны как для памятников типа холма Леопарда в Родезии, так и для памятников типа Каломо в Замбии, где земледелие наверняка практиковалось наряду со скотоводством. Таким образом, точка зрения Гарднера, что жители Бамбандьянало были пастухи-кхой, не находит подтверждения. И в самом деле, поселение Бамбандьянало не только крупнее, но и имело более постоянный характер, чем современные поселения кхой. Последние являются (и были в XVII в.) временными поселками с незначительным накоплением мусорных остатков. Гарднер, несомненно, находился под большим впечатлением того факта, что один из ведущих антропологов того времени объявил 74 скелета, найденные в цент-

ральной части поселения, не относящимися к негрскому физическому типу. Но более современные исследования показали, что такие якобы ненегрские скелеты найдены по всей южной части Центральной Африки, а тщательные исследования де Вильерсом черепов южноафриканских негров дали гораздо более детальные критерии относительно степени вариабельности негроидного типа в Южной Африке. Этим было показано, что скелеты Бамбандьянало попадают в пределы диапазона вариаций негроидного физического типа ⁷⁶.

Особую трудность представляют недавние раскопки двух памятников в Трансваале. По полученным датировкам находки должны принадлежать к раннему железному веку, но была обнаружена и керамика без каких бы то ни было связей с керамическими традициями со штампованной и желобчатой орнаментацией раннего железного века Родезии, Замбии и Малави. Ван дер Мерве и другие археологи исследовали древние медно-рудные разработки у Фалаборва в северо-восточном Трансваале. Радиоуглеродные даты отсюда варьируют от приблизительно VIII в. н. э. до недавнего времени, особенно много датировок для XI и XII вв. Хотя керамика подробно не описана, утверждают, что она имеет тесное родство с современной керамикой суто, обитающих в этом районе ⁷⁷. В районе холмов Мельвиль, в Витватерсранде, близ Йоханнесбурга, Р. Мэсон исследовал серию железоплавильных горнов, один из которых датирован по радиоуглероду временем около XI в. Этот горн связан с так называемой трансваальской культурой Уйткомст, к которой также относят каменные загоны для скота и поселки, определенно построенные суто. Большой частью эти сооружения датируются второй половиной II тысячелетия, но само местонахождение Уйткомст — пещера с серией железоплавильных горнов — дало дату XVII в. для верхней из ряда печей, связанных с керамикой Уйткомст, почти наверное изготовленной суто ⁷⁸.

Явно было бы ошибкой пытаться на нынешнем, еще очень раннем этапе изучения железного века Южной Африки выдвигать нечто большее, чем гипотезы, основанные на имеющихся скудных данных. Тем не менее представляется очень вероятным, что первое проникновение железа в этот регион произошло через прибрежную равнину Южного Мозамбика, а если это так, то можно предположить этническое родство мигрантов с

предками современных тсонга. Они одни среди юго-восточных банту сочетают возделывание злаков с рыбной ловлей в природной среде, мало подходящей для скотоводства, тогда как их соседи нгуни и суто ценят крупный рогатый скот превыше всех богатств, не любят лодок и соблюдают строгое табу на употребление рыбы в пищу. Ныне тсонга населяют берег Мозамбика от р. Саби до залива Нкоси, и известно, что раньше они занимали обширные территории вплоть до Наталя⁷⁹. Похоже, что в Мозамбике, между Замбези и Саби, как и в прибрежных районах Наталя, народ, близкий к тсонга по происхождению и культуре, испытал позже нашествие очень отличающихся народов шона и нгуни и был поглощен ими. Пришельцы эти спустились в прибрежную долину с внутреннего плато.

Несомненно, имело место какое-то вторжение носителей раннего железного века из Родезии в Южную Африку в районе среднего течения Лимпопо, что и засвидетельствовано местонахождением Матокома с его керамикой типа Гокомере. Однако главная экспансия скотоводческих народов банту, с Родезийского плато на плато Трансвааля и территорию Свободного Оранжевого Государства, видимо, происходила во времена более позднего железного века. Не вызывает никакого сомнения, что к концу I тысячелетия носители традиции холма Леопарда распространили свое влияние до самого центрального Трансвааля. Хотя пока еще невозможно по археологическим источникам различить предков нгуни и суто-тсвана, все же ясно, что они-то и были главными группами, вовлеченными в этот процесс.

Остается пока что не разрешенной и проблема, как, когда и где коллективы охотников-кхой обрели навыки скотоводства, не утратив при этом своей языковой и культурной индивидуальности. Возможно, что здесь надо проводить различие между разведением овец и коз, с одной стороны, и разведением и доением крупного рогатого скота — с другой. В целом представляется, что кхой — это как раз то население, которое, вероятнее всего, разводило домашних овец в пещерных поселениях Капской провинции в самый последний период каменного века. Если, как мы предположили, народы кхой были некогда распространены от мыса Доброй Надежды до Южной Анголы и далее на восток, до Центральной Танзании, то возможно, что некоторые из них получили этих животных путем контакта с говорившими на южнокушитских

языках носителями культуры каменных чаш в любом из районов между Центральной Танзанией и Капской провинцией.

Хотя в принципе и возможно, но мало вероятно, что бы кхой получили крупный рогатый скот прежде, чем эти животные попали в пределы позднейшей территории их расселения к западу и югу от верхней Замбези. Надо полагать, что разведение крупного рогатого скота у кхой развилось где-то у северных окраин пустыни Калахари в результате захвата или покупки скота группой кхой, населявших район слишком засушливый, чтобы быть привлекательным для бантуязычных народов, занимавшихся комплексным сельским хозяйством. Специализировавшись, пастушеское хозяйство стало развиваться как дополнение к охоте и собирательству. И в район к западу от Калахари оно вполне могло распространиться быстрее, чем комплексное сельское хозяйство в район к востоку от нее.

Поэтому не надо придавать слишком много значения тому, что у нгуни и суто-тсвана слова для обозначения коровы, молока и курдючной овцы оказываются заимствованными от корней кхой⁸⁰. Если бы более северные языки банту показали ту же картину, это могло бы и в самом деле привести к выводу, что кхой получили крупный рогатый скот до главной экспансии народов банту на восток и на юг. Сам по себе тот факт, что кхой граничили как с суто-тсвана, так и с нгуни, вероятно, просто означает, что это две группы народов банту восприняли терминологию соседей-скотоводов, с которыми они торговали, воевали и заключали браки.

Проблемы Западной и Центральной Африки. Прделанный обзор археологических данных приводит к выводу, что железная металлургия проникла в область расселения народов банту через западную часть ее северной границы. Она, вероятно, двигалась вдоль речной системы сквозь леса, достигнув Киншасы и южной саванны примерно к III в. до н. э. Главное же продвижение носителей культуры железного века, видимо, шло по северо-восточным окраинам лесов Конго к влагообильным возвышенностям по обе стороны Западного Рифта. Отсюда, как мы видели, восточные варианты раннего железного века распространялись через Танзанию к Индийскому океану, на юг через Малави в Родезию и, вероятно, также через Мозамбик в Южную Африку приблизительно между II и V в. н. э.

Гораздо труднее при наличных на сегодня данных проследить продвижение центрального потока носителей культур раннего железного века, которые, если не считать короткого продвижения по северным берегам оз. Виктория к Уреве, распространялись, видимо, главным образом на юг и в основном западнее великих озер. По всему Южному Заиру археологические источники железного века крайне скудны. Коллекция черепков керамики с о-ва Мимоз на р. Конго близ Киншасы отнесена радиоуглеродной датировкой приблизительно к V в. н. э.⁸¹ Ряд целых горшков, описанных как горшки с ямкой снизу, был найден в ходе добычи руды у Чикапы в области Касаи⁸², а один черепок такой же керамики был обнаружен в местонахождении с датировкой от XI до XIV в. в Катото в Шабе⁸³. Кроме того, единственный профессионально раскопанный памятник железного века в Южном Заире, определенно относящийся к I тысячелетию н. э., — это большой могильник в Санге, исследованный Иерно и Нанкэном в 1957 и 1958 гг.⁸⁴

Здесь, где верхнее Конго, или Луалаба, протекает сквозь цепь небольших озер, приблизительно в 300 км от современного центра меднорудной промышленности Жадовиля (Ликаси), обнаружен огромный бескурганый могильник, простирающийся вдоль берегов оз. Кисале. Из многих тысяч погребений Иерно и Нанкэн раскопали около 60 и нашли скелеты в сопровождении множества керамических сосудов, железных и медных украшений, оружия и немногих завезенных издалека предметов, таких, как стеклянные бусы и морские раковины.

Для скелетов, погребенных с керамикой Кисале, две радиоуглеродные даты дали время между VIII и IX в. Кисалийские горшки имели округлые донца, изогнутые плечики и расширяющиеся шейки с завернутым внутрь венчиком. Плечики орнаментированы изображением полумесяца, а завернутые внутрь венчики часто покрыты желобками, врезными линиями или оттисками гребенчатого штампа. Хотя и нет очень близкого сходства с другими известными группами керамики, ясно — как из формы сосудов, из скошенного венчика, так и из желобчатой орнаментации, — что кисалийская керамика происходит от взятой в целом традиции железного века Восточной и Центральной Африки. Внутри этой традиции она должна рассматриваться как развитая форма кера-

мической традиции Шабы, более ранняя история которой пока совершенно неизвестна.

Значение материальной культуры, открытой в Санге, заключается в ее богатстве медью и железом и в сравнительно развитой технике, такой, как волочение проволоки и сварка. Использование этих материалов и особенно эти навыки, существовавшие в центре континента, где контакт с внешним миром был явно минимальным, приводят к выводу, что уже к VIII—IX вв. большие залежи минералов Шабы были известны и давно эксплуатировались. Хотя из-за случайного характера научных раскопок более ранние данные остаются пока неизвестными, даже одно лишь местонахождение Санга делает вполне резонным предположение, что Шаба была важным центром металлургии в субэкваториальной Африке в целом.

Мы видели, что начиная примерно с V в. серия субкультур Замбии к западу от Луангвы, по-видимому, велла происхождение из этого района. И надо всерьез поставить вопрос относительно культур позднейшего железного века, представленных традицией Луангвы и Замбии и холма Леопарда, а также соседними традициями в Родезии: не пришли ли они в Южную Африку из одного и того же района? Местонахождение Санга само по себе не решит всех важных проблем. В частности, будучи могильником речных рыболовов, оно никак не проясняет тот факт, что, очевидно, именно отсюда в южную область расселения народов банту проникли как древнейший домашний крупный рогатый скот, так и, позднее, первые по-настоящему специализированные скотоводы.

Остается надеяться на то, что в будущем археология железного века в Заире достигнет достаточного развития, чтобы ответить на вопросы, задаваемые археологией соседних областей. Между тем надо не упускать из виду, что переосмысление данных лингвистической классификации языков банту открыло новые перспективы, особенно для изучения этого района. В схеме Гатри языки зон L и M, возглавляемые луба и бемба, находились в центре всего распространения языков банту. Они были также в сердцевине установленного Гатри первичного деления первоначального языка банту на восточные и западные диалекты, причем языки зоны L принадлежат к западным, а языки зоны M — к восточным. В этой статье мы до сих пор принимали концеп-

цию Хенрици о «центральной группировке банту», охватывающей языки D — S и происходящей от языка-предка, распространенного где-то на краю зоны С. Все еще неясно, как западные и восточные диалекты Гатри могли бы вписаться в новую схему. Из его «Каталога общих корней банту»⁸⁵ ясно, что языки А — В имеют особое лексическое родство с языками зон Н, К и R. В то же время есть много общих корней, отсутствующих в зонах А и В, но распространенных от зон С или D до зон L, К и R, а также в восточных зонах. Поэтому представляется вероятным, что влияния, исходящие из зон А и В, перекрещиваются с влияниями из зон С и D в зонах К, L и R. В этом скрещении западные влияния, похоже, были субстратом, относящимся к позднекаменному веку, тогда как центральные влияния можно датировать только железным веком. Как мы уже видели, есть свидетельства густой заселенности района к юго-западу от лесов Конго, пограничных с Заиром и Северной Анголой, в позднекаменном веке. В то же время свидетельства высокого уровня развития и технических достижений приходятся на другой район — к юго-востоку от этих лесов, на территорию Киву и Шабы.

Представляется чрезвычайно интересным определить, какие аспекты культуры раннего железного века были способны пройти через великие леса, а какие по необходимости должны были обходить эти леса. Для решения этого вопроса, конечно, примечательно, что в лесных языках отсутствуют общие корни, связанные с возделыванием злаков, равно как и большинство корней, связанных со скотоводством (разведением крупного рогатого скота), хотя многие из них встречаются к югу от лесов как в восточной, так и в западной частях области расселения народов банту. Это обстоятельство говорит о том, что, получив новые археологические данные из Южного Заира и Анголы, мы найдем большую часть их связанной скорее с центральной, чем с западной струей носителей культуры железного века.

Из возможных местонахождений раннего железного века, исследованных к настоящему времени в Северной Анголе, одно, в руднике Фури, датированное приблизительно II в. н. э., содержало неопределенные черепки горшков и каменный уголь в комплексе с находками позднего каменного века, которые, возможно, относятся к западной традиции. Другое местонахождение, на аэродроме Дунду, датированное приблизительно VIII в.,

дало керамику, сопоставимую с керамикой раннего железного века из Восточной и Центральной Африки⁸⁶. Еще одно местонахождение — в Фети ла Хойя, близ истоков р. Кунене. Укрепленное каменными стенами и традиционно связываемое с предками народа овимбунду, в основном скотоводческого, это поселение дало из больших мусорных куч образцы, датированные временем приблизительно от VIII до XIII в.⁸⁷. Таким образом, этот памятник относится к тому же времени, что и культура Каломо в Замбии, и, когда он будет полностью изучен, он, вероятно, поможет осветить переход в Центральной Африке от культур раннего железного века к культурам позднего железного века.

Районом субэкваториальной Африки, из которого пока нет никаких датированных археологических данных о раннем железном веке, является северо-западный квадрант, в котором преобладают огромные леса. Как можно было видеть, этот район охватывает зоны А—С по Гатри, где наблюдается наибольшая языковая дифференциация. Со времен позднего каменного века он был густо заселен общинами банту. Находки в подъемном материале шлифованных каменных топоров и мотыг дают некоторые данные о производящем хозяйстве, а существование «общих» для языков банту корней дает представление о хозяйстве, основанном на рыбной ловле и огородничестве. Возможно, что навыки обработки железа распространились сквозь леса в тот же период, когда они охватили и окраины лесной зоны, и что здесь, как и в других местах, их появление укрепило производящее хозяйство. Расчистка леса была, несомненно, облегчена железными орудиями, а более совершенное (при помощи железных орудий) изготовление лодок расширило размах речной торговли, которая могла теперь достигать районов добычи железа на севере и на юге.

В то же время не надо забывать, что возделывание хлебных злаков и разведение крупного рогатого скота, бывшие столь важными составляющими культуры железного века в большинстве районов субэкваториальной Африки, имели в лесных районах гораздо более ограниченное значение. Примечательно, что в наши дни главные пищевые растения лесной территории — это растения, прибывшие из Южной Америки: маис, маниок и сладкий картофель. Есть достаточно данных о том, что до появления этих растений, т. е. до XVI—XVII вв., самыми важными в лесной зоне продовольственными культу-

турами были растения из Юго-Восточной Азии: банан, ямс и кокосовый батат. Эти растения все еще являются главными источниками растительной пищи в некоторых частях данного региона, а в качестве дополнительных растений они сохранились почти повсеместно. Местные, африканские пищевые растения — просо, сорго и бобы — сохранились здесь главным образом как «сельскохозяйственные реликты», выращиваемые для использования в религиозных ритуалах⁸⁸.

Поэтому похоже, что появление пищевых растений из Юго-Восточной Азии было чрезвычайно значительным событием для лесного региона. Вероятно, на восточном берегу Африки оно было результатом океанских путешествий индонезийских торговцев и переселенцев. Эти растения не могли распространиться среди автохтонных обитателей Восточной Африки, пока те не стали производителями пищи, а есть указания на то, что производящее хозяйство здесь не предшествовало железному веку⁸⁹. Однако к первым векам новой эры прибрежные племена банту были уже в состоянии освоить новые пищевые растения и передать их тем народам в глубине материка, которые, живя в более влажной природной среде, были больше приспособлены к их использованию. Новые растения проникали в глубь материка многими путями, но легчайшим был, вероятно, тот, который проходил на широте оз. Малави и по долине Западного Рифта. Этот путь и правда отмечен распространением корня -тооке для слова «банан»⁹⁰. Отсюда они продвигались на запад широким фронтом, обходя лес как с севера, так и с юга, но и пробиваясь через него. Вероятно, появление новых методов производящего хозяйства отражалось во все большей расчистке леса — больше на его окраинах, чем в центре, где производители пищи раннего железного века, точно так же как и их предшественники в позднем каменном веке, жили редко расселенными общинами, большей частью жавшимися к рекам и полоскам саванны.

Полезные сведения о более ранней ситуации можно получить, если обратиться к народам, последними перешедшим к производящему хозяйству, например пигмеям, представляющим древнейшее население охотников и собирателей. Существенно, что они обитают в северной половине покрытого лесом региона — в Южном Камеруне, Северном Габоне и Республике Конго, а также и Итури (Заир), к востоку от большой излучины Конго.

Внутри излучины лес давно был сведен настолько, что оставшихся участков стало не хватать для специализации только на охотничьем хозяйстве. Прежнее же пигмейское население переженилось и интегрировалось в среду представителей производящего хозяйства до такой степени, что, хотя физический тип пигмеев широко распознаваем в населении в целом, культура пигмеев перестала существовать. Это указывает на то, что по крайней мере в недавние десятилетия распространение производящего хозяйства было более сильным по южным окраинам леса, чем на севере. Скорее всего, это был процесс, который начался с распространением с юго-востока пищевых растений из Юго-Восточной Азии и продолжался в ходе более позднего распространения южноамериканских злаков из стран, прилегающих к Анголе со стороны внутренних частей континента.

Применительно к северо-восточной части лесного региона Тернбулл нарисовал, как представляется, убедительную картину территории, на которую лишь недавно проникло производящее хозяйство какого бы то ни было рода⁹¹. Он находит, что сегодня район Итури населен примерно 40 тыс. пигмеев, живущих небольшими группами как охотники-собиратели, и приблизительно таким же количеством деревенских жителей с производящим хозяйством, принадлежащих к восьми или девяти разным этническим и лингвистическим группам, большинство из которых появились из районов вне леса, к востоку или северу от него. По преданиям как охотников, так и земледельцев, проникновение носителей производящего хозяйства произошло в течение последних трех или четырех веков, достигнув апогея в последнем столетии, когда для охотничьих групп стало необходимо заключать постоянные союзы с той или иной из соперничающих групп земледельцев. Соглашаясь служить им охотниками, разведчиками и шпионами в обмен на растительную пищу и напитки, металлические вещи и керамику, пигмеи постепенно становились зависимым населением.

Со своей стороны, и деревенские жители отказались от разведения крупного рогатого скота и возделывания злаков и перешли к высокоспециализированному лесному земледелию. Они выращивали бананы и кассаву как главные источники пищи, а также суходольный рис, бобы, земляной орех и масличную пальму. Протеин им доставляла рыбная ловля в реках. В отношении мяса

они зависели от охотников. Их ежедневным занятием была расчистка леса. Получаемые таким образом кислые почвы обычно прекращали давать урожай года три спустя, и поселки земледельцев постоянно передвигались вдоль рек, ручьев и лесных дорог, так что первоначальная чаща оказывалась испещренной возделывавшимися когда-то участками, заброшенными и покрывшимися вторичной дикой растительностью.

Непигмейское население Итури, ведущее производящее хозяйство, включало не только говоривших на языках банту, таких, как бали, бира и буду, но и говоривших на центральносуданских языках, как момву и лесе, и восточных нигер-кордофанских языках, как занде. Существенно, видимо, то, что освоение этого особенно трудного района не началось до тех пор, пока какие-то представители всех этих народов сами не превратились в специализированных возделывателей пищевых растений из Юго-Восточной Азии и, возможно, также из Южной Америки. Это соображение подчеркивает важность окраин леса и коридоров с пригодными для жизни землями, разделяющих основные массивы нетронутого леса.

Что касается Итури, то не может быть сомнения в большом значении этого узкого коридора более или менее открытой земли между восточными границами леса и Западным Рифтом. Все народы восточного леса с производящим хозяйством — рега, бембе, бира и буду — утверждают, что происходят из указанного района⁹², и это подтверждается тем, что их языки принадлежат скорее к северо-восточной зоне D, чем к северо-западной зоне C. Вероятно, именно через посредство этих народов, через их связи между собой (особенно это касается нанде, амба и конджо) растения из Юго-Восточной Африки были в обход леса по его северным окраинам переданы центральносуданским народам и носителям восточных нигер-кордофанских языков.

Одной из причин такого позднего освоения Итури народами с производящим хозяйством, вероятно, служит то, что это район водораздела, трудный для доступа на каноэ. Рек тут сколько угодно, но это их стремительные бурные верховья, и навигация, даже малыми судами, то и дело прерывается порогами и водопадами. То же самое соображение относится к другому большому району нетронутого леса, который образует водораздел между побережьем Габона, Экваториальной Гвинеи и Южного Камеруна, и к долинам притоков, что ведут отсюда на

юг, к Убанги и Конго. Здесь охотники-собиратели пигмеи также сохранились до современности, правда не в таких количествах, как в Итури. Но есть весомые доказательства того, что они составляли главное население всего этого района до его колонизации в XIX в. людьми с производящим хозяйством — народом фанг. Между этим водоразделом и Атлантическим побережьем лежит сравнительно узкая полоса покрытой лесом низменности, пересеченной большим количеством рек. Это родина многих мелких народов, говорящих на языках банту зон А и В. Некоторые из них утверждают, что прибыли с севера, другие — что с юга, третьи вообще не имеют преданий о происхождении из другого региона⁹³. Зато к востоку от водораздела на всей 1100-километровой протяженности от долины Санга до Кисангани и от верхней Убанги на севере до экватора на юге простирается район, обильный водными путями, удобными для навигации. Он свидетельствует о длительной заселенности общинами с производящим хозяйством и заставляет вспомнить предания о крупных передвижениях населения с севера на юг.

Здесь обитают народы, говорящие на языках зоны С. Примечательно, что в этом районе есть убедительные свидетельства того, что на языках банту когда-то говорили и далеко к северу от нынешней границы народов банту. Калонн Бофэ в своих исследованиях занде и нзакара, проведенных в первом десятилетии нашего века, сообщает о существовании затерянных бантуязычных групп нгбинда, живущих по всей восточной части Центральноафриканской Республики между Якомой на Уэле и верхними притоками Бахр ал-Газала⁹⁴. Недавно А. Такер подтвердил, что нгбинда и в самом деле язык банту. Он также открыл существование еще более северного языка, бугуру, являющегося единственным языком банту, на котором говорят в пределах Демократической Республики Судан⁹⁵.

В этих раздробленных остатках мы можем видеть указание на локализацию тех народов банту, которые когда-то во второй половине I тысячелетия до н. э. первыми вступили в контакт с носителями производящего хозяйства железного века. Можно с уверенностью сказать, что в более поздние времена, ближе к современности, большая территория, когда-то населенная народами, говорившими на банту, и простирающаяся далеко на север лесной зоны, была наводнена занде, нзакара и

другими группами, говорившими на языках восточной ветви нигер-кордофанских. Они включали банда, гбака и нгбанди, которые устремились на юг с верховьев Шари через большую излучину Убанги и Конго. Западнее же от них вуте и мбум заменили говоривших на банту буду, бети и фанг⁹⁶.

Хотя лингвистическая граница стабилизировалась приблизительно по северной окраине леса, отдельные группы населения, несомненно, продвигались далеко за эту границу. В частности, у монго, живущих внутри большой излучины Конго, есть много признаков сильного северного влияния. Хотя из данных устной традиции известно, что последние фазы этого движения на юг народов, говоривших на восточных нигер-кордофанских языках, еще продолжались даже в XVIII в., более ранние фазы хронологически не определены. В целом похоже, что они соответствовали на западе длительному продвижению народов, говоривших на центрально-суданских, нилотских и паранилотских языках, в восточную половину сферы расселения народов банту, которое продолжалось в течение всего текущего тысячелетия. По всей вероятности, эти движения должны рассматриваться как следствие усыхания пограничной Сахары далеко на севере.

З а к л ю ч е н и е. В заключение можно было бы высказать идею, что в начале рассматриваемого периода, т. е. около середины I тысячелетия до н. э., народы, говорившие на языках — предках языков зон С и D, жили вдоль северных окраин лесов Конго. Те, что находились в лесах, были уже специализированы на приречном существовании с рыбной ловлей и лесным огородничеством и, возможно, уже создали плацдарм на окраинах леса к югу. Те народы, что жили к северу от леса, возможно, перешли к производящему хозяйству, основанному на возделывании злаков и скотоводстве, еще в каменном веке. С приходом культуры железного века из районов, расположенных еще более к северу, производящее хозяйство получило наибольшие преимущества (правда, географические возможности для его распространения были лучше на юго-востоке, чем на юго-западе). Отсюда драматическая экспансия восточных народов банту с производящим хозяйством на территорию охотников и собирателей в Восточной и Южной Африке. В более влажных условиях леса культура железного века уже не имела подобного потенциала для экспансии, и по-

этому культура лесных народов банту была в конечном счете побеждена культурой банту саванны, двигавшейся в обход с востока и юга.

Во всяком случае, мы можем быть вполне уверены, что к концу I тысячелетия н. э. говорившие на языках банту люди более или менее негроидного физического типа, жившие производящим хозяйством, давно уже утвердились на большей части территории, занимаемой ныне их потомками. По-видимому, повсюду основой успехов народов банту были сравнительная эффективность их земледелия с использованием железных орудий и их способность приспособливать свои методы производящего хозяйства к широкому разнообразию природных условий. На большей части территории, занятой людьми, говорившими на языках зон D — S, хозяйство было основано на возделывании злаков и скотоводстве, но во влажных районах в лесах Конго и вокруг них сохранилось более древнее хозяйство рыболовов и возделывателей растений. Хотя, по современным стандартам, бантуязычное население Африки в конце I тысячелетия н. э. было еще, вероятно, чрезвычайно редким, оно все же, несомненно, сильно возросло по сравнению с поздним каменным веком. Вероятно, именно в сравнительно быстром росте численности населения с производящим хозяйством и заключается главная причина растворения в нем древнего населения охотников и собирателей и соответственно сложения многих народов банту, появившихся в Африке в течение прошедшей тысячи лет.

Хотя, несомненно, отдельные их общины, по современным стандартам, были небольшими и гораздо реже расселенными, есть множество свидетельств того, что даже в течение раннего железного века эти общины были широко связаны между собой торговлей. Производителям железного века требовался гораздо больший ассортимент сырья, чем их предшественникам в каменном веке. Например, охотник-собиратель мог получить всю нужную ему соль вместе с мясной пищей, которую он потреблял, в то время как земледelec с его преимущественно углеводным рационом нуждался в регулярных поставках соли, которую можно было получить, только вываривая определенные виды речных водорослей или выпаривая определенное количество соляных отложений. Места залегания таких отложений стали естественными центрами местной системы торговли, распространявшейся в некоторых случаях на территории в несколь-

ко сот квадратных километров. Увинза в Западной Танзании представляет собой пример места добычи соли, о котором известно — как по его керамике, так и по радиоуглеродным датировкам,— что его разрабатывали с раннежелезного века⁹⁷.

Конечно, залежи и железной руды, и особенно меди и золота были никак не повсеместны. Как руды, так и готовые металлические изделия должны были с раннего железного века широко циркулировать в системе торговли. Так, выходы гематитов в Свазиленде, эксплуатировавшиеся, как мы видели, с V в., разрабатывались, как представляется, для широкой торговли. Торговля медью прослеживается гораздо легче, чем торговля железом,— например, по наличию медных украшений в Дамбве и в других памятниках раннего железного века в Южной Замбии, далеко от выходов меди в Кафуэ-Хук на севере или в речной долине Гвааи на юге. Возможно, имело определенное значение то, что устроившие могильник Санга люди жили в районе, богатом медью и солью, где были отличные условия для развития местной и межрегиональной торговли. Дальние торговые пути через всю Шабу были в IX в. еще делом будущего, но основы развернутой сети торговли, о которой мы знаем по устным преданиям более поздних веков, конечно, были заложены в течение I тысячелетия н. э.⁹⁸

В памятниках раннего железного века южной половины области расселения народов банту были обнаружены такие экзотические предметы, как стеклянные бусы и морские раковины. Древние мусорные кучи в Мабвени (Машоналенд) дали несколько стеклянных бусин, сходных с теми, которые были найдены в материковом слое в Зимбабве. Раковина и бусы получены из горизонта раннего железного века в Туннельном скальном убежище Гокомере, а раковины-каури обнаружены в горизонте IV в. в холме Калунду в округе Каломо (Замбия) и в слое V в. в холме Гунду в 100 км к северо-востоку от Калунду. Эти разбросанные находки говорят не о существовании дальней регулярной караванной торговли между восточным побережьем и глубинными районами материка, а скорее о временных и косвенных торговых контактах между прибрежными рынками и источниками сырья, расположенными далеко от побережья.

Но к концу I тысячелетия н. э. по крайней мере в

южной части области распространения языков народов банту ситуация, вполне возможно, была иной. У нас есть свидетельство ал-Масуди о процветающем вывозе слоновой кости из страны зинджей, которая, судя по всему, была расположена за Софалой⁹⁹. С Родезийского плато мы имеем археологические материалы (Зимбабве III) о процветавшей торговле и политической централизации, засвидетельствованных по крайней мере с XI в. Здесь, как и в Санге, мы, возможно, имеем дело с первыми свидетельствами существования сложных вождеств и политических структур позднейших веков. Существенно, что они оказались в районах, наиболее ценившихся народами банту с производящим хозяйством, а позже и внешним миром.

¹ По новейшей классификации Дж. Гринберга, языки банту образуют не самостоятельную семью, а представляют подгруппу бенуэ-конго группы нигер-конго в составе нигеро-кордофанской языковой семьи. Койсанская семья языков включает языки готтентотов (самоназвание кой-койн), бушменев (самоназвание саан), а также горных дамара, сандаве и хадза (хатса); впрочем, в последние годы языковое родство этих народов Южной и Восточной Африки ставится под сомнение многими лингвистами (примеч. отв. ред.).

² *Mauny R. Tableau géographique de l'ouest africain au moyen âge. Dakar, 1961, с. 193—223.*

³ *Davies O. West Africa before the Europeans. L., 1967, с. 151.*

⁴ В английской научной литературе понятие «поздний каменный век» (Late Stone age) шире привычного для нас понятия «неолит». Для британских авторов неолит — это завершающий этап позднего каменного века, характеризуемый принципиальными изменениями в экономике (возникновение производящего хозяйства) и технологии (появление шлифованных и полированных каменных орудий). Собственно же поздний каменный век соотносится с присваивающим хозяйством при преобладании микролитической техники (примеч. отв. ред.).

⁵ Речь идет о высказанной британским историком Ол. Дэвисом гипотезе, согласно которой железо на территории современной Ганы было самостоятельно открыто «не позднее 1000 г. до н. э.». Однако эта гипотеза строилась всего на двух радиоуглеродных датировках, к тому же недостаточно достоверных, и потому не встретила поддержки большинства специалистов (примеч. отв. ред.).

⁶ Там же, с. 216.

⁷ Под «бантуподобными» чертами имеется в виду прежде всего система именных классов, образующая характерную черту языков банту, или подгруппы бенуэ-конго. Такая система присутствует и в некоторых языках Западной Африки, относящихся к иным языковым группам (примеч. отв. ред.).

⁸ Некоторое количество мотыг для обработки почвы найдено к востоку от ареала «группы С» — в Юго-Западной Эфиопии. Они свидетельствуют о существовании земледелия каменного века в период,

соответствующий появлению похожих артефактов в западных лесах Африки. Это как раз район, где у *Ensete edule* длинная история, и его одомашнивание вполне могло здесь произойти до появления хлебных злаков. См.: *Clark J. D. The Problem of Neolithic Culture in Sub-Saharan Africa.— Background to Evolution in Africa. Ed. by Bishop W. W. and Clark J. D. Chicago, 1967, с. 612.*

⁹ Ранняя дата хлебных злаков в Северо-Восточной Африке может быть также подтверждена наличием африканских злаков — таких, как *Eleusine* и *Pennisetum*, — в Южной Индии: в Халлури и Пайямпали, в слоях, датируемых приблизительно 1800 г. до н. э. (см.: *Allchin F. R. Early Cultivated Plants in India and Pakistan.— The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Ed. by Ucko P. J. and Dimbleby G. W. L., 1969, с. 323—329).*

¹⁰ *Kendall R. L. and Livingstone D. A. Palaeoecological Studies on the East African Plateau.— Actes du VIe Congrès Panafricain du pré-histoire. Ed. by Hugot H. J. Chambéry, 1972, с. 386.*

¹¹ *Leakey L. S. B. The Stone Age Cultures of Kenya Colony. Cambridge, 1931.*

¹² *Leakey M. D. and Leakey L. S. B. Excavations at the Njoro River Cave. Oxf., 1950.*

¹³ Упоминаемые здесь нилотские и паранилотские языки образуют в классификации Дж. Гринберга восточносуданскую подгруппу шаринильской группы в составе нило-сахарской языковой семьи (примеч. отв. ред.).

¹⁴ *Clark J. D. (ed.). Atlas of African Prehistory. Chicago, 1967* карта «Позднекаменный век».

¹⁵ *Ehret C. Patterns of Bantu and Central Sudanic Settlement in Central and Southern Africa.— Trans-African Journal of History. 1974, vol. 4, с. 1—27.*

¹⁶ *Westermann D. Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu.— Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Bd. 30, B., 1927; Greenberg J. H. Studies in African Linguistic Classification. New Haven, 1955; он же. The Languages of Africa. The Hague, 1963.*

¹⁷ *Guthrie M. Comparative Bantu, an Introduction to the Comparative Linguistics and Prehistory of the Bantu Languages. Vols. 1—4. Farnborough, 1967—1972.*

¹⁸ *Greenberg J. H. Linguistic Evidence Regarding Bantu Origins.— Journal of African History. 1972, vol. 13, № 2, с. 193.*

¹⁹ *Heine B. Zur genetischen Gliederung der Bantu-Sprachen.— Afrika und Übersee. Bd. 56, B., 1972—1973, с. 164—185.*

²⁰ *Henrici A. Numerical Classification of Bantu Languages.— African Language Studies. Vol. 14, L., 1973, с. 98, 101.*

²¹ *Guthrie M. Comparative Bantu, vol. 2, § 83.13.— 83.25.*

²² Там же, § 83.24.

²³ *Davies O. West Africa before the Europeans, с. 200—201.*

²⁴ Обработка взятых для радиоуглеродного анализа образцов требует времени, отчего даты обычно публикуются отдельно от отчетов о раскопках памятников, к которым они относятся. Полная сводка датировок для периода производящего хозяйства опубликована в работе: *Fagan B. M. Radiocarbon Dates for Sub-Saharan Africa.— Journal of African History. 1961, vol. 2, с. 137—139; 1963, vol. 4, с. 127—128; 1965, vol. 6, с. 107—116; 1966, vol. 7, с. 495—506; 1967, vol. 8, с. 513—527; 1969, vol. 10, с. 149—169. Последующие двухгодичные сводки, сделанные другими авторами, появляются с 1970 г.*

²⁵ Например, *Hoffman T. N.* The Early Iron Age and the Spread of the Bantu.— South African Archaeological Bulletin. 1970, vol. 25, с. 3—21.

²⁶ *Clark J. D.* Further Palaeo-Anthropological Studies in Northern Lunda. Lisbon, 1968, с. 191—192.

²⁷ См. заметки *П. Шмидта* (P. Schmidt): Tanzania Zamani. 1970, vol. 7, с. 4—6; 1971, vol. 8, с. 6—7. См. более детальные публикации этого автора в журнале «Azania» и книге «Historical Archaeology in an African Culture». См. также: *Van Noten F. L.* Les tombes du roi Cyirima Rujugiza et de la reine-mère Nyizayulu Kanjogera: description archéologique. Tervuren, 1972.

²⁸ *Soper R. C.* Resemblances between East African Early Iron Age Pottery and Recent Vessels from the North-Eastern Congo.— Azania 1971, vol. 6, с. 233—241.

²⁹ *Hiernaux J. et Maquet E.* Cultures préhistoriques de l'âge des métaux au Ruanda-Urundi, et au Kivu. Pt. 1.— Bulletin des séances de l'Académie Royale des sciences coloniales. 1957, с. 1126—1149; Pt. 2. Там же, 1959. Самое полное описание керамики из памятников Руанды и Бурунди дано в: *Nanquin J.* Contributions to the Study of the Prehistoric Cultures of Rwanda and Burundi. Tervuren, 1967, с. 257—287. Описания керамики, данные в этой статье, основаны на опубликованных отчетах. Мы признаем, что при описании и сравнении разных видов керамики надо применять сложный отбор и рассмотрение орнаментации.

³⁰ *Leakey M. D., Owen W. E., Leakey L. S. B.* Dimple-Based Pottery from Central Kavirondo.— Occasional Papers of the Coryndon Museum (Nairobi). 2. Nairobi, 1948.

³¹ *Poznansky M.* The Early Iron Age in East Africa.— Background to Evolution in Africa, с. 630—634; *Jackson G., Gartlan J. S., Poznansky M.* Rock Gongs and Associated Rock Paintings from Lolui Island, Lake Victoria.— Man. 1965, vol. 65, с. 38—39.

³² *Sutton J. E. G.* The Archaeology of the Western Highlands of Kenya. Nairobi, 1973.

³³ *Soper R. C.* Kwale: an Early Iron Age Site in South-Eastern Kenya.— Azania. 1967, vol. 2, с. 1—18.

³⁴ *Soper R. C.* Iron Age Sites in North-Eastern Tanzania.— Azania. 1967, vol. 2, с. 19—38; *Siiriainen A.* The Iron Age Site at Gattung'angá, Central Kenya.— Azania. 1971, vol. 6, с. 199—232.

³⁵ *Smolla G.* Prähistorische Keramik aus Ostafrika.— Tribus. 1957, bd. 6, с. 35—64.

³⁶ Не лишено значения следующее замечание Сопера, сделанное при описании современной керамики из бассейна Уэле: «Тот факт, что одни важные признаки специфичны для Квале, а другие — для Уреве, предполагает следующее: указанная традиция идет от этапа, предшествовавшего разделению этой „провинции“ на разные варианты, и это удревяняет ее по меньшей мере до I в. н. э., а вероятно, и гораздо больше».

³⁷ *Sutton J. E. G., Roberts A. D.* Uvinza and its Industry.— Azania. 1968, vol. 3, с. 45—86.

³⁸ *Sassoon H.* Engaruka: Excavations during 1964.— Azania. 1966, vol. 1, с. 79—100; *он же.* New Views on Engaruka, Northern Tanzania: Excavations Carried out for the Tanzania Government in 1964 and 1966.— Journal of African History. 1967, vol. 8, с. 201—217.

³⁹ Советский исследователь Г. М. Бауэр датирует «Период Эритрейского моря», во всяком случае его начальные разделы, содержащие описание восточного побережья Африканского континента, треть-

ей четвертью I в. н. э. (см.: История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 93) (примеч. отв. ред.).

⁴⁰ Общепринятый английский перевод «Перипла» (*Schoff W. H. The Periplus of the Erythraean Sea. L.—N. Y., 1912*) представлен в этом издании как «свободный перевод текста, отредактированного с помощью воображения». В работе: *Freeman-Grenville G. S. P. The East African coast. Oxf., 1962* перевод выполнен с более удачного издания греческого текста, подготовленного Фриском и опубликованного в Гётеборге в 1927 г. (русский перевод см.: История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 92—102.—Примеч. отв. ред.).

⁴¹ *Seligman G. G. The Races of Africa. L., 1930, с. 33.*

⁴² *Grindley J. R., Speed E., Maggs T. The Age of the Bonteberg Shelter Deposits, Cape Province.—South African Archaeological Bulletin. 1970, vol. 25, с. 24.*

⁴³ *Wilson M., Thompson L. Oxford History of South Africa. Vol. I. Oxf., 1969, с. 41, 63—64, 74.*

⁴⁴ Личное сообщение профессора Таккера.

⁴⁵ См., например: *Fagan B. M. Southern Africa in the Iron Age. L., 1965, с. 50—51.*

⁴⁶ *Phillipson D. W. The Early Iron Age in Zambia.—Regional Variants and Some Tentative Conclusions.—Journal of African History. 1968, vol. 9, с. 191—211.*

⁴⁷ *Phillipson D. W. The Prehistoric Succession in Eastern Zambia: a Preliminary Report.—Azania. 1973, vol. 8, с. 3—24.*

⁴⁸ *Robinson K. R. A Preliminary Report on the Recent Archaeology of Ngonde, Northern Malawi.—Journal of African History. 1966, vol. 7, с. 169—188.*

⁴⁹ *Robinson K. R. The Iron Age of the Southern Lake Area of Malawi.—Publications of the Dept. of Antiquities. Zomba, 1970, № 8, с. 117—118.*

⁵⁰ *Phillipson D. W. The Early Iron Age in Eastern and Southern Africa.—Azania. 1976, vol. 11, с. 1—25.*

⁵¹ *Phillipson D. W. Early Iron Age Sites on the Zambian Copperbelt.—Azania. 1972, vol. 7, с. 93—128.* М. Биссон также исследовал в 1973 г. важные местонахождения раннего железного века в этом районе; они еще не опубликованы.

⁵² Соли — одно из племенных подразделений народа тонга в районе плато Батока (Республика Замбия) (примеч. отв. ред.).

⁵³ *Phillipson D. W. Early Iron Age Sites on the Zambian Copperbelt, с. 196—197.*

⁵⁴ *Fagan B. M., Phillipson D. W., Daniels S. G. H. Iron Age Cultures in Zambia. II L., 1969, с. 3—56; Vogel J. O. Some Early Iron Age Sites in Southern and Western Zambia.—Azania. 1973, vol. 8, с. 25—54.*

⁵⁵ *Phillipson D. W. The Early Iron Age in Zambia, с. 207. Vogel J. O. Kamangoza. Zambia, 1971; он же. Kamadzulo. Zambia, 1972.*

⁵⁶ *Phillipson D. W. The Chronology of the Iron Age in Bantu Africa.—Journal of African History. 1975, vol. 16, с. 321—342.*

⁵⁷ *Phillipson D. W. The Iron Age History and Archaeology in Zambia.—Journal of African History. 1974, vol. 15, с. 1—25.*

⁵⁸ *Vogel J. O. The Kalomo Culture of Southern Zambia.—Zambia Museums Journal. 1971, vol. 1, с. 77—78.*

⁵⁹ *Fagan B. M. Iron Age Cultures in Zambia. Vol. 1. L., 1967, с. 51, 62—64, 194.*

⁶⁰ *Gardner T., Wells L. H., Schofield J. F. The Recent Archaeology*

of Gokomere, Southern Rhodesia.—Transactions of the Royal Society of South Africa. Vol. 28. Cape Town, 1940, c. 219; *Robinson K. R.* Further Excavations in the Iron Age Deposit at the Tunnel Site, Gokomere Hill, Southern Rhodesia.—South African Archaeological Bulletin. 1963, vol. 18, c. 72, 155—171.

⁶¹ *Summers R., Robinson K. R., Whitty A.* Zimbabwe Excavations, 1958.—Occasional Papers of the National Museum of Southern Rhodesia. Vol. 23 A. Salisbury, 1961, c. 182—183.

⁶² *Robinson K. R.* An Early Iron Age Site from the Chibi District, Southern Rhodesia.—South African Archaeological Bulletin. 1961, vol. 17, c. 75—102.

⁶³ *Robinson K. R.* The Archaeology.—Report of the Schoolboys' Exploration Society Expedition to Buffalo Bend. [Б. м.], 1961, c. 3—8.

⁶⁴ *Summers R.* Inyanga. Cambridge, 1958, c. 138; *он же.* Iron Age Industries of Southern Africa.—Background to Evolution in Africa, c. 687—700.

⁶⁵ *Robinson K. R.* The Leopard's Kopje Culture, its Position in the Iron Age in Southern Rhodesia.—South African Archaeological Bulletin. 1966, vol. 21, c. 5—51; *он же.* Khami Ruins. Cambridge, 1959, c. 38; *он же.* The Leopard's Kopje Culture: a Preliminary Report on Recent Work.—Arnoldia. 1965, vol. 1, c. 25; *Huffman T. N.* Early Iron Age; *он же.* The Linguistic Affinities of the Iron Age in Rhodesia.—Arnoldia. 1974, vol. 7, c. 7.

⁶⁶ *Fagan B. M.* The Greefswald Sequence: Bambandyanalo and Mapungubwe.—Journal of African History. 1964, vol. 5, c. 337—361.

⁶⁷ *Huffman T. N.* The Linguistic Affinities of the Iron Age in Rhodesia.

⁶⁸ *Garlake P. S.* Rhodesian Ruins — a Preliminary Assessment of Their Styles and Chronology.—Journal of African History. 1970, vol. 11, № 4, c. 501. Лучшей сводкой данных о Зимбабве является книга того же автора «Great Zimbabwe» (L., 1973).

⁶⁹ *Garlake P. S.* An Investigation of Manekweni, Mozambique.—Azania. 1976, vol. 11, c. 25—48.

⁷⁰ *Freeman-Grenville G. S. P.* The East African Coast. Oxf., 1962, c. 15.

⁷¹ *Huffman T. N.* The Rise and Fall of Zimbabwe.—Journal of African History. 1972, vol. 13, № 3, c. 353—356.

⁷² «Было удобно полагать» — имеется в виду официальный пропагандистский тезис, имеющий хождение в расистской ЮАР: бантуязычные народы — зулу, тсвана, коса и другие — это-де такие же пришельцы в Южной Африке, как и ее белые обитатели. Исходя из этого, сама постановка вопроса о правах африканского населения на свою землю объявляется не имеющей исторического основания и несостоятельной (примеч. отв. ред.)

⁷³ *Mason R. J., Klapwijk M., Evans T. M.* Early Iron Age Settlement of Southern Africa.—South African Journal of Science. 1973, vol. 69, c. 324—326.

⁷⁴ *Dart R. A., Beaumont P.* Ratification and Retrocession of Earlier Swaziland Iron Ore Mining Radiocarbon Datings.—South African Journal of Science. 1968, vol. 64, № 6.

⁷⁵ *Vaal J. B. de.* 'N Soutpansberge Zimbabwe: 'n voorlopige ondersoek van 'n bouval op die Plaas Solvent.—South African Journal of Science. 1943, vol. 40, c. 303—318.

⁷⁶ *Fouché L.* Mapungubwe. Cambridge, 1937; *Gardner G.* Mapungubwe II. Pretoria, 1963; *Fagan B. M.* The Greefswald Sequence; *Galloway A.* The Skeletal Remains of Bambandyanalo. Johannesburg,

1959; *Tobias P. V.* Skeletal Remains from Inyanga.—*Summers R.* Inyanga; *Villiers H. de.* The Skulls of the South African Negro. Johannesburg, 1968; *Rightmire G. P.* Iron Age Skulls from Southern Africa Reassessed by Multiple Discrimination Analysis.—*American Journal of Physical Anthropology.* 1970, vol. 33, № 2, с. 147—168.

⁷⁷ *Stuiver M., Merwe N. J. van der.* Radiocarbon Chronology of the Iron Age in Sub-Saharan Africa.—*Current Anthropology.* 1968, vol. 9, с. 54—58.

⁷⁸ *Mason R.* The Prehistory of the Transvaal. Johannesburg, 1962.

⁷⁹ *Wilson M., Thompson L.* (eds.) *Oxford History of South Africa.* Vol. I, с. 176—179.

⁸⁰ Там же, с. 104.

⁸¹ *Fagan B. M.* Radiocarbon Dates for Sub-Saharan Africa.—*Journal of African History.* 1965, vol. 6, с. 113.

⁸² *Nenquin J.* Dimple-based Pots from Kasai, Belgian Congo.—*Man.* Vol. 59, № 242.

⁸³ *Hiernaux J., Maquet E., Buyst J. de.* Le cimetière préhistorique de Katoto.—*Actes du VIe Congrès de préhistoire, Dakar, 1967.* Chabéry, 1972, с. 148—158.

⁸⁴ *Nenquin J.* Excavations at Sanga, 1957. Tervuren, 1963; *он же.* Notes on Some Early Pottery Cultures in Northern Katanga.—*Journal of African History.* 1963, vol. 4, с. 9—32.

⁸⁵ *Guthrie M.* *Comparative Bantu*, vol. 3, 4.

⁸⁶ *Clark J. D.* Further Palaeo-anthropological Studies, с. 192.

⁸⁷ *Fagan B. M.* Radiocarbon Dates, с. 113.

⁸⁸ *Vansina J.* *Kingdoms of the Savanna.* Madison, 1966, с. 21.

⁸⁹ Мнение о заимствовании культурных растений из Юго-Восточной Азии представляет скорее не столько общепринятый взгляд, сколько точку зрения самого Р. Оливера. Между тем в литературе не раз уже обращалось внимание на то, что такие культурные растения, как ямс, вполне могли быть освоены на африканской земле и самостоятельно — ср. *Histoire générale de l'Afrique. I. Méthodologie et préhistoire africaine.* P., 1980, с. 725—744.

⁹⁰ *Guthrie M.* *Comparative Bantu*, vol. 4, с. 117.

⁹¹ *Turnbull C.* *Wayward Servants.* L., 1965, с. 19—23.

⁹² *Moeller A.* Les Grandes Lignes migrations des Bantous de la Province Orientale du Congo Belge. Brussels, 1936, с. 34 и сл.

⁹³ *Deschamps H.* Traditions orales et archives au Gabon. P., 1962, с. 21—34.

⁹⁴ *Calonne Beaufait A. de.* Azande. Brussels, 1921.

⁹⁵ Личное сообщение профессора Таккера.

⁹⁶ *Alexandre P.* Proto-histoire du group Beti-Bulu-Fang.—*Cahiers d'études africaines.* 1965, vol. 5, с. 503—560.

⁹⁷ *Fagan B. M.* Early Trade and Raw Materials in South Central Africa.—*Gray B.* and *Birmingham D.* (eds.). *Pre-Colonial African Trade.* L., 1970, с. 24—38; *Fagan B. M.* and *Yellan J. E.* Ivuna: Ancient Salt-Working in Southern Tanzania.—*Azania.* 1968, vol. 3, с. 1—44; *Sutton J. E. G.* and *Roberts A. D.* Uvinza and Its Industry.—Там же, с. 48—86.

⁹⁸ *Fagan B. M.* Early Trade and Raw Materials in South Central Africa.—*Journal of African History.* 1969, vol. 10, с. 1—15.

⁹⁹ *Freeman-Grenville G. S. P.* *East African Coast*, с. 15.

П. Л. Шинни

ХРИСТИАНСКАЯ НУБИЯ

Введение. С приходом христианства вскоре после IV в. н. э. история Нубии вступает в новый период. Конец мероитского государства не привел к каким-либо радикальным изменениям в культуре. Хотя материальная культура медленно изменялась, что особенно ясно видно по керамике, в целом жизнь страны, стиль построек и характер земледельческого хозяйства деревни остались во всем существенном теми же, что и прежде. Доказательств этого ныне вполне достаточно. В результате обширных археологических работ, предпринятых перед затоплением, связанным с сооружением плотины в Асуане, теперь есть огромное количество материала, по которому можно реконструировать жизнь того времени.

Надо только не забывать, что этот огромный материал ограничен районом между Первым и Вторым порогом и что, несмотря на некоторое количество новых исследований, появилось все же не так уж много нового по сравнению с тем, что было известно о южных районах сорок или пятьдесят лет назад. Кроме того, есть много важных районов, где данный период известен только по самым поверхностным обследованиям.

В северных районах, а предположительно — и южнее, после конца централизованного мероитского государства жизнь продолжалась в формах, очень близких к прежним. Основой хозяйства была обработка речных пойм с помощью колеса-сакии, и деревни позднего Мероэ были населены в V и VI вв. почти так же, как во время новозаселения Нубии в начале христианской эры. Стиль изготовления материальных предметов изменялся, как сам по себе, так и под сильным влиянием с севера, но общая преемственность и стабильность жизни

в долине Нила сохранялась без больших переверотов. Пусть вторгались нобаты и блемнии, пусть даже правители (как, скажем, похороненные в Баллане) были чужеземного происхождения, основное население и прежний образ жизни все равно оставались неизменными.

Что действительно изменилось, так это религия. С появлением христианства началась цепная реакция изменений, которая, придав культуре несколько другой привкус, продолжалась много сотен лет. Несмотря на преемственность в материальной культуре, появление новой религии породило перемены, которые сделали эту культуру настолько отличной от культуры предшествующего и последующего периодов, что историю данного периода, часто определяемую как история «христианской Нубии», или «средневековой Нубии», можно изучать и описывать отдельно, пусть даже общий облик жизни и сохранился тем же (как он сохраняется в ряде районов и поныне).

Нельзя сказать, что начало христианства в Нубии и изменения, которые оно внесло, хорошо изучены. Традиционная дата первой христианизации, приблизительно 540 г. н. э., слишком точна. Хотя она, быть может, и представляет время, когда какая-то правящая группа приняла новую религию, у нас теперь есть определенные свидетельства того, что некоторое внедрение христианства происходило и за какое-то время до 540 г. Христианство стало важным элементом жизни Египта ко II в. н. э. Будучи выражением национальных устремлений, коптская церковь, защищая собственную теологическую доктрину — монофиситство (идею единосущества Христа, объявленную еретической на Халкидонском Соборе в 451 г.), откололась от главного направления православной, или мелькитской, церкви Византии. Враждебная византийскому правлению, церковь в Египте утвердила свое независимое и определенное положение, с собственным патриархом и рукоположенным клиром — положение, сохранившееся до сего дня.

Сильное влияние египетского христианства, видимо, чувствовалось в Нубии, и, хотя Первый порог служил политической религиозной и языковой границей еще со времен фараонов, эта граница не была непреодолимой. В более ранние времена египтяне, греки и даже римляне путешествовали через Додекаксен, и некоторые из них достигали самого Мероэ. В погребениях IV и V вв. находят предметы с христианскими эмблемами — это, ко-

нечно, никоим образом не решающее доказательство религии их владельцев, но они все же показывают, что такие эмблемы были распространены и что христиане в какой-то мере уже проникли в данный район.

В результате христианизации (подробнее она будет рассмотрена ниже) церковь и властитель-христианин стали господствующей чертой нубийских истории и культуры приблизительно на 800 лет — от первой миссионерской деятельности в середине VI в. до захвата власти мусульманами в середине XIV в. Христианские постройки, христианские символы и христианские верования были характерными чертами культуры этого периода.

История христианского периода в Судане известна несколько подробнее, чем история предшествующих времен. Есть письменные источники очень разного рода, и можно изложить, хотя и в очень обобщенном виде, историю главных политических событий. Основные источники известны уже много лет. Многие из них были опубликованы и переведены Катрмером в начале XIX в.¹ В основном это написанные по-арабски сочинения мусульманских историков и географов, хотя есть и несколько сочинений христианских авторов. Местные сочинения, почти исключительно теологические по содержанию, мало добавляют к нашим историческим знаниям. Данные, полученные из археологических работ 60-х годов, хотя и дали много ценной информации о материальной стороне жизни Нубии, за малыми исключениями, не добавили ничего к нашему знанию исторических событий. Исключение представляет информация, добытая польскими археологами в Фарасе в 1961—1964 гг.: они дали не только важнейший материал для изучения нубийского искусства и архитектуры, но и дополнительную информацию по хронологии нубийских царей и по истории епископата Фараса. Более поздние раскопки в Каср Ибрим (большой частью еще не опубликованные) также добавляют некоторые данные.

Сведения по истории Нубии в средние века суммировал в удобной форме Г. Вантини²; то же проделал и Юсуф Фадл Хасан (последний, пожалуй, лучше освещает арабские источники)³. Из таких сведений наиболее важными являются данные Иоанна Диакона (около 770 г.), который в своем «Житии патриарха Михаила» (использовано Севером, или Савиром, ибн ал-Мукаффой для его «Житий отцов-патриархов») приводит под-

робности о ряде царей VIII в. Ал-Балазури (около 890 г.) описал ранние нападения арабов, черпая сведения у других авторов (это часто имеет место у средневековых арабских компиляторов). Ат-Табари (839—923) сообщает о конфликтах между арабами и беджа — обитателями территории к востоку от Нила до самого Красного моря. Следует также отметить сведения Абу Салиха Армянина; Ибн Халдуна (1332—1406) и ал-Макризи (1364—1442). Ряд упоминаний Нубии есть и в трудах других арабских писателей, но они добавляют к нашим знаниям мало нового.

При отсутствии новых данных и небольшом числе современных изданий названных выше авторов, общепризнанная история Нубии Моннере де Виллара остается для нас главным авторитетом⁴. Любой очерк исторических фактов, полученных из сообщений арабских авторов, которые содержат противоречивую и подчас явно ошибочную информацию, должен в значительной мере опираться на де Виллара. Однако некоторые его гипотезы ныне могут быть отвергнуты, мы можем дать гораздо более полный обзор культурных достижений Нубии.

Раннехристианский период. Хотя принятая дата начала деятельности первых христианских миссионеров в Нубии — это 543 г. н. э., есть, как уже говорилось, и некоторые данные в пользу более раннего появления христианства. Уже было высказано предположение, что, судя по надписи Силко, он был христианином. Однако упоминание «бога» вряд ли является достаточным доказательством для вывода, что подразумевался именно христианский бог — точно так же как наличие предметов с христианскими символами в погребениях «группы X» не дает надежных свидетельств о религии погребенных. Стоит отметить, что, хотя в островном местонахождении Майнarti найдены глиняные лампы 500—550 гг. с узором из крестов, церковь там появилась только после 600 г.

Высказывались утверждения, что христиане жили в Фарасе уже в 400 г.⁵, и польские археологи нашли остатки, относящиеся, как они утверждают, к сырцовой церкви на каменном фундаменте ниже руин языческого дворца. Исследователи датируют это здание примерно серединой V в. В таком случае оно должно было существовать до появления первой официальной христианской миссии — приблизительно за сто лет. Остатки этой

церкви, план которой очень незначительно отличается от большого собора, выстроенного позже поверх ее руин, очень фрагментарны, а план, в том виде, в каком он опубликован, большей частью гипотетичен. Но достаточно ясна апсида, и, сколь это ни удивительно, существование церкви в столь раннее время может быть допущено.

Стены этой церкви сохранились равномерно до уровня в 75 см в высоту, и это создает впечатление, что церковь была не полностью разрушена, а приспособлена для дальнейшего строительства. Ее остатки были заполнены мусором, состоящим из ломаного кирпича, нильского ила и черепков керамики древнейшего христианского стиля, а также, в некоторых случаях, времени «группы X». Все это говорит о том, что строители воздвигали платформу, на которой должны были возвести здание, которое, как полагают, служило дворцом правителя «группы X» (около 500 г.). В руинах этого сооружения не было предметов, которые бы говорили о том, что обитавший в нем правитель был христианином, а ряд находок принадлежит к позднемероитскому стилю и стилю «группы X». Если археологические данные истолкованы правильно, то все это свидетельствует, что в Фарасе ранее 500 г. существовала христианская община. Она построила себе церковь, а потом либо была подавлена, либо стала слишком слабой, чтобы и дальше содержать ее. Во дворце видят резиденцию местного властителя, так сказать, вице-короля позднемероитского времени или независимого вождя «группы X», возможно, однако, из погребенных на близлежащем кладбище Баллана. Здание было разрушено в начале VII в., и предполагается, что это произошло при нападении Сасанидов, захвативших Египет на несколько лет в 616 г.⁶ Хотя и нет прямых доказательств того, что Сасаниды вторгались в Нубию, известно, что они достигли Первого порога; они вполне могли продвинуться и дальше.

Формальное введение христианства и обращение в него правителей, очевидно последовавшее вскоре за крещением большей части населения, произошло в середине VI в., с прибытием в 543 г. миссионеров из Византии. К этому моменту важный центр культа Исиды в Филах был ликвидирован императорским декретом, и влияние языческих культов на путях в Нубию сильно ослабело. Не только письменные источники, но и археологические данные о смене языческих погребальных обычаев хри-

стианскими свидетельствуют о том, что вторая половина VI в. увидела быстрое принятие христианства не только правителями, но и народными массами.

Надпись в храме в Дендуре дает, как представляется, имя нубийского царя, правившего во время прибытия миссии. В этой надписи на коптском языке священник Авраам описывает превращение языческого храма в церковь 22 января то ли 559, то ли 574 г. Надпись упоминает правящего царя (его имя — Эирпаном) и говорит, что Авраам получил крест (воздвижение которого в храме надпись описывает) от епископа Феодора Фильского. Предположительно это и был епископ Феодор, связанный с Юлианом в первой миссии монофиситов в Нубию. Дендурский текст интересен также тем, что дает имена и титулы царских сановников, из которых самый значительный — Иосиф, экзарх (предположительно губернатор) Талмиса. Другая надпись, примерно того же времени, описывающая основание форта в Ихминди, дает имя другого царя — Токилтоэтона, и снова упомянут Иосиф, экзарх Талмиса. Датировка недостаточно точна для того, чтобы определить, который из этих царей правил раньше; нет и данных об их родстве.

Есть сообщения о двух отдельных христианских миссиях: одной — православного (мелькитского) исповедания, которую якобы поддерживал император Юстиниан, и другой — монофиситской (яковитской), посланной под покровительством его жены императрицы Феодоры, поддерживавшей монофиситское направление. Наиболее полно документирована монофиситская миссия, известная по одностороннему отчету Иоанна Эфесского⁷. Рассказ, написанный по-сирийски, пересказывался неоднократно⁸, но его целесообразно кратко резюмировать.

Поощренный Феодорой, монофисит Юлиан отправился в Нубию в 543 г., в то время как соперничающая мелькитская миссия была интригами Феодоры задержана в Верхнем Египте: императрица уговорила или обязала губернатора Фиваиды воспрепятствовать проезду этой миссии. В это время Египет, хотя и находившийся под византийской властью, был преимущественно монофиситским, и поэтому попытки обойти императорские повеления могли прийти по нутру националистически настроенным египтянам. Прибыв в Нубию, Юлиан, видимо, был хорошо принят, а его проповедь понравилась. После его возвращения два года спустя в Византию его труд был продолжен Феодором, епископом Фил.

Если сообщение верно, последний провел вдали от своей епархии шесть лет. Затем, после периода, в течение которого не было какого-либо миссионера, известного нам по имени, в Нубию около 569 г. прибыл Лонгин, тоже из Византии. Он оставался там (вероятно, в Фарасе) до 575 г. В 578 г. он еще раз приехал в Нубию, а двумя годами позже отправился еще дальше на юг по приглашению царя Алвы (Собы), чтобы принести христианство в эту страну. Детали этого путешествия интересны: Иоанн Эфесский описывает, как враждебные действия государства Макурия вынудили Лонгина оставить речной путь и уклониться далеко на восток. Там с помощью блеммиев ему удалось проникнуть на юг вопреки мерам, принятым царем Макурии, чтобы остановить его. Он счастливо достиг Алвы, где, по словам Иоанна Эфесского, через несколько дней был крещен царь, а вскоре и его народ. Лонгин был не первым христианином, прибывшим в Алву: он нашел там членов еретической секты галикарнасцев, которые, вероятно, прибыли из Эфиопии⁹.

Этот рассказ, с его уверением, что монофиситские миссионеры везде одерживали успех, надо рассматривать с некоторым скептицизмом. Рассказ сторонника соперничающего, мелькитского, направления рисует в целом иную картину. Он сообщает, что Макурия, о враждебности которой к Лонгину уже шла речь, была около 570 г. обращена в мелькитскую веру.

Похоже, что каждое из этих в высшей степени односторонних сообщений передает лишь те детали, которые хорошо отражают то, что выгодно соответствующей стороне, но, вместе взятые, они рисуют некоторую картину жизни Нубии того времени. Надо отметить, что надпись Зирпаномы определенно дает понять, что территория, которой он правил, была населена монофиситами.

Эти два рассказа о ранней христианизации Нубии содержат сведения о существовании там трех отдельных царств: Нобатии — самого северного, населенного нобатами, чьи правители, вероятно, были похоронены в Баллане, со столицей в Фарасе; Макурии (арабск. Макурра) — где-то южнее, но, скорее всего, основанного в Старой Донголе, которая позже стала столицей единого северного Нубийского государства; а еще южнее — Алвы (латинск. Алодия), возможно реального наследника Мероэ, со столицей в Собе на Голубом Ниле.

Мы мало что еще знаем об этих царствах, кроме их

названий и предполагаемых религиозных исповеданий их населения. Представляется достаточно ясным, что к этому времени неурядицы, последовавшие за гибелью централизованной мероитской державы, были уже во многом преодолены и что правители этих трех государств, возможно все говорившие по-нубийски, осуществляли в какой-то форме контроль над соответствующими районами. Едва ли принимаемое обычно удобное деление по религиозным направлениям было таким простым, каким оно кажется. Разумнее предполагать, что даже в царских домах, как будто подходящих под схему с монофиситскими Нобатией и Алвой и мелькитской Макурией, реальная действительность была сложнее.

Нубийские земледельцы вряд ли были глубоко озабочены тонкими теологическими различиями, вызывавшими столь яростные споры в восточном христианстве со времени Халкидонского Собора. Их правители, вероятно, выбирали себе исповедание по политическим причинам или, возможно, просто случайно — в зависимости от того, кто из миссионеров прибывал к ним первым. Учитывая близость к Египту, кажется вероятным, что монофиситская церковь имела больше шансов на преобладание и что история Фарасского епископата как будто показывает это. Но даже в Фарасе, как свидетельствует дальнейшая история, утверждались епископы и мелькитской ориентации. Реальная ситуация далеко еще не ясна. Изучение могильных камней с надписями как на коптском, так и на греческом языках показывает, что проповеди православной мелькитской церкви были в широком ходу. Данные иконографии из росписей Фараса не позволяют сделать четкие выводы. Но не кажется, чтобы в то время существовали четкие различия в литургии и искусстве.

Как и в Египте, оба направления имели здесь своих сторонников. Однако, хотя в Нубии не было того националистического духа в поддержку монофиситской церкви, какой был в Египте, и хотя в Нубии еще на века удержалось сильное греко-византийское влияние, основная масса данных приводит все же к выводу, что в течение большей части своей истории христианская Нубия была преимущественно монофиситской (коптской).

Как бы то ни было, не может быть иного решения, кроме того, что христианство было быстро принято нубийцами. Об этом свидетельствуют данные письменных источников, и это подтверждается археологическими

материалами. Последние, большей частью полученные из могильников, говорят о внезапном изменении в погребальных обычаях: раньше, во времена «группы Х», погребения сопровождалось значительным количеством погребального инвентаря, теперь же все сменилось христианским стилем — тело просто помещалось в могилу без каких-либо предметов. Есть и данные из развалин церквей. Первая была построена вскоре после 600 г., тогда как церковь у Речных ворот в Фарасе первоначально была языческой постройкой; она была превращена в церковь к середине VI в., и можно предположить, что это была первая церковь, которую правитель официально использовал для христианского богослужения.

Первые нападения арабов. В конце византийского правления и перед арабским завоеванием Египта последовал короткий период (619—626) персидской оккупации. Продвинулись ли Сасаниды в Нубию или нет (такое их продвижение кажется маловероятным), они наверняка дошли до Первого порога, и указания на сасанидское влияние в позднейшем нубийском искусстве могут быть обязаны своим появлением этому контакту во второй четверти VII в.

Вскоре после вторжения и успешной оккупации Египта арабами под водительством Амр ибн ал-Аса (639—641) они напали на Нубию, и уже в 641 г. Укба ибн Нафи повел конное войско на юг от Первого порога.

У Ал-Балазури есть следующий рассказ: «Когда мусульмане завоевали Египет, Амр ибн ал-Ас послал в окружающие его селения конницу, чтобы попрали она их. И послал Амр также Укбу ибн Нафи с ал-Фихри, а Нафи был братом ал-Аса по матери. И вошла их конница в Нубию, как входила в Рум во время летних походов. И встретили мусульмане со стороны нубийцев сильное сопротивление: те вышли им навстречу и забросали стрелами, так что все они были ранены. И ушли мусульмане со многими ранами и выбитыми глазами, а нубийцы были прозваны «стрелками по зрачкам».

Это описание нубийцев как искусных лучников показывает преимущество у них военной техники: еще египтяне фараоновских времен называли народ, обитавший к югу от них, «Девять Луков». Техника эта была затем перенята мероитами, которым принадлежит много изображений львиноголового бога войны Апедемака с луком в руке и в могилах которых часто нахо-

дились луки и стрелы. Никакого оружия христианских времен не было найдено, однако письменные источники свидетельствуют, что искусное владение луком по-прежнему было присуще нубийцам.

Ал-Балазури продолжает, цитируя один из своих источников: «Видел я нубийцев дважды в правление Омара ибн ал-Хаттаба, и не видел я народа более сильного в битве, чем они. Ведь я видел, как один из них говорил мусульманину: „Куда, ты хочешь, чтобы я поразил тебя стрелой?“» И часто насмехался какой-нибудь удалец из нас, говоря: „В такое-то место“. А тот не промахивался. Они выпускали много стрел, а почти не видно было их стрел, воткнувшихся в землю. Однажды вышли они к нам и выстроились против нас, а мы хотели напасть на них разом с мечами, но не смогли отбросить их. Они стреляли в нас, так что пропадали наши глаза, и насчитывалось 150 выбитых глаз»¹⁰.

Рассказчик продолжает, отмечая, что, поскольку было мало добычи, которую можно было бы захватить, а военные возможности нубийцев были значительными, почтено было за лучшее учинить мир, но что Амр ибн ал-Ас не хотел прекратить военные действия и только когда его сменил Абдаллах ибн Сад (в 645 г.), этот мир был заключен. В подтверждение истинности рассказа добавлено имя одного из тех, кто потерял глаз в этой битве.

В сообщениях о военных действиях и договоре, который привел их к концу, пожалуй, что-то напутано, но похоже, что война вспыхнула снова в 651 г. Если верить ал-Макризи, это, возможно, произошло потому, что нубийцы, управляемые царем Калидурутом, нарушили мирный договор. Тогда Абдаллах ввел в Нубию пятитысячное войско и напал на Старую Донголу, столицу Макурии (к этому времени, возможно, также и Нобатии). Город был подвергнут штурму, катапультами был поврежден собор. Вероятно, именно в результате этой кампании был заключен более прочный мир, удержавшийся на много столетий.

О договоре, завершившем военные действия, было немало споров, ибо это был необычный договор¹¹. Нубийцы не просили мира, и, хотя условия заключения мира были не совсем такими, как обычно бывают между равными, в договоре все же прослеживается признание равноправия. Ряд арабских писателей упоминает этот договор и его необычные условия, и, хотя в деталях раз-

ные версии расходятся, можно, используя рассказ ал Макризи, самый полный из всех, составить себе о нем некоторое представление.

Ныне он известен как «бакт», но первоначально этот термин, видимо, использовался только при переговорах о рабах, которых нубийцы поставляли на север. Арабские авторы довольно пространно обсуждают характер договора, необычные черты которого создавали трудности для мусульманских юристов. Главной проблемой была следующая: как определить договор, заключенный со страной, которая не была ни интегрирована в исламский мир (Дар ал-Ислам), ни объявлена территорией, свободной для нападений мусульман (Дар ал-Харб), — т. е. территорией, которую надлежало насильственно включить в мир ислама.

Вот текст договора, как он подан у ал-Макризи: «Договор от эмира Абд-Аллаха ибн Сада ибн Абу Сарха к царю нубийцев и ко всему народу этого царства; договор, обязывающий великих и малых среди нубийцев от границы земли Асуана до границы земли Алва. Абд-Аллах ибн Сад ибн Сарх постановил его для них как гарантию и замирение, которые должны быть действительны для них и для мусульман Верхнего Египта, живущих по соседству с ними, равно как и для других мусульман и зиммиев¹². Поистине вы, общины нубийцев, пользуетесь гарантиями Аллаха и Его Посланника Мухаммеда, пророка; с условием, что мы не будем вести войну против вас, ни объявлять войну против вас, ни совершать походы на вас, пока вы будете соблюдать соглашение, действующее между нами и вами. [А именно]: что вы можете вступать на наши земли, проходя через них, но не поселяясь на них. Вы должны заботиться о безопасности любого мусульманина или союзника мусульман, которые проживают на вашей земле или путешествуют по ней, пока он не выедет от вас.

Вы должны возвращать всякого раба мусульман, который убежит к вам, посылая его назад в страну ислама. Вы должны возвращать любого мусульманина, занимавшегося враждебными действиями против других мусульман, который ищет у вас убежища. Вы должны высылать его вон с вашей земли в страну ислама, не склоняясь к помощи ему и не препятствуя его возвращению.

Вы должны поддерживать в порядке мечеть, которую мусульмане построили во дворе вашей столицы, и

вы не должны препятствовать кому-либо в богослужении в ней, и не мешать каким-либо мусульманам, которые придут в нее и останутся в ее святилище, пока они не покинут ее. И вы должны чистить ее, держать ее освещенной и почитать.

Каждый год вы должны поставлять 360 рабов в уплату имаму мусульман из числа лучших рабов вашей страны, у которых нет недостатков. Это должны быть как мужчины, так и женщины. Среди них не должно быть дряхлого старика или старухи или ребенка, не достигшего половой зрелости. Вы должны доставлять их асуанскому вали.

Не должно быть обязанности на каком-либо мусульманине защищать вас от какого-либо врага, напавшего на вас, или удерживать его ради вас от таких действий от границы земли Алвы до земли Асуана.

Если вы украдете раба, принадлежащего мусульманину, или убьете мусульманина или союзника, или если вы причините разрушения мечети, которую мусульмане построили во дворе вашей столицы, или если вы удержите у себя любого из 360 рабов, эти замирение и гарантии, которые мы и вы равно установили, будут недействительны, пока Аллах не рассудит: ведь Он — лучший из судящих (Коран, X, 109).

Обязательно для нас соблюдение пакта Аллаха и Его согласия и Его доброй воли, и доброй веры Его Посланника Мухаммеда. И обязательно для вас по отношению к нам строжайшее соблюдение доброй веры в Мессию и Учеников Его, и любого человека вашей веры и вашей общины, которую вы почитаете. Аллах да будет Свидетелем сего между нами.

Написал это Омар ибн Шурахбил в рамадане года тридцать первого [март — апрель 651 г. н. э.]»¹³.

Этот текст, вероятно, не оригинал. Оригиналу хранился в архивах в Фустате (Каир) и, как утверждает, сгорел при пожаре. А данный текст — это компиляция из ряда источников, которые все датируются временем гораздо более поздним, чем то, когда договор был заключен. Приведенный текст опускает важный факт, отмеченный ал-Балазури: то, что дары шли не в одну лишь сторону. Он не упоминает пищевого обеспечения, одежд и вина, которые мусульмане должны были посылать нубийцам в обмен. Место, в котором обмен должен был осуществляться, не опознано. Называется оно ал-Каср (крепость) и описывается как находящееся не-

далеко к югу от Асуана и поблизости от острова Филэ. Будучи естественной, а часто и политической границей между Египтом и Нубией, это место вполне годилось для такого обмена.

Результаты договора были для Нубии очень важны. Избавление от опасности арабского вторжения и обусловленные этим мирные условия существования, удержавшиеся, если не считать нескольких близких к войне эпизодов, в течение приблизительно пятисот лет, обеспечили развитие самобытной нубийской культуры, которая (располагаясь впритык к мусульманскому миру!) была необыкновенным явлением. Нубия извлекала выгоды из культурных и торговых контактов с Египтом, и, хотя в течение веков шел постоянный небольшой приток мусульман, вероятно купцов, в северную Нубию, этого было недостаточно, чтобы воздействовать на местную нубийскую культуру с ее сильным византийским и коптским привкусом. На период с 700 по 1100 г. приходится рост и расцвет цивилизации с письменностью, развитым искусством, стабильной администрацией и своеобразными культурными традициями. О торговле с Египтом в VII—VIII вв. говорит большое количество амфор из-под вина — вероятно, продукции коптских монастырей и предмета торговли скорее коптов, чем мусульман.

Кроме соглашения о взаимном ненападении, вытекающего из «бакта», другим фактором, усиливавшим Нубию как политически, так и культурно, было слияние двух государств — Нобатии и Макурии. Точная дата этого события не установлена, но известно, что слияние произошло во второй половине VII или в начале VIII в., возможно между 690 и 710 г. Последняя дата — это год, когда нубийский царь Меркурий оставил надпись в Тафии, далеко к северу от прежней границы Макурии, сообщающая о сооружении церкви. Было выдвинуто резонное предположение, что к этому времени Макурия либо включила в себя Нобатию, либо между обоими государствами было заключено соглашение. Процесс, в ходе которого два отдельных государства объединились в одно, неясен, хотя следует, конечно, учитывать, что границы и политические отношения были в то время, вероятно, довольно зыбкими. Мы легко получим ложное впечатление об отношениях между государствами, если будем думать о них в понятиях современных наций с их четко очерченными границами.

Нобатия и Макурия обладали тождественной мате-

риальной культурой, говорили на одном языке и находились ранее под единым мероитским управлением. Удивительно, что Нобатии, с ее значительными традициями некоторого самоуправления, суждено было утратить самостоятельность, но кажется несомненным, что начиная приблизительно с 700 г. резиденцией царя стала Старая Донгола. Нобатия все же сохранила какую-то обособленность: подобно тому как этой территорией управлял мероитский вице-король, или наместник, так же на протяжении большей части средневековья Нобатия, известная египтянам как Марис (от коптского слова, обозначающего южные районы), имела своего наместника — «эпарха», полномочия которого неизвестны, но отличительное одеяние и рогатый головной убор которого изображены на ряде церковных фресок.

Египетский христианский хронист Иоанн Диакон в своем «Житии Патриарха [Александрийского] Михаила», составленном около 768—770 гг., описывает Меркурия как «нового Константина». Это предполагает, что сей царь играл какую-то значительную роль в развитии в Нубии христианства. Высказывалось предположение, что в его царствование произошла решающая победа монофиситского направления. Если традиционное представление о резком размежевании между монофиситской Нобатией и мелькитской Макурией верно, то это означало бы странную ситуацию: вероисповедание завоеванной территории восторжествовало над вероисповеданием новой правящей группы. Очевидная парадоксальность этого, вероятно, указывает на то, что мы не вполне понимаем ситуацию и что, как уже было сказано, границы между разными группами не были здесь столь резкими и отчетливыми, как в Египте.

Начало царствования Меркурия ныне может быть установлено, ибо в Фарасе найден памятный камень из фундамента, датированный одиннадцатым годом правления этого царя и помеченный 707 г. Это датирует его восшествие на престол 697 г. Есть и дополнительные свидетельства контроля Меркурия над Фарасом. Указанная надпись дает также имя эпарха Нубии — Марка — и пятого епископа Фараса — Павла, а это говорит о том, что епископат был основан в начале VII в.

Другая неясность в датировании названных событий состоит в том, что в арабских сообщениях о вторжении середины VII в. нет упоминания о двух царствах, и Донгола является единственной упоминаемой столицей, ко-

торой и стремятся достичь вторгшиеся. Это может означать, что Нобатия прекратила существовать как независимое царство раньше, чем обычно полагают.

Расцвет христианской Нубии (750—1050). От времени Меркурия до нас дошли свидетельства о высоком политическом и культурном развитии христианской Нубии. Некоторые исторические данные можно извлечь из арабских письменных источников, да и богатый археологический материал многое говорит о материальной культуре. В указанное время Нубия была на вершине своего процветания. Причины этого — частично политические, частично экономические. Одним из важных факторов, обуславливающих высокий уровень земледелия, было, возможно, то, что регулярные паводки Нила поднимались до уровня, благоприятного для возделывания земли, но не столь высокого, чтобы вызвать разрушение поселений.

После Меркурия, умершего, вероятно, где-то между 710—730 гг., правил, по данным «Жития патриарха Михаила», целый ряд царей, возможно являвшихся родственниками Меркурия. О его сыне Захарии сообщается, что он был озабочен больше духовными делами, чем светской властью. За царем Симоном последовало правление Авраама, который затем был изгнан, его сменил Марк, а того — Кириак. О Кириаке мы знаем больше подробностей. Сообщают, что около 745 г. он вмешался в дела Египта, потребовав освободить Хаиля, патриарха Александрийского, который во время преследования коптов был заключен в тюрьму наместником Египта по приказу халифа Мервана II. За неудачей посольства, отправленного добиваться освобождения патриарха, последовало вторжение нубийцев в Египет, достигшее, как сообщают, Фустата. Однако О. Мейnardус поставил под сомнение реальность этого военного предприятия. Он считает, что весь рассказ — изобретение автора «Жития патриарха Михаила», опирающееся на данные об известных нубийских вторжениях в Египет, с одной стороны, и об освобождении патриарха — с другой. Последнее совпадает с периодом восстания коптов в Дельте¹⁴.

На какое-то время в пределах VIII — начала IX в. падает заметное уменьшение количества египетской керамики, особенно амфор, импортировавшихся в Нубию. Возможно, что причиной этому послужил конец Омейядского халифата в Дамаске в 750 г.: вызвав раскол в ис-

ламском мире, он привел к ослаблению контактов между Египтом и Нубией. Безусловно, приход к власти в Багдаде Аббасидов привел к усилению гонений на коптов, что могло уязвить чувства нубийцев. Возможно также, что на коптские монастыри Верхнего Египта были наложены ограничения, а эти-то монастыри и были поставщиками не только амфор, но и хранившегося в них вина.

Каковы бы ни были причины прекращения, пусть и временного, контактов с Египтом, результатом этого было развитие самобытных местных стилей. Изготовление хорошо известной ныне «классической» христианской керамики, с ее разработанной расписной орнаментацией, часто зооморфной, начинается со второй половины VIII в. Истоки этого стиля далеко не выяснены. Нубийские узоры и формы сложно спутать с керамикой других территорий, и было указано на возможное персидское и византийское влияния. Конечно, нубийские сосуды, несмотря на некоторые совпадения узоров, отличаются от керамики, изготовленной коптскими гончарами в Египте, и на них никогда нет глазури, которая стала обычной в большинстве исламских стран. Примечательно также, что в соборе Фараса развивался так называемый «фиолетовый» стиль фресковой росписи, в котором явно видны византийские элементы. Византийское влияние было столь сильным, а росписи были столь отличными от коптской росписи того времени, что предполагают даже работу приезжих византийских художников.

Пожалуй, важно знать, что 760—767 годы были вершиной иконоборческого движения в Византии, и известно, что художники и монахи в то время в изрядном количестве эмигрировали в Италию и другие земли. Поэтому возможно, что некоторые из них достигли даже Нубии (хотя проезд через исламский и коптский Египет был, вероятно, нелегко).

В церковной архитектуре этого времени видны изменения: сложился типично нубийский стиль базилик. Главными новыми чертами были: во-первых, появление нескольких замкнутых помещений вместо нартекса, как было в более ранних церквях, и, во-вторых, сооружение галереи в восточном конце — уникальная черта нубийской церковной архитектуры, — проходящей за кафедрой и присоединяющейся к двум маленьким помещениям (диаконник на юге и протесис на севере, по терминологи-

гии православной церкви), расположенным по обе стороны от хайкала, или алтаря.

Поселения стали крупнее, и некоторые из них, такие, как Дебейра, Эрменна и Майнарти, могут, пожалуй, быть охарактеризованы как небольшие города. В архитектуре домов также есть некоторые изменения: в качестве перекрытия появляется характерный нубийский кирпичный свод.

Население выросло, и на небольшом расстоянии к югу от Асуана до Четвертого порога было довольно много городов и деревень, почти все с собственными церквями, а также отдельных церквей и несколько монастырей. Христианскую керамику этого периода находят даже по всему неблагоприятному для жизни району Четвертого порога — везде, где только есть достаточно почвы для возделывания. Материалы, близкие по времени, обнаруживаются и выше по течению, в районе Пятого порога, где среди могильных камней в Эль-Коро с надписями на коптском и греческом есть один, датированный 917 г. Еще выше по реке свидетельства распространения «классического» нубийского материала не встречаются, за исключением небольшого числа черепков, явно импортированных из северных районов и найденных в Собе.

Это был не просто период высшего художественного и культурного развития Нубии, это время отмечено также наибольшим расширением ее культурного и, возможно (хотя мы и мало об этом знаем), политического влияния. Типичная нубийская керамика данного периода была найдена в Фустате (Египет) и в Хор Нубте (среди прикрасноморских холмов). Она найдена также на западе, в Айн Фара (северный Дарфур), и — немного более поздняя — в Коро Торо (Чад).

По свидетельству письменных источников (археология пока не может ничего сказать), контакты с Эфиопией были слабыми, хотя мы вправе ожидать существования какого-то альянса христианских государств. Наш единственный источник здесь — «История патриархов». Она рассказывает, что в конце VII в. Исаак, патриарх Александрийский (686—689), написал письма царям как Нубии, так и Эфиопии, побуждая их к союзу. Неясно, следует ли отсюда заключать, что между этими двумя странами была война. Еще один контакт был в конце X в., когда царь Эфиопии писал царю Нубии Георгию, вероятно, тому, который известен как Георгий II. Эфи-

опский царь сообщал, что из-за разрыва с патриархом Александрийским он не может противостоять нападениям язычников, и просил Георгия способствовать примирению и послать рукоположенного епископа, который бы возглавил Эфиопскую церковь.

Не может быть сомнений, что в то время Нубия представляла собой значительную военную силу и что, даже если рассказ о захвате Фустата сфабрикован, отдельные районы Египта действительно были заняты нубийцами. В 962 г. нубийцы дошли до самого Ахмима, и южная часть Верхнего Египта была явно под влиянием нубийской культуры Центром распространения нубийской культуры, видимо, какое-то время был Эдфу. Похоже, что на нубийском языке говорили и на некотором расстоянии к северу от Первого порога.

Военные действия велись и против беджа, обитавших на холмах у Красного моря, и против арабов, заинтересованных в местонахождении золота. К середине IX в. в Нубии оказалось достаточно мусульман, чтобы соорудить мечеть в Синкате, а в 831 и 855/6 гг. были заключены договоры, установившие права мусульман, защитившие мечети и вырвавшие у беджа обещание не мешать мусульманам-золотодобытчикам. Деятельность последних отражает рост проникновения арабов в Нубию, засвидетельствованный также существованием арабских могильных камней (в Майнарти и Дебейре-Восточной) и надписей на стенках построек (в Дебейре-Западной). Кроме того, в X в. в Хор Нубте существовало арабское поселение, вероятно поселок золотодобытчиков, где найден ряд могильных камней с надписями на арабском языке. Нубийское влияние оставалось сильным в этом районе еще и в 1272 г., когда нубийский царь Давид захватил важный торговый пункт Айзаб.

Военная активность нубийцев известна только по арабским письменным источникам, археологических сведений об оружии или о войске нет. Если бы археология была единственным нашим источником, нубийское общество пришлось бы описывать как мирное, земледельческое, в основном одержимое тягой к религиозной деятельности. Очень большое количество известных нам предметов материальной культуры имеет христианские символы. Тем не менее не может быть сомнений в том, что со времени «стрелков по зрачкам» и до захвата Айзаба царство Донголы не переставало обладать значительной военной силой.

Для этого периода характерно также появление документов, написанных на местном, нубийском языке, в той его форме, которая известна как «древнenuбийский». Каким бы ни было происхождение нубийского языка (население большого региона Северного Судана говорило на близкородственных языках, одним из которых и был нубийский), ясно, что до появления в XIII в. арабского как серьезного соперника нубийский язык был главным языком местного христианского населения. После последних документов на мероитском, т. е. после начала V в., наступил период протяженностью более трехсот лет, от которого не осталось документов на местном языке. Все тексты, а их немало, написаны на греческом (как надпись Силко) или коптском (как в случае с Эирпаномом). С VIII в. уже известны документы на древнenuбийском; древнейший датированный из них — это граффито с молитвой в храме Рамсеса II в Вади эс-Себу, датированное 511 г. «Эры Мучеников», т. е. 795 г. Датироване по «Эре Мучеников», имеющее в виду Диоклетиановы гонения 284 г., было наиболее распространено в нубийских документах, хотя применялись и другие способы. Начиная с этого времени известен ряд документов; их число существенно возросло благодаря находкам 60—70-х годов, из которых многие еще не опубликованы.

Документы на языке, от которого происходит современный махасский диалект речного нубийского языка, были написаны коптской разновидностью греческого алфавита с добавлением трех знаков для тех звуков древнenuбийского, которых нет в коптском языке. Высказано мнение, что эти три знака были взяты из мероитского письма. Если это так, то существование бесписьменного периода между последними мероитскими текстами и первыми древнenuбийскими документами может оказаться иллюзорным. Возможно, получилось взаимоналожение этих двух языков и этих двух систем письменности.

Известные сейчас документы — большей частью религиозные по содержанию, но два из них, написанные на коже, имеют дело с юридическими вопросами и касаются землевладения и рабовладения. Когда будут опубликованы письма, найденные в большом количестве в Каср Ибрим, они добавят многое к данным светских текстов. К исторической информации ни один из найденных пока документов много не добавляет. Правда, при-

водятся некоторые царские имена. Два из них принадлежат царям, не известным по другим источникам: Эйльте, зафиксированному на одном из документов из кожи о частных сделках, и Аррону, чье имя содержится в граффито с холмов Абу Негила в северном Кордофане. Это граффито необычно тем, что является единственным письменным образцом древнунубийского, найденным далеко от долины Нила.

Даже хотя нубийские тексты не имеют сейчас прямого значения для историков, они интересны как с лингвистической, так и с культурной точек зрения. Они свидетельствуют о том, что письменность (хотя и использовавшаяся, быть может, небольшой группой населения) была распространена по всей Нубии и применялась не только для составления формальных документов, но и для многих случайных граффити. Что же касается очень сложного документа, такого, как «Чудо св. Мины», написанного хорошим, ясным почерком с привлекательным заглавием и рисунком святого, то он, конечно, показывает высокий уровень нубийской культуры.

Самое яркое свидетельство высокого культурного развития можно видеть в соборе, открытом и раскопанном польской экспедицией в 1963—1964 гг. в Фарасе. Место это было известно по прежним исследованиям как основной центр нубийской гражданской и религиозной администрации. Раскопки вскрыли здесь большой собор очень хорошей сохранности, хотя и без перекрытия. Он дал фресковую роспись с большим количеством изображений святых, епископов и религиозных сцен. Собор был первоначально построен в VII в. на месте большого здания — возможно, дворца, воздвигнутого поверх сырцово-кирпичной церкви, о которой уже говорилось выше, — первого христианского здания в этом поселении. Первый собор с центральным нефом и двумя боковыми был построен в VII в. Затем, в 707 г., он был обновлен — как о том говорят два памятных камня с надписями, заложенные при этом: одна из надписей на греческом, другая на коптском, от имени Павла, пятого епископа Фараса. Оба камня упоминают царя Меркурия и являются дополнительным доказательством того, что он покровительствовал церковному строительству. Перестройка 707 г. была значительной, и новый собор стал крупнее и величественнее, чем его предшественник. Теперь кроме главного нефа было четыре боковых. Имен-

но с этого периода и начинается создание великолепных фресок.

От ранних фресок найдены только следы, но начиная примерно с 750 г. стены покрываются серией росписей. Из их изучения и благодаря тому удачному обстоятельству, что в ряде случаев более поздними росписями перекрыты более ранние, удалось определить эволюцию и хронологию художественных стилей в период между 750 г. и XI в. Кроме религиозных сцен, таких, как величественная картина рождества, с рядом уникальных нубийских элементов, встречаются и изображения святых, епископов и нескольких царских особ, включая особенно интересную фигуру «Марфы, царицы-матери»: Марфа изображена как покровительствуемая Девой Марией, держащей на руках младенца Иисуса. Эта картина, которую следует датировать концом XI в., важна не только тем, что отражает роль царицы-матери, с ее значением в системе наследования царской власти, но и тем, что она дает полное представление о царских одеяниях. Изображение же лица царицы-матери — более темное, чем лицо Девы Марии, — показывает, что нубийский художник стремился правдиво изобразить свою соплеменницу. Темный тон применен в изображении всех тех царей и епископов, которые, вероятно, были нубийцами.

Фарасский собор и окружающие постройки дали много другого ценного материала. Камни с именами основателей — царей Меркурия и Захарии III — дают важную новую информацию о хронологии. Второй из камней, датированный 930 г., указывает, что это был десятый год правления Захарии; отсюда можно определить дату смерти долго жившего царя Георгия I — 920 г. В росписях представлены и другие цари, а также ряд епархов Нубии. Вероятно, из всех открытий самым примечательным является список епископов, нанесенный краской на одной из стен часовни в юго-восточном углу собора. Этот список двадцати семи епископов дает не только имена, но и годы их пребывания в должности епископа, а также месяцы и дни (к сожалению, не годы!) смерти многих из них. В результате удачного открытия могильных камней с точными годами смерти некоторых епископов (их можно узнать в списке) стало возможным установить более точную их хронологию, хотя из-за поврежденности надписи и трудностей чтения все еще остаются лакуны. Первые пятнадцать имен написаны одним и тем же почерком, и для этих епископов

день и месяц смерти не указаны. Начиная с епископа Андрея (902 г.) почерки разные, и поэтому ясно, что список пополнялся. Из-за лакун в списке невозможно датировать основание Фарасской епархии, но мы знаем, что Павел, пятый епископ, имел епископский сан в 707 г. — в том году, в котором он реставрировал собор. Если предположить, что каждый из епископов, даты правления которых известны, правил в среднем 11 лет, то первый рукоположенный епископ должен был получить свой сан примерно в 625 г. Установление хронологии епископов имеет значение и для датировки художественных стилей росписи. В ряде случаев сохранились портреты епископов, даты правления которых известны: видимо, было в обычае, чтобы епископ заказывал свой портрет сразу же после посвящения в сан. Епископ Кир, последний в первоначальном списке, был первым из епископов Фараса, получившим титул митрополита. Это показывает, что в рассматриваемое время Фарас, как и Донгола, был митрополией. Изображение Кира, на котором как часть его церковного облачения показан плат, известный как «шамла», свидетельствует о господстве здесь монофиситства, так как мелькитские епископы такой плат не носили.

Большое количество росписей дает нам множество данных не только о хронологии художественных стилей, но и относительно деталей церковной практики и иконографии, а также об одеяниях клира и царей. Есть и ряд граффити, большей частью еще не опубликованных, на трех языках, бывших тогда общими в Нубии: древненубийском, коптском и греческом. Многие из этих граффити — просто короткие молитвы или воззвания к богу о помощи, но есть и более длинные. Они дают много ценной информации по языковой ситуации в нубийском обществе. Оно, видимо, было многоязычным. Хотя, несомненно, на древненубийском языке говорило большинство населения, он применялся в письме не так широко, как другие, возможно считавшиеся более подходящими для религиозных и официальных надобностей¹⁵.

По-видимому, между 926 и 930 г. собор был разрушен пожаром, уничтожившим перекрытие, а двадцать пять лет спустя он был восстановлен — уже в другом стиле. Первоначальная деревянная крыша была заменена бочечно-сводчатым перекрытием из сырцового кирпича; гранитные колонны в нефе были заменены кир-

пичными устоями; большой западный вход был заложен кирпичом, так что главный доступ в храм остался с юга; некоторые могилы епископов были размещены снаружи храма — за западной стеной перед заложенным входом. В тот период, когда собор не использовался, к югу от него была выстроена новая церковь. Судя по надписи, сделанной при ее основании, церковь была заложена в 930 г. Эта надпись упоминает царицу-мать Мириам и содержит также первое датированное упоминание епарха Нобатии. Собор перестал существовать около 1170 г., когда центральный купол и перекрытие нефа обвалились или были намеренно разрушены. Это можно связать с военными событиями, о которых речь пойдет ниже. Попыток восстановить перекрытие нефа после этого не было, но упавшие кирпичи были удалены и перегораживающие стены достроены так, чтобы превратить боковые нефы в закрытые, — с тем, чтобы можно было использовать их по отдельности.

Вернемся к описанию исторических событий. Следующим из них, о котором есть сообщение, было посещение в 836 г. аббасидского халифа ал-Мутасима, тогда пребывавшего в Багдаде, Георгием, сыном нубийского царя Захарии. Поводом для этого визита был ответ на обвинение, выдвинутое халифом, в том, что нубийская сторона не выплатила положенного по «бакту». Нубийскому посольству удалось сократить выплаты по «бакту»: вместо одного раза в год стали платить раз в три года, а также заключить новый договор. Заключение договора Георгием (вероятно, ставшим потом царем Георгием I) сделало Нубию широко известной на Ближнем Востоке. Все это было встречено с ликованием местными христианскими общинами, все еще довольно многочисленными. Присутствие царевича из христианской страны и его встреча с обоими патриархами — александрийским и багдадским — вызвали среди христиан большое возбуждение. История поездки Георгия известна по ряду источников. В известных нам версиях есть расхождения; по одной из них, Георгий добрался только до Каира по приглашению Ибрахима, брата халифа ал-Мамуна (813—833). Согласно этой версии, договор был заключен в Каире, причем Георгий был особо почтен Ибрахимом: ему были подарены два дома — в Гизе и в Фустате, а патриарху александрийскому Иосифу (831—850) было разрешено сопровождать его часть обратного пути в Нубию.

Вопрос осложняется сообщением о другой поездке Георгия в Багдад, на сей раз в 852—853 гг., причем здесь он, как и Али Баба, царь беджа, назван пленником. Неясно, проделал ли на самом деле Георгий оба столь несхожих путешествия, или авторы дошедших до нас рассказов что-то путают. Упоминание Али Бабы, царя беджа, свидетельствует об интересе арабов районом прикрасноморских холмов, который оставался важным источником золота. Сами беджа провели немало походов на города Южного Египта, включая Ком Омбо, Эс-ну и Эдфу. Ал-Мутаввакил, ставший халифом в 849 г., послал против них в 852 г. Мухаммеда ал-Кумми во главе карательной экспедиции; в результате этой кампании и был пленен Али Баба. Примерно в то же время независимый арабский вождь ал-Омари не только попытался утвердить свои права на районы золотодобычи в восточной пустыне в области прикрасноморских холмов, но и вторгся в долину Нила; впоследствии он вел время от времени против нубийцев военные действия.

Сообщение об этих конфликтах дает нам имена других нубийских царей и некоторые сведения об их времени. Георгий I царствовал долго — примерно от 860 до 920 г. (как указано на его портрете в Фарасе, сделанном, когда он был уже стар). Во главе войска против ал-Омари он назначил Ниути, своего племянника, который как сын сестры царя был его естественным наследником. Но Ниути возмутился против своего дяди, возможно в попытке добыть трон раньше времени, и успешно противостоял сыну Георгия, вынудив того искать убежище в Альве. Тогда другой из сыновей Георгия, Закария, переменял политику и, вступив в союз с мусульманами, использовал их против Ниути. Сначала тот потерпел поражение и, как сообщает ал-Макризи, наш главный источник относительно этой истории, бежал, переправившись верхом через Нил в сопровождении только двух рабов. Но в конце концов объединенные нубийско-мусульманские силы победили Ниути, который был убит с помощью обмана. Тогда Закария выступил против ал-Омари и переманил на свою сторону некоторых его сторонников — они получили в дар земли вблизи места, которое можно отождествить с Аленданом (недалеко от Фараса). Это пожалование земель является первым указанием на сколько-нибудь значительное землевладение мусульман в Нубии и отмечает важный этап в проникновении сюда арабоязычных мусульман.

Дальнейшие события перепутаны: ал-Омари как будто продолжал военные действия в перерывах между поисками месторождений золота. Он рассорился не только с нубийцами, но и с беджа — жителями большинства золотоносных районов, а также с некоторыми своими арабскими сторонниками. Он был в конфликте и с Ахмедом ибн Тулуном (868—884), новым правителем Египта, и, несмотря на первоначальный успех, в конце концов был убит, вероятно агентами ибн-Тулуна.

В X в. нубийские государственность и культура попережнему находились на высоком уровне, и Адамс называет этот период «нубийским классическим». Не раз случавшиеся, по имеющимся сведениям, высокие паводки Нила не вызвали серьезных разрушений поселений. Процветание засвидетельствовано развитием церковной архитектуры, увеличением импорта египетской посуды и, вероятно, также облегчением доступа в страну для арабских купцов, которые, судя по надписям с могильных камней, теперь селились в районе ниже Второго порога. Продолжались нападения на Египет, который после падения Аббасидского халифата в 868 г. оказался под властью Тулунидов и Ихшидидов. В 956 г. нубийцы напали на Асуан и разграбили его, но затем потерпели серьезное поражение и потеряли важную укрепленную позицию — Каср Ибрим. К 962 г. они напали на своего северного соседа снова и дошли по крайней мере до Ахмима в Среднем Египте; граффито в Асуане упоминает трехгодичную оккупацию нубийцами городов Эсна и Армант.

Видимо, в это время наблюдался неустойчивый баланс сил, ибо наши данные часто противоречивы. В те несколько лет, что Верхний Египет был под нубийской оккупацией, Джаухар, полководец ал-Муизза¹⁶, пишет нубийскому царю Георгию II (портрет которого, как и его тезки, сохранился в Фарасском соборе), возвращаясь к старой теме — неплате «бакта», а также пытаюсь обратить нубийцев в ислам. Это письмо было доставлено Абдаллах Ахмедом ибн Сулеймом ал-Усвани (обычно известным как ал-Усвани, «человек из Асуана»). Он-то и написал отчет о Нубии, послуживший главным источником для ал-Макризи.

В царствование в Нубии Георгия II приход Фатимидов к власти в Египте, где их правление продолжалось до их свержения Айюбидами в 1171 г., привел к двум столетиям сравнительного мира и добрых отношений.

Фатимиды — шиитские лидеры, а подвластный им район ислама был преимущественно суннитским. Необычность этой ситуации могла побудить правителей Египта к какой-то форме альянса с Нубией в противовес враждебным суннитам. По-видимому, царь Нубии был признан по крайней мере полуофициальным покровителем коптского патриарха александрийского и, таким образом, в известном смысле ответственным за все христианское население Египта.

Во второй половине X в. и в XI в. Нубия продолжала процветать, хотя об этом времени известно не так уж много подробностей. Абу Салих упоминает в 1002 г. царя Рафаила как строившего в Старой Донголе из красного кирпича «в багдадском стиле». Он говорит также, что царь Соломон был похоронен в монастыре св. Георгия в Хандаке (здание монастыря еще не идентифицировано). Церковь по-прежнему играла важную роль в жизни страны. Фарасский собор с его многочисленными росписями продолжал действовать, и имелась еще одна большая церковь, тоже, вероятно, собор, недавно обнаруженная в Старой Донголе. Было и немало монастырей, но единственные известные по раскопкам — в Уиззе и в Газали, где могильный камень датирован 999 г. Преследования христиан в Египте ал-Хакимом ал-Мансуром (996—1021)¹⁷ заставили многих, в том числе монахов, бежать в Нубию; этим, возможно, и обусловлено преобладание коптских надписей в Газали.

Информация из Фараса (который снова становится главным нубийским источником) не только дает имена и даты правления епископов, но и свидетельствует об определенных изменениях в ориентации нубийской церкви. Приводятся доказательства того, что три епископа, правившие епархией с 997 по 1056 г., — Иоанн III, Мариан и Меркурий — были мелькитами (православными), а Петр (1058—1062) — монофиситом. В это же время Нубию посетил Христодул, патриарх александрийский, а это хорошее доказательство близких отношений между главами коптской и нубийской церквей. Ситуация далеко не ясна, и по меньшей мере один исследователь сомневается в обоснованности данных о возвращении к православному культу¹⁸.

Облик литургии (большой частью он неизвестен), характер молитв на могильных камнях как на коптском, так и на греческом языках и разнообразие языков в обиходе — все это не решающие доказательства, и даже по-

явление типичной православной молитвы на могильных камнях само по себе не является прямым подтверждением контроля под Нубией со стороны мелькитской церкви. Однако в 1097 г., при епископе Хаиле III, прекращаются надписи на коптском языке. В середине XI в. резко возрастает применение древнунубийского языка для написания граффити. Со времени епископов Коллута и Стефана (900—926 гг.) оживляется и использование греческого языка.

Практически вся наша информация исходит из арабских сочинений, а некоторые арабские авторы относились к Нубии без симпатии, большинство же из них никогда не бывали в этой стране. Приходится довольствоваться такой информацией, а согласно ей, царь Нубии жил в Старой Донголе, возможно в здании, которое прежде считали церковью, но сейчас полагают дворцом. Царь пользовался абсолютной властью в светских делах и, вероятно, имел значительную власть над церковью, хотя и не обладал правом назначать епископов, которые все еще, видимо, назначались из Александрии.

Мы не знаем точно, как обосновывались притязания на трон, не знаем, переходил ли (если вообще переходил) трон за долгие годы христианства в Нубии к другой семье. Существовало предание, что царская семья была арабского происхождения, но трудно представить себе, как это могло случиться. Царь имел титул «кабил» (или «камил» — чтение неопределенно). Он был также и священнослужителем. Он имел право служить обедню, если только не был повинен в убийстве человека. Одежния царя известны по росписям Фараса. Его регалиями были трон, зонтик, корона и золотой браслет. Несмотря на такой облик изысканных регалий, посол Туран-шаха рассказывает, что, когда его миссия прибыла в Донголу около 1175 г., царь выехал ему навстречу в совсем простой одежде, верхом на коне без парадной сбруи.

По некоторым сообщениям, престолонаследие шло от отца к сыну, но это может быть и результатом недопонимания со стороны арабских авторов, которым трудно было воспринимать любую другую систему родства. Действительно, имеются и сведения, большей частью довольно поздние, что применялась совсем иная система престолонаследия, предполагаемая и для кушитского времени. В ней наследником был сын сестры царя. Этим, вероятно, и была обусловлена важность женщины, из-

вестной в мероитское время как «кандака», если это была мать царя. В нубийский период «мать царя» дважды изображена на стенах Фарасского собора. Следы этой системы все еще есть у северных нубийцев, и некоторые арабские описания делают совершенно ясным, что такой порядок престолонаследия существовал (в некоторых случаях, по крайней мере) в нубийской царской семье. Конфликт между Закарией и Ниути, которые оба претендовали на наследование Георгию, можно объяснить существованием именно этой системы престолонаследия: мы знаем, что Ниути в своих притязаниях опирался на тот факт, что он — сын сестры царя Георгия. Характер притязаний Закарии, который был сыном Георгия, позволяет некоторым исследователям полагать, что происходил конфликт двух систем наследования — патрилинейной и матрилинейной. Но А. Кроненберг показал, что объяснение происходившему можно получить, предположив существование системы матрилинейного параллельно-кузенного брака, и что притязания Закарии опирались не на то, что он сын царя, а на то, что он сын дочери сестры царя Георгия, т. е. сын сестры Ниути, к которому Закария действительно адресуетя как к своему дяде, т. е. брату своей матери¹⁹. После смерти Ниути было предложено, чтобы ал-Омари женился на его вдове, которая была сестрой Закарии, — такой брак обеспечил бы наследование сыну ал-Омари. Стоит заметить также, что Абу Салих называет Бахрию, сына сестры царя, первым нубийцем, обращенным в христианство.

Подробности об управлении царским двором и о его организации скудны, но мы можем предположить наличие сильной царской власти и некоторое участие его в контроле над церковью. Имелся ряд высоких сановников двора, из которых эпарх Нубии — «господин лошадей» (явно не «господин горы», как этот титул читался прежде²⁰), вероятно, был главным. Правда, у него был собственный двор и своя администрация в Фарасе, он не жил вместе с царем в Донголе. Позже он, видимо, перенес свою резиденцию в лучше защищенный город Каср Ибрим. Действительная функция этого могущественного наместника детально неизвестна; он оставался реликтом некогда самостоятельного царства Нобатия. Он назначался царем, но в более поздние времена этот титул и должность стали наследственными. Эпарх носил отличающее его одеяние и регалии, из которых самой паразитической был двурогий головной убор. В его обязан-

ности входил не только контроль над северной и наиболее уязвимой провинцией страны — он также занимался связями с Египтом и с иностранными купцами и путешественниками. Он же контролировал и доступ иностранцев к районам южнее второго Порога, поскольку к X в., видимо, чужеземцам было разрешено селиться в районе между Первым и Вторым порогом, вскоре это стало обычным делом, как свидетельствует наличие арабских могильных камней по всему указанному району.

О других чиновниках, которые были менее значительными, чем эпарх, мы не знаем фактически ничего, кроме их титулов. Уже ранняя надпись Эпирпанома содержала некоторые титулы. Некто Паппуте упомянут под титулом «стефарис», значение которого остается неясным, а Эпифаний имел титул, который, вероятно, надо понимать как «хранитель печати». Позже мы находим в употреблении византийские титулы: «доместик», «прото-доместик», «мейзон», «протомейзотер» и др. Они напоминают византийские образцы и, видимо, относятся главным образом к мелким делам придворного обихода, хотя в функции этих сановников могла входить и ответственность за страну в целом.

Организация церкви, как, можно полагать, зависела от епископов (временами — митрополитов) Фараса и Донголы. Список этих епископов известен. В качестве центров епархий могут быть идентифицированы следующие места: Калабша, Курта, Каср Ибрим, Фарас, Саи и Донгола и, наконец, один неидентифицированный — Суенкур, находившийся, вероятно, выше Донголы по Нилу.

Позднерхристианский период (приблизительно 1160—1400 гг.). В 1169—1171 гг. правление Фатимидов сменилось правлением Айюбидов. Салах ад-Дин (Саладин), первоначально везир последнего фатимидского правителя ал-Адида, постепенно взял в свои руки контроль над Египтом. Это означало поворот и в судьбах Нубии. Фатимиды, с их вниманием к искусству и с их еретическим, но довольно либеральным подходом к делам религии, сохраняли две сотни лет мир с Нубией. Они рекрутировали в так называемые «черные» войска либо нубийцев, либо жителей еще более южных районов. В 1171 г. нубийцы напали на Асуан, возможно пытаясь помочь своим фатимидским союзникам, а в следующем году продвинулись в Верхний Египет. Это вызвало немедленную реакцию Салах ад-Дина,

который послал против нубийцев войско во главе со своим братом Туран-шахом; нубийцы были отброшены. 2 января 1173 г. Туран-шах взял крепость Каср Ибрим, захватил много пленных и превратил церковь св. Марии в мечеть. Сообщается, что воины Салах ад-Дина забили там 700 свиней. Археологические раскопки убедительно свидетельствуют о том, что нубийцы разводили свиней в большом количестве, и приведенная подробность придает всему рассказу достоверность. Крест, находившийся на куполе церкви, был сожжен, и муэдзин, забравшийся потом на купол, призывал мусульман к молитве. В этих действиях — и в захвате пленных, и в том, что епископ был подвергнут мучениям, — ясно проступает большой фанатизм новых пришельцев. Город был разграблен, запасы хлопка вывезены, и в городе разместились гарнизон всадников во главе с Ибрахимом ал-Курди. Мусульмане произвели ряд набегов на более южные области; в одном из них Ибрахим утонул близ Адендана, прямо против Фараса. Возможно, в результате этого в 1175 г. гарнизон был отозван из Каср Ибрима, и нубийские христиане вернули себе церковь и реставрировали ее.

Вскоре после этого Туран-шах отправил посольство в Донголу, возможно, чтобы разведать страну, чтобы принять решение о том, стоит ли предпринимать новое нашествие. Именно глава этого посольства и оставил сообщение о бедности царя нубийцев; его описание страны как не производящей ничего, кроме небольшого количества зерна и пальмовых деревьев, убедило мусульманского вождя в том, что дальнейшая военная авантюра не будет прибыльной. По-видимому, со стороны Айюбидов и не было больше вмешательства в дела Нубии, и о событиях в этой стране нет информации за следующие сто лет.

Захват власти в Египте мамлюками привел к решительным изменениям в отношениях Египта с Нубией. Мамлюки были агрессивнее своих предшественников и резко реагировали на любые беспорядки на своей южной границе. Нападение на Асуан в 1272 г. нубийского царя Давида, уже находившегося в ссоре с султаном Египта Байбарсом из-за неуплаты «бакта» и захватившего в том же году Айзаб, окончилось военной победой мамлюков; ряд главных нубийских чиновников, включая «господина лошадей», попал в плен. Их привезли в Египет и казнили. Это повлекло за собой не просто про-

должение нападений мамлюков на Нубию, но длительный период их вмешательства во внутренние дела страны.

Пользуясь династическими распрями и поддерживая те силы, которые видели выгоду в привлечении мусульман на свою сторону, мамлюки втянулись во внутренние дела Нубии, постепенно подготавливая гибель нубийского царства и замену христианства исламом. Как показал Адамс, археологические данные говорят о существенных изменениях в жизни нубийцев, которые частично могли быть вызваны политическими событиями и военными тяготами того времени²¹. Наиболее очевидным таким следствием было уменьшение числа и увеличение размеров городов и деревень, столь многочисленных в прежние века по всей Нубии ниже Второго порога. Сосредоточение населения в лучше защищенных поселениях и особенно увеличение числа позднехристианских общин в отдаленном районе «брюхо скал», где обычно искали убежища, создают впечатление, что люди выбирали для жизни спокойные и удобные для защиты места, и это соответствует тому, что сообщают очень немногочисленные письменные источники о нестабильной обстановке того времени.

Сообщения источников полны сведений о военных и политических событиях и интригах. В 1275 г. ко двору Байбарса прибыл Шеканда, племянник Давида, который стремился заручиться поддержкой мамлюков в своей борьбе за трон с Давидом II. Если наши представления о нубийской системе престолонаследия верны, притязания Шеканды были законны, и мы не знаем, как Давид II получил царство. Байбарс поддержал Шеканду и послал в Нубию отряд, который, захватив город Дау (ныне Джебель Адда) и остров, возможно Майнарти, продвинулся дальше в Нубию. Давид спасся бегством, а эпарх поддержал Шеканду, который и стал царем. Мамлюки предъявили Шеканде внушительный счет за помощь, которую они ему оказали, и северная часть Нубии, управлявшаяся «господином лошадей», была подчинена непосредственно Египту. Кроме того, платежи по «бакту» были снова увеличены, и к ним было добавлено требование вручать ежегодно то, что теперь уже можно вполне точно обозначать как дань — трех слонов, трех жирафов и много верблюдов и волов. Унижение Нубии было усилено разрушением церкви в Донголе, построенной царем Давидом с привлечением труда мусульман,

плененных в Асуане и Айзабе; золотые и серебряные предметы из нее были увезены в Египет.

Давид же бежал на юг, в ал-Абваб — вероятно, часть царства Алвы, но правитель этого места, данник Алвы (если только арабские авторы не спутали и не имели в виду царя самой Алвы), выдал его в 1277 г. мамлюкам. В 1286 г. правитель ал-Абваба Адор, возможно, тот, о котором шла речь выше, пожаловался на Шеканду султану Калауну (1279—1290). В результате интриг, о которых мы ничего не знаем, Шеканда был смещен, и его сменил Шемамун, который сумел удержать власть над Нубией примерно до конца XIII в. невзирая на набеги мамлюков. В ранние годы XIV в. царем на короткое время стал Ами. Около 1310 г. он был убит, и ему наследовал Куданбес — последний христианский царь, правивший в Донголе.

За это время мусульманское влияние сильно возросло, и надпись на дворце в Старой Донголе утверждает, что верхняя часть его была в 1317 г. превращена в мечеть. Похоже, что часть нубийского населения стала теперь мусульманами. Бану Канз и их вождь, носивший титул Канз ад-Даула и живший в северной части Нижней Нубии, стали, как кажется, мусульманами и частично арабизировались, хотя еще говорили на канзийском диалекте нубийского языка (как говорят и по сей день). Они, видимо, играли заметную роль как союзники мамлюков в нападениях на царя Старой Донголы. К 1323 г. Канз ад-Даула стал царем, но отношения между новым правителем и его прежними союзниками испортились, и запутанное сообщение источника дает понять, что у мамлюков появились трезвые соображения о надежности Канз ад-Даулы в качестве их агента в Нубии. По крайней мере на время они поддержали Куданбеса, пытавшегося вернуть власть, но к 1323 г. то ли утратили интерес к этому, то ли вновь изменили свою политику, но Куданбес, ожидавший в Асуане военную помощь от мамлюков, понял, что ждать нечего.

Несмотря на рост влияния в Нубии мусульман, христианство не исчезло внезапно в первой половине XIV в. Это было известно и ранее, а недавно появились надежные данные о позднем периоде существования нубийской культуры и христианской религии.

Период начиная с царствования Канз ад-Даулы, известный большей частью из сочинений ал-Макризи (1364—1442), характеризовался все более нестабильной

обстановкой. Последняя была вызвана в большей мере приходом в Нубию арабских племен, которые первоначально жили в Аравии; мамлюки вынудили или уговорили их покинуть Верхний Египет. В Нубии продолжали править собственные цари, но они, вероятно, были в основном мусульманами, как показывает имя одного из них — Насира, прибывшего в Каир в 1397 г. После 1365 г. разрушение Старой Донголы заставило, видимо, правителя перенести свою резиденцию в Дау (обычно отождествляемый с Джебель Аддой, гораздо севернее); здесь, очевидно, и доживало свои дни царство Донголы.

Хотя исламизированные Бану Канз контролировали самую северную часть Нубии, царство Дотава, справедливо отождествляемое с Дау (Нижнее До), оставалось все же христианским и говорящим и пишущим по-нубийски. Это засвидетельствовано несколькими документами на древнениубийском языке, которые упоминают Дотава и приводят имена царей (Элтей, Сити, Коудланиел). Документ на коже, посвященный продаже каких-то неустановленных предметов, также приводит имя царя Элтея. Имена чиновников и свидетелей сделки все нубийские, ряд из них имеет характерное нубийское именное окончание — куда.

О существовании царей Дотава известно уже много лет, но только недавно новые открытия дали более точную информацию и показали, что это царство сохранилось даже в XV в. Один документ, найденный в Джебель Адде, датируется 1484 г. и приводит не только имя царя — Джоеля, но и имя епископа — убедительное свидетельство существовавшего еще христианства. Доказательством того, что Каср Ибрим оставался резиденцией епископа по меньшей мере в XIV в., было открытие там могилы епископа, посвященного в сан в 1372 г. Дотава, вероятно, сохраняло в какой-то форме независимость до самого прихода турок-османов под водительством Оздемир-Бея в середине XVI в.²²

Информация о поздних христианских общинах в более отдаленных районах выше Второго порога, полученная из этой скудной письменной традиции, а также из археологических данных, убедительно говорит о том, что нубийская культурная традиция и христианство не преклились внезапно в середине XIV в., как предполагалось раньше, а существовали, хотя, возможно, и не в мире и благополучии, и в XV столетии. Отдельные сведения, хотя и не очень надежные, говорят, что некоторые хрис-

тианские общины сохранились и гораздо позже. Для XV, XVI и XVII вв. о Нубии почти нет данных письменных источников, но во второй половине XVII в. францисканцы, предпринимавшие попытки миссионерской деятельности в Эфиопии, стали появляться в долине Нила. Им принадлежат сообщения о существовании там христианских общин. Возможно, францисканцы принимали желаемое за действительное, хотя в нашем распоряжении есть письмо от отца Джокомо Рымаржа, жившего в Каире, сообщавшего в 1742 г., что его слуга-нубиец рассказал ему о группе христиан на о-ве Танкуси, выше Старой Донголы. Еще в 1540 г. Альварес, португальский миссионер в Эфиопии, сообщал, что встретил группу нубийских христиан, прибывших к императору этой страны, чтобы просить его о посылке в Нубию священнослужителей. Самое позднее и несколько неожиданное сообщение о единственном христианине, казалось бы, в исключительно мусульманской стране содержится в рассказе Р. С. Энсора о его визите в Старую Донголу в 1870 г. и о его встрече там с эфиопским священником. Есть и слабые указания на христианское влияние, проникшее из Нубии в Западный Судан. Францисканцы проявили значительную заинтересованность в проверке истинности этих рассказов и послали в 1710 г. из Триполи экспедицию из двух братьев-миссионеров на расследование, но братья погибли, и экспедиция потерпела неудачу.

События в царстве Алвы ясны еще менее, чем положение на севере. Хорошие пастбища делали ее более привлекательной, чем пустыни севера, для арабских племен Джухайна и Курайш, продвигавшихся на юг. Подробности проникновения арабов, принесших с собой свою религию и свой язык, неизвестны. Но мы можем предположить, что это было не внезапное нападение большого количества свирепых воинов, как часто утверждается, а скорее постепенное проникновение небольших групп, двигавшихся со своими семьями и стадами. Со временем они образовали большие группы, у вождей которых появились политические амбиции, а когда некий вождь «Абдалла Джамма» (возможно, мифическая фигура, поскольку это имя означает «Абдалла собиратель», подходящее для эпонимного основателя, объединившего разрозненные группы) сформировал единое «племя» абдаллаб, они смогли противостоять правителям Алвы.

Обычно полагали, что Соба, столица Алвы, была за-

хвачена вскоре после 1504 г. Умарой Дункасом, правителем фунгов — народа, появившегося в верхнем течении Голубого Нила и устроившего свою столицу в Сеннаре. Устная традиция, которая, возможно, является частью сознательно изобретенного политического мифа, гласит, что фунги были в союзе с абдаллаб и разгромили царство Алва. Но недавние исследования поставили это утверждение под сомнение. Они позволяют думать, что абдаллаб завоевали Алву еще до появления фунгов в этом районе, возможно даже еще в XIV в., и что фунги, в свою очередь, установили контроль над абдаллаб²³.

Какими бы ни были подробности конца христианской Алвы, нет сомнения, что население Алвы полностью приняло культуру, религию и язык завоевателей. Сегодня этот район — самый арабизированный из всех районов Судана. Все следы нубийского языка, если на нем и в самом деле говорили жители Алвы, утратились, за исключением нескольких топонимов, тогда как на севере этот язык сохранился. Именно в районе Голубого Нила начиная с XVII в. мусульманские богословы проповедовали ислам сильнее, чем в любой другой части Судана.

¹ *Quatremère E. M. Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines. P., 1811.*

² *Vantini G. The Excavations at Faras — a Contribution to the History of Christian Nubia. Bologna, 1970, c. 41—119.*

³ *Hasan, Yusuf Fadl. The Arabs and the Sudan. Khartoum, 1973, c. 182—202.*

⁴ *Monneret de Villard U. Storia della Nubia Christiana. Roma, 1938, c. 6.*

⁵ *Michalowski K. Faras — Die Kathedrale aus dem Wüstenland. Zürich, 1967, c. 48—49.*

⁶ *Michalowski K. Faras — centre artistique de la Nubie Chrétienne. Leiden, 1966, c. 9.*

⁷ *Ecclesiastical History of John of Ephesus. Translated by R. Payne-Smith. Oxf., 1860.*

⁸ *Kirwan L. P. A Contemporary Account of the Conversion of the Sudan to Christianity. — Sudan Notes and Records. Vol. 20. Khartoum, 1937, c. 289—299.*

⁹ «Еретическая секта галикарнасцев» — имеется в виду одно из ответвлений монофиситства. Последователи галикарнасского епископа Юлиана, бежавшего из Малой Азии в Египет в 519 г., учили, что тело Христова нетленно с момента его воплощения, а потому земные страдания Христа лишь видимость. «Галикарнасцы» назывались также и «юлианитами» (примеч. отв. ред.).

¹⁰ В оригинале обе цитаты переведены с арабского на английский автором статьи. Здесь перевод на русский дан по изданию

«Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары» (М.—Л., 1960, с. 27) (примеч. отв. ред.).

¹¹ *Forand P.* Early Muslim Relations with Nubia.—*Der Islam*. Bd. 48, 1971, с. 111—121. [Обсуждение смысла термина «бакт» см. в издании «Арабские источники VII—X веков», с. 388 (примеч. отв. ред.).]

¹² Зимнии — в мусульманском праве иноверческое население, добровольно подчинившееся мусульманам. Оно находится под покровительством мусульманских властей, платит поземельную и подушную подати, пользуется свободой вероисповедания, но не имеет никаких политических прав (примеч. отв. ред.).

¹³ *al-Maqrizi.* *Kitab al-Mawa'iz wa 'l-i'tibar fi dhikr al-khitat wa 'l'athar* (Khitat). Ed. by G. Wiet. Vol. I. Cairo, 1911, с. 323.

¹⁴ *Meinardus Otto F. A.* The Christian Kingdom of Nubia.—*Nubie — Cahiers d'histoire egyptienne*. 1967, vol. 10, с. 147.

¹⁵ *Shinnie P. L.* Multilingualism in Medieval Nubia.—*Studies in Ancient Languages of the Sudan*. Khartoum, 1974, с. 41—47.

¹⁶ Ал-Муизз би-л-лах — четвертый фатимидский халиф в Египте (953—975) (примеч. отв. ред.).

¹⁷ Ал-Хаким би-амри-л-лах — шестой фатимидский халиф в Египте (996—1021), учинивший свирепые гонения на христиан и иудеев (примеч. отв. ред.).

¹⁸ *Krause M.* Zur Kirchen- und Theologiegeschichte Nubiens.—*Kunst und Geschichte Nubiens in Christlicher Zeit*. Recklinghausen, 1970, с. 71—86.

¹⁹ *Kronenberg A.* Parallel Cousin Marriage in Medieval and Modern Nubia. Pt. I.—*Kush*. 1965, vol. 13, с. 256—260.

²⁰ *Plumley J. M.* Quasr Ibrim, 1969.—*Journal of Egyptian Archaeology*. 1970, vol. 56, с. 14.

²¹ *Adams W. Y.* Post-pharaonic Nubia in the Light of Archaeology. III.—*Journal of Egyptian Archaeology*. 1966, vol. 52, с. 147—162.

²² *Holt P. M.* Sultan Selim and the Sudan.—*Journal of African History*. 1967, vol. 8, с. 19—23.

²³ *Holt P. M.* A Sudanese Historical Legend: the Funj Conquest of Suba.—*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1960, vol. 23, с. 1—17.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Л. Е. Куббель</i>)	3
<i>П. Л. Шинни</i>	
Восточный Судан и Эфиопия (600 г. до н. э.—600 г.)	7
<i>Р. Оливер и Б. Фэган</i>	
Рождение бантуязычной Африки	77
<i>П. Л. Шинни</i>	
Христианская Нубия	148

Из истории африканского средневековья

(статьи британских ученых)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Г. С. Киселев*. Младший редактор *Г. С. Горюнова*. Художник *А. И. Гольдман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Э. С. Теплякова*. Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 15359

Сдано в набор 04.02.86. Подписано к печати 23.05.86. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 10,85. Тираж 1600 экз. Изд № 5898. Зак. № 114. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28